

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Ш. - В. Ланглау   Ш. Сеньобос

**ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ
ИСТОРИИ**

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Ш.-В. ЛАНГЛУА, Ш. СЕНЬБОС

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ

Перевод с французского А.Серебряковой

Издание второе, под редакцией
и со вступительной статьей Ю.И.Семенова

Москва
2004

УДК 930.1/2
ББК 63(я7)
Л 22

Л 22

Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.
Введение в изучение истории
/ Ш.-В.Ланглуа, Ш.Сеньобос; пер. с фр.
А.Серебряковой; Гос. публ. ист. б-ка Рос-
сии. — 2-е изд. / под ред. и со вступ. ст.
Ю.И.Семенова. — М., 2004. — 305 с.

ISBN 5-85209-127-8

Печатается по изданию: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А.Серебряковой. — СПб., 1899. — 275 с. — (Образоват. б-ка. Сер. 2 (1898 г.). № 3 — 4).

Книга выдающихся французских историков Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „Введение в изучение истории“, вышедшая в 1898 г., и сейчас остается одним из лучших руководств по методике и методологии исторического исследования. Написанная ярким, живым языком она была предназначена авторами не только для специалистов, но и для всех тех, кто интересуется историей и хотел бы знать, как она пишется и насколько можно доверять историкам. Эта книга до сих пор переиздается во Франции, Великобритании, США и многих других странах. Первое издание этого труда на русском языке вышло в 1899 г. С того времени она в нашей стране ни разу не публиковалась, что практически сделало ее недоступной даже для специалистов, не говоря уже о широкой массе поклонников Клио. Новое издание классического труда Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса снабжено вступительной статьей известного специалиста в области теории и методологии познания и философии истории и одновременно крупного историка и этнолога Ю.И. Семенова.

ББК 63(я7)

Подписано в печать 30.06.04. Формат 60 х 84 / 16. Бумага офсетная. Ризограф. Уч.-изд. л. 15,57. Тираж 500 экз. Заказ № 119. Цена договорная.

Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России.
101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.
Типография ГПИБ.

ISBN 5-85209-127-8

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2004

Труд Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ“ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Наука всегда была и остается верным отражением объективной реальности. Любой ученый до тех пор остается ученым, пока он занимается поисками истины, которая всегда была и может быть объективной и только объективной. Целенаправленными поисками объективной истины занимаются и историки. Историология является подлинной, строгой наукой, обладающей разработанными методами установления исторических фактов и в определенной степени также и методами их истолкования (интерпретации).

Убедиться в этом дает возможность работа, к которой написана данная вступительная статья. Она создана в 1897 г. двумя крупнейшими французскими историками. Один из них Шарль-Виктор Ланглуа (1863—1929) — автор большого числа работ по истории Франции в Средние века, исторической библиографии и методологии истории. На русский язык был переведен и трижды издан его труд „История инквизиции в Западной Европе (по новейшим исследованиям)“ (М., 1903; СПб., 1903), а также книга „История Средних веков“ (СПб., 1903). Другой — Шарль Сеньобос (1854—1942) — первоначально занимался историей Древнего мира и Средних веков, а затем переключился на новую историю. Русский перевод двухтомного труда Ш.Сеньобоса „Политическая история современной Европы“ выдержал ни много ни мало, а девять изданий (СПб., 1897; 1898; 1899; 1901; 1903; 1907—1908; М., 1922—1923; М.—Пг., 1923—1924). Переведена была на русский язык и его совместная с А.Метеном работа „Новейшая история с 1815 г.“ (СПб., 1905).

В 1896—1897 учебном году Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобосом был прочитан в Сорбонне курс лекций, имевший целью дать новым студентам университета „предварительное понятие о том, что представляет собой и чем должно быть изучение истории“ (С. 47).¹ Это курс и лег в основу книги

¹ Здесь и дальше все ссылки на книгу Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса будут даваться не в подстрочных сносках, а в тексте.

„Введение в изучение истории“, которая была написана в 1897 г. и вышла в свет в 1898 г. Она сразу же была замечена не только во Франции, но и в других странах, в частности в России. Уже в том же 1898 г. она была переведена на русский язык, 3 декабря прошла цензуру и, наконец, в 1899 г. поступила в продажу. Первое русское издание книги, к сожалению, оказалось единственным, в результате чего она к настоящему времени представляет собой библиографическую редкость. Во Франции, Англии, США и других странах Запада „Введение в изучение истории“ издавалось многократно. Последнее английское издание, сведениями о котором я располагаю, вышло в 1979 г., последнее французское издание — в 1992 г.

И хотя „Введение в изучение истории“ написано более ста лет тому назад и за прошедшее время появилось множество различного рода руководств по методике и методологии исторического познания, эта работа не потеряла своего значения. Без упоминания о ней не обходится ни одно современное сочинение, посвященное этим проблемам. В одной из самых последних зарубежных работ по методике и методологии истории — книге английского историка Дж.Тоша „В погоне за историей. Цели, методы и новые направления в исследовании современной истории“ (1984; 1991; 2000; русский перевод: Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000) труд Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „Введение в изучение истории“ по праву назван классическим¹.

Современный французский историк А.Про в книге „Двенадцать уроков истории“ (1996; русский перевод: М., 2000), посвященной проблемам теории и методологии этой науки, не находит для обозначения труда Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса никакого другого эпитета, кроме слова „знаменитый“².

В первой части самого последнего вышедшего в России учебного пособия по источниковедению (Источниковедение.

¹ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 101.

² Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 12.

М., 2000), озаглавленной „Теория, история, и метод источниковедения“ (автор — доктор исторических наук, профессор О.М.Медушевская) книге Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса уделено немало страниц. „Написанная исследователем „Политической истории современной Европы“ профессором Сорбонны Ш.Сеньобосом и его коллегой, блестящим знатоком источников по истории средневековой Европы Ш.Ланглуа, — пишет О.М.Медушевская, — небольшая, изящная, чуть ироническая книжка „Введение в изучение истории“ казалась бы, должна была бы быть давно забыта, как многие другие. Но этого не произошло, а это значит, что она верно выжила свое время“¹.

Последнее утверждение не вполне точно. Книга Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса не забыта не только потому, что верно выжила свое время. В ней содержится непреходящее знание, которое никогда не потеряет свою ценность. Бесспорно, что в работе есть положения, которые в настоящее время утратили свое значение, но книга в целом не устарела.

Непреходящее значение „Введения в изучение истории“ во многом связано с тем, что в нем нашел адекватное воплощение не только опыт работы предшествующих поколений историков, но и личный опыт исследований самих авторов. Бывают руководства по методологии научного исследования и труды по теории познания вообще, написанные людьми, которые сами никогда никаким научным исследованием не занимались и сами не сделали никакого, даже самого небольшого открытия, т.е. такие, которые целиком базируются на чужом опыте, почерпнутом из литературы. Не все они плохи. Некоторые даже представляют определенную ценность. Но в них всегда чего-то не хватает: есть знание, но нет умения. Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос не только знали, как изучать историю, но и прекрасно умели это делать. Их знание методов исторического исследования во многом было обусловлено умением использовать их для изучения истории.

¹ Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 48.

С этим связана необычайная четкость и ясность изложения, делающая книгу доступной не только для историков, но и для самых широких кругов читателей. Сами авторы предназначили свою книгу не только для людей, приступающих к изучению истории, будущих исследователей, но и для всех, кто ею интересуется. „Что же касается публики, читающей сочинения историков, — писали они, — то очень желательно, чтобы она знала, как эти сочинения пишутся и была в состоянии с большой правильностью о них судить“ (С. 48). Авторы скромно говорили, что профессионалы-историки в отличие от начинающих специалистов вряд ли узнают из их лекций что-либо для себя новое. Но тут же добавляли: „...Но если даже они найдут в них только тему для личных размышлений о приемах обработки исторического материала, которыми некоторые из них пользуются машинально, то и это уже будет важно“ (С. 48). Добавим, что это не просто важно, а очень важно, ибо сознательное, а не бессознательное использование приемов исторического исследования делает работу специалиста неизмеримо более эффективной.

Авторы начинают с утверждения: „История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей“ (С. 49). И хотя в ряде мест книги они относят к числу документов не только письменные, но и вещественные памятники (С. 75, 83) вся их работа посвящена исключительно письменным памятникам. В том же смысле, что и слово „документ“ используется в книге словосочетание „исторический источник“ и слово „источник“. В литературе понятие исторического источника обычно рассматривается как более широкое, чем понятие документа. Существует несколько видов исторических источников, и документ — один из этих видов, а именно — *письменный источник*. Указав на то, что кроме письменных источников существуют и иные, авторы все свое внимание уделяют только письменным источникам — документам в узком смысле слова.

И это понятно. Сколько бы ни было источников, для реконструкции истории классового (цивилизованного) общества первостепенное значение имеют письменные источники

(документы). Мы сейчас, например, прекрасно знаем, что с XXIII в. до н.э. по XVIII в. до н.э. в бассейне Инда существовало классовое общество — цивилизация Хараппы, или Индская. Но индская письменность до сих пор остается нерасшифрованной. Поэтому об общественном строе этого цивилизованного общества мы можем только догадываться. Мы не знаем была ли Индская цивилизация системой конкретных классовых обществ (социоисторических организмов) типа городов-государств Шумера или одним крупным единым социоисторическим организмом.¹ Мы ничего не знаем ни об одном из правителей этого или этих обществ, о событиях, которые происходили в течение пяти веков существования данной цивилизации.

Точно так же долгое время обстоит дело с Микенской цивилизацией (XVI—XII вв. до н.э), пока М.Дж.Ф.Вентрисом не было положено начало дешифровки крито-микенской письменности. В XII в. Микенская цивилизация пала: запустели города, были разрушены дворцы, исчезла письменность. Снова цивилизация и вместе с ней письменность возникли на территории Греции только в VIII в. до н.э. И хотя археологами период с XII в. до н.э. по VIII в. до н.э. на юге Балканского полуострова изучен не хуже, чем время до этой эпохи и после нее, он недаром именуется историками „темными веками“. Какие конкретно социоисторические организмы в эту эпоху там существовали, какие события в них происходили, науке не известно: отсутствуют письменные свидетельства.

Первую задачу историков авторы видят в поисках и сборе письменных источников. Они называют этот вид деятельности *эвристикой*. Когда документы оказываются в распоряжении специалистов, начинается деятельность, которую Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос называют *внешней критикой источников*, или *подготовительной их критикой*. Существуют два вида внешней (подготовительной) критики: (1) *восстановительная критика* и (2) *критика происхождения*.

¹ О понятии „социоисторический организм“ см.: Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С.21—34.

Изложение методов критики исторических источников авторы предваряют рассказом о научных дисциплинах, без которых невозможно выполнить эту работу. К этим дисциплинам, которые принято именовать вспомогательными историческими науками, они относят эпиграфику, палеографию, дипломатику, хронологию, сфрагистику и „литературную историю“. В качестве вспомогательной исторической дисциплины выступает и филология, являющаяся вполне самостоятельной наукой. При критике вещественных источников (произведений архитектуры, скульптуры, живописи, оружия, одежды, утвари, монет, медалей и т.д.) необходимо привлечение археологии, нумизматики и геральдики.

Документы, относящиеся к более или менее отдаленным временам, редко представляют собой оригиналы. Чаще всего в руки историков попадают копии, причем снятые не прямо с оригиналов, а с более ранних копий. При переписке в документы вкрадываются различного рода искажения. Цель восстановительной критики состоит в очищении и восстановлении текстов.

Критика происхождения имеет целью выявить автора, время и место создания документа, а также выяснить, какими документами пользовался при этом сам автор. В результате такой критики выясняется, является данный документ подлинным или же он представляет собой фальсификацию.

Внешней критикой источников занимаются специалисты, которых Ш.-В.Ланглау и Ш.Сеньобос называют *эрудитами* и отличают от собственно *историков*, восстанавливающих на основе фактов ход событий. Такое разделение труда они считают вполне оправданным.

После завершения внешней (подготовительной) критики документа начинается *внутренняя критика источника*. Авторы подразделяют ее на (1) *положительную* и (2) *отрицательную*. Положительную критику они называют также *критикой истолкования (интерпретации)*, или *герменевтикой*. Истолкование делится авторами на (1) *истолкование буквального смысла* и (2) *истолкование действительного смысла*. Первое — задача лингвистики, или филологии, которая таким образом составляет одну из *вспомогательных истори-*

ческих наук. Но выявление буквального смысла фраз не обязательно представляет собой выяснения действительной мысли автора. Последний мог употребить некоторые выражения в переносном смысле, прибегнуть к аллегориям, шуткам, мистификациям. Текст может содержать намеки, метафоры, гиперболы, фигуры умолчания. Когда истинный смысл текста установлен, положительная критика заканчивается.

Положительная критика или критика истолкования имеет дело исключительно с внутренней умственной работой автора исторического документа и знакомит только с его мыслями, но не с историческими фактами. Авторы предостерегают против одной из грубых ошибок, которую допускают даже некоторые историки, не говоря уже о людях, не занимающихся наукой. Когда установлена подлинность документа и правильно истолкован его текст, то возникает иллюзия, что мы теперь знаем, как все происходило в действительности. Подлинность документа рассматривается как гарантия правильности свидетельств его автора.

Это, по мнению авторов книги, справедливо лишь по отношению к идеям. Если та или иная идея выражена в документе, то это значит, что она существовала. Здесь дальнейшая критика не нужна.

Со всем остальным дело обстоит гораздо сложнее. Свидетельства о тех или иных внешних явлениях общественной жизни, содержащиеся в безусловно подлинном документе могут быть как истинными, так и ложными. Автор мог ошибаться, а а мог намеренно вводить в заблуждение. Факты, кроме тех, что относят к духовной жизни автора, нельзя просто заимствовать из документа. Их нужно оттуда извлечь. Это задача *отрицательной внутренней критики источника*. Она распадается на (1) *критику достоверности*, долженствующую выяснить, не лгал ли намеренно автор документа, и (2) *критику точности*, задача которой определить, не ошибался ли он.

Исходным пунктом внутренней критики исторических документов должно быть, по мнению Ш.-В.Ланглау и Ш.Сеньобоса, *методичное недоверие*. „Историк должен, — пишут они, — а priori относиться с недоверием к каждому

свидетельству автора документа, так как он никогда не уверен заранее, что оно не окажется лживым или ошибочным. Оно представляет для него только вероятность... Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнения, он должен сам начинать с сомнения" (С. 155—156).

В документе может быть и ложное, и истинное. Поэтому документ должен быть подвергнут анализу с тем, чтобы выделить все входящие в него самостоятельные свидетельства. Затем каждое из них исследуется отдельно. Как показывают авторы, процесс этот необычайно сложен. Существует масса приемов установления достоверности и точности свидетельств, которые подробно рассматриваются Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобосом.

Одним из самых важных является вопрос о том, наблюдал ли автор документа сам то, о чем свидетельствует (сообщает), или же исходил из свидетельства иного лица. И если выясняется, что он опирался на чужое свидетельство, то снова возникает вопрос об источнике последнего: было ли это собственное наблюдение или же опять-таки свидетельство иного лица. Этот вопрос может возникать вновь и вновь, уводя все дальше и дальше от автора документа. Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос полагают, что почти в каждом документе большая часть показаний исходит не непосредственно от его автора, а воспроизводит свидетельства других лиц.

Данный вид внутренней критики авторы книги называют отрицательной критикой потому, что она, по их мнению, может абсолютно точно установить лишь ложность того или иного свидетельства. Доказать же с несомненностью истинность какого бы то ни было свидетельства эта критика не в состоянии. Она может установить лишь вероятность истинности того или иного свидетельства, но не его достоверность.

Для установления достоверности того или иного факта необходимо прибегнуть к сравнению свидетельств о нем. „Возможность доказать исторический факт, — пишут Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос, — зависит от числа сохранившихся независимых друг от друга документов относительно

этого факта; сохранились или нет нужные документы, зависит вполне от случая, этим и объясняется роль случая в составлении истории" (С. 192).

Самый важный метод установления достоверности исторических фактов состоит в установлении согласия между ними (С. 193—194). Говоря о значении этого метода, авторы в то же время подчеркивают, что его применение связано с большими трудностями. „Согласие, — пишут они, — понятие гораздо более неопределенное, чем сходство. Невозможно вообще определить с точностью, какие факты достаточно связаны между собой, чтобы образовать единое целое, в котором согласие отдельных частей будет убедительно..." (С. 194). Как указывается в книге, обращение к методу согласия означает переход от аналитических процессов к синтетическим.

Как считают авторы, легче всего установить достоверность общих фактов, наличие в тех или иных обществах определенных нравов, обычаев, учреждений и т.п. Гораздо сложнее состоит с выявлением достоверности единичных (частных) фактов, т.е. действий и слов тех или иных лиц, свершения тех или иных событий. Но, по крайней мере, некоторые единичные факты могут быть установлены с достоверностью.

Изложенным выше вопросам посвящены первые две части, импущемые книгами „Введения в изучение истории“, „Предварительные сведения" (2 главы) и „Аналитические процессы" (8 глав). За второй следует третья часть (книга), которой авторы дали название „Синтетические процессы". Она состоит из пяти глав. На проблемах, рассматриваемых в ней, нужно остановиться особо. В первых двух частях труда авторы были в своей стихии — в сфере методики исторического исследования. Если они и обращались к проблемам познания, проблемам мышления, то в основном в пределах формальной логики. Проблем теории познания они почти совсем не касались. Поэтому при рассмотрении этих двух частей работы вполне можно было ограничиться лишь некоторыми замечаниями.

Иное дело третья часть. Здесь авторы переходят от методики исторического исследования, от техники изучения источников к методологии исторического познания. И тем самым они здесь с неизбежностью вторгаются в область, в которой они специалистами не являются, — сферу теории познания (гносеологии, эпистемологии), т.е. философии. И при этом они касаются проблем, которые и сейчас в философии явно недостаточно разработаны, не говоря уже о времени, когда писалась данная книга. Поэтому здесь отдельными замечаниями ограничиться невозможно. Нужен более или менее обстоятельный разбор.

Как указывают Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос, в результате внутренней и внешней критики источников в распоряжение историка поступает большее или меньшее количество фактов. Но эти факты разрознены, изолированы друг от друга. Перед историком — неупорядоченная груда фактов. Их нужно привести в порядок, систематизировать, или, как формулируют данную задачу сами авторы, „сгруппировать эти факты в научное целое“ (С. 198). Такая задача стоит не только перед историками, но перед всеми исследователями, имеющими дело с фактическим материалом. Все они ее решают, но не всегда одинаково в зависимости от характера материала и целей исследования.

Прежде чем перейти к проблеме упорядочения фактов, стоит задержаться на вопросе о том, что такое факт. Этим вопросом занимались как специалисты в области конкретных наук, так и философы. Но единой точки зрения на факт до сих пор не существует. Одна из них состоит в том, что факт есть явление действительности. Вторая — факт представляет собой образ действительности. Третья различает два вида фактов: факт, существующий в реальности, и факт — образ этой реальности. Четвертая — факт есть суждение, соответствующее реальности. Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос в целом склоняются к первой точке зрения. Если они и говорят о внутренних фактах, то подразумевают под этим идеи человека (С. 190). События, которые изучают историки, условия, в которых они совершаются, — все это внешние факты. Как определяют они, внешний факт — это „всякий факт, проис-

ходящий в объективной действительности“ (С. 185. См. также С. 177—178, 184). Однако на некоторых страницах книги проскальзывает и вторая точка зрения (С. 203—206), а тем самым и третья.

Не вдаваясь в дискуссию, отмечу, что факт, как он мыслится всеми учеными, обладает двумя, казалось бы, несовместимыми особенностями. Первая — его объективность. Факт, взятый сам по себе, не зависит от сознания человека и человечества. Вторая особенность факта состоит в том, что он существует в сознании человека. Именно в сознании человека факты „хранятся“, „накапливаются“, „группируются“, „истолковываются“, а иногда и „подтасовываются“.

Все это вместе взятое помогает понять природу факта. Факт есть момент действительности, вырванный из нее и пересаженный в сознание, точнее, в мышление человека. В сознании факт существует как содержание истинного, т.е. соответствующего реальности, суждения (или нескольких суждений). В сознании этот момент действительности, которая всегда есть нечто целое, будучи изолированным от других, выступает как фрагмент действительности. Установление факта есть вырывание момента действительности из самой действительности. Познание действительности с неизбежностью есть раздробление ее на фрагменты. В результате никакая, даже самая большая совокупность фактов не может дать целостного знания о действительности. Груда обломков мира не есть мир. Чтобы возникло целостное представление о мире, необходимо факты объединить, связать друг с другом. А это предполагает познание связей, существующих в реальности. Только тогда мир будет воссоздан в сознании и предстанет в нем таким, каким он является в действительности.

Получив в свое распоряжение факты, люди начинают их так или иначе упорядочивать: классифицируют, обобщают, расставляют их во времени и пространстве. Но все это пока еще не объединение фактов, а лишь создание условий для него. Объединение начинается тогда, когда вскрываются более глубокие, чем пространственные и временные, отношения между моментами действительности, и каждый факт

предстает не изолированно, а в связи с целым рядом других таких же фрагментов. Выявление связей между фактами обычно именуется их истолкованием (интерпретацией), а результат этого процесса — пониманием, а тем самым и объяснением фактов.

Различие между знанием отдельных фактов и их знанием в связи друг с другом обычно осознается как различие между просто *знанием* и *пониманием*. Можно знать и не понимать. Обратив внимание на это различие, некоторые философы начали рассматривать понимание как нечто принципиально отличное от познания и создавать особое учение о понимании, отличное от теории познания. В действительности понимание есть более глубокая ступень познания.

Процесс связывания, объединения фактов, а тем самым их понимания и объяснения точнее всего было бы назвать *унитаризацией* (фр. *unitare* от лат. *unitas* — единство) или *монизацией* (от греч. *монос* — один, единый). Существуют разные виды унитаризации. Высшая форма унитаризации — объединение общих фактов. Она наиболее известна и больше всего разработана. Это объясняется тем, что именно данная форма унитаризации используется в естественных науках.

В естествознании, как и в любой науке, исключая, пожалуй, только математику, познание начинается с поисков фактов. Методы получения фактов в естественных науках — наблюдение и эксперимент, разумеется, включающий в себя в качестве необходимого момента наблюдение. В естествознании полученные единичные факты сразу же или несколько позднее обобщаются. От единичных фактов мысль движется к общим фактам. Все это известно под названием индукции. Для естественных наук только общие факты имеют значение. Следующий шаг — проникновение в сущность общих, а тем самым и единичных фактов.

Здесь не может помочь никакая индукция. Сущность в чистом виде, как таковая не существует. Она имеет бытие только в явлениях и через явления. Познать сущность — воссоздать ее в мышлении в чистом виде, т.е. в таком, в каком она в реальности не существует и существовать не может. Сущность можно зреть лишь умом, она всегда только умо-

зрима. Для этого необходимо воображение, причем не наглядное, а умственное. Продуктом мыслительной фантазии является идея, всегда представляющая собой комплекс понятий. Возникнув в качестве догадки, идея разрабатывается, нередко превращаясь в целостную систему идей. Простая или сложная система идей первоначально является лишь предположением о том, какой может быть сущность явления, лишь вероятной, но не достоверной истиной. Ее именуют *гипотезой*.

Гипотезу подвергают проверке. Если сущность явлений действительно такова, как она выступает в гипотезе, то отсюда вытекает, что такие-то и такие еще неизвестные нам явления должны существовать, а таких-то и таких-то неизвестных нам явлений не должно быть. Иными словами из гипотезы следует существование или не существование определенных фактов. Если в ходе наблюдений или/и экспериментов предсказанные гипотезой факты обнаруживаются, а „запрещенные“ ею факты не находятся, то гипотеза превращается в теорию, которая отличается от гипотезы не внутренней структурой, а лишь тем, что представляет собой истину уже не вероятную, а достоверную.

Если же выясняется, что предсказанных гипотезой фактов нет, а „запрещенные“ ею найдены, то тем самым обнаруживается ошибочность гипотезы. Возникает нужда в новой идее и разработке новой гипотезы. Однако, не следует думать, что новая гипотеза выдвигается лишь после выявления ошибочности более ранней. Может одновременно создаваться и проверяться несколько гипотез.

Движения мысли от единичных фактов к общим, а от них через гипотезы к теории можно назвать процессом *эссенциализации* (от лат. *essentia* — сущность). Чтобы создать верную идею и теорию, нужно одновременно и оторваться от фактов, ибо в идее всегда есть то, чего нет в фактах, и не отрываться от них, ибо в таком случае идея окажется ложной.

Исследованием процесса движения от фактов к теории довольно много занималась т.н. философия науки. Но вследствие того, что она и зародилась в недрах логического позитивизма (неопозитивизма, третьего позитивизма), и в основ-

ном руководствовалась неопозитивистскими идеями, то доби- лась немногого. Проблема была поставлена, но не решена. Суть неопозитивизма, как и любой другой разновидности позитивистской философии, заключается в феноменализме, в агностицизме, в отрицании возможности познания сущности и даже отрицании существования сущности. Такая философия заведомо не могла решить проблему познания сущности, а тем самым и дать картину научного познания мира, ибо суть последнего заключается в проникновении во все более и более глубокую сущность мира. Поэтому крах неопозити- визма был предопределен.

Отрицание возможности познания сущности имело сво- им неизбежным следствием непонимание природы научной теории. Теорию неопозитивисты и вообще все приверженцы аналитической философии понимали как совокупность вы- сказываний, наиболее пронизательные из них — как систему высказываний. Не правы были не только первые, но и вто- рые. Теория — система не высказываний (суждений), а идей, а тем самым и понятий, но соединенных в идеи. Она только выражается в высказываниях. Сводить теорию к совокупно- сти высказываний так же нелепо, как сводить к системе предложений образы Евгения Оленина и Татьяны Лариной на том основании, что весь роман А.С.Пушкина состоит из предложений.

Но если вопрос о восхождении от фактов к теории все же ставился и рассматривался специалистами по теории по- знания, то другая форма унитаризации, состоящая в непо- средственном объединении единичных фактов до сих пор оста- ется без подлинной гносеологической обработки. А имен- но эта форма унитаризации характерна для исторической науки.

Историческая наука существенно отличается от естест- вознания, что достаточно хорошо показано в работе Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса. Естествознание изучает на- стоящее, то, что существует сейчас, историология изучает прошлое, то, что когда-то было, но которого сейчас уже нет. Естествоиспытатели добывают факты путем наблюдений и экспериментов. Для историков исключен не только экспери-

мент, но и наблюдение. О том, что происходило в прошлом, мы можем узнать только из источников, среди которых важ- нейшую роль играют письменные (документы). Так как в книге Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса рассматриваются только документы, то и я ограничусь лишь ими.

В документах содержатся свидетельства о прошлом. Ес- ли не прямо, то, в конечном счете, они основаны на чьих-то наблюдениях, которые имели место тогда, когда изучаемое историками прошлое было настоящим. Эти наблюдения оче- видцев, как правило, не носили целенаправленного, система- тического характера, который присущ наблюдениям совре- менных естествоиспытателей. Они велись очевидцами собы- тий обычно лишь попутно в ходе повседневной житейской деятельности. Поэтому даже в документе, принадлежащем очевидцу, причем такому, который старается сказать правду, сведения не могут отличаться слишком большой полнотой и точностью.

В сознании очевидца, несомненно, содержались факты, которые затем попали в документ. В результате предприня- той историками критики источников эти факты были извле- чены и оказались в сознании исследователей прошлого. Если естествоиспытатели получают факты прямо, то историки — через ряд посредствующих звеньев. Естествоиспытатели сознательно дробят существующую действительность и по кусочкам втаскивают ее в свое сознание. Историкам дробить когда-то существовавшую реальность ни к чему. Она входит в их сознание в виде осколков, фрагментов. Естествоиспыта- тель может по своему выбору вырвать из действительности тот или иной нужный ему момент и ввести его в свое созна- ние в виде факта. Историк, особенно когда он исследует бо- лее или менее отдаленное прошлое, приходится либо до- вольствоваться тем, что есть, либо начать поиск новых ис- точников, нередко точно не зная, какие факты в них могут содержаться и могут ли ему понадобиться.

Но главная проблема, которая встает перед историками, заключается в том, как понять, как интерпретировать факты (не источники, как это делается в ходе их критики, а именно факты), т.е. как их объединить, поставить в связь. Так дейст-

зовать, как естествоиспытатель, историк не может. Во-первых, у него есть такие единичные факты, которые не поддаются превращению в общие. Они неповторимы и индивидуальны. Во-вторых, если он откажется от единичных фактов, уберет их, то у него будет не картина истории, а в лучшем случае схема истории.

Вопреки мнению целого ряда философов в распоряжении историков, кроме единичных фактов есть и такие, которые многие из них, включая Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, называют общими. Единичные факты — действия и речи тех или иных лиц, события, которые складываются из действия людей. Но эти события происходят в определенных условиях, при определенном *состоянии общества* (С. 223). Говоря о состоянии общества, Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос имеют в виду обычаи, нравы, учреждения, т.е. по существу социальные порядки, существующий в обществе строй.

Когда речь идет о явлениях, которые изучает естествознание, то подчеркивают, что они повторяются. Естествознание имеет дело с повторяющимися явлениями, а тем самым с общими фактами. Все это не совсем точно. Каждый раз естествоиспытатель имеет дело не с тем же самым явлением, а с другим. Но это явление ничем существенным не отличается от того, что наблюдалось ранее, практически тождественно ему. Поэтому его можно рассматривать как то же самое. В случае со сходными событиями в истории каждое имеет столь индивидуальную окраску, что прямое отождествление их, как это имеет место в естественных науках, просто невозможно.

Что же касается общественных порядков и их различного рода моментов, то говорить об их повторяемости в точном смысле слова нельзя. Они не повторяются, а существуют в течение более или менее длительного времени, длятся, воспроизводятся. В этом смысле можно говорить об общих фактах. Но подобные общие факты истории отличаются от общих фактов естествознания тем, что они относятся не к обществу вообще, как последние к природе вообще, а локализованы в пространстве и времени. Общественные порядки существуют в определенном конкретном обществе (социо-

сторическом организме) и в определенную эпоху. Если общие факты естествознания всеобщие, то рассмотренные выше общие факты истории являются локально-общими, частно-общими.

Таким образом, перед историком в отличие от естествоиспытателя стоит задача объединения не общих (и только тем самым единичных) фактов путем создания теории, а объединения единичных и общечастных фактов. Объединить единичные и частнообщие факты можно только путем связывания их в единое целое, что предполагает выявление реальных связей, существующих в обществе. При эссенциализации мы имеем дело с движением мысли от отдельного к общему, ибо сущность тоже есть общее, правда такое, которое невозможно раскрыть путем процессов абстрагирования и обобщения, рассматриваемых в формальной логике.

В данном случае мы, как и в случае с эссенциализацией, тоже имеем исходным моментом грудку осколков действительности. Но нашей задачей является соединение, „склеивание“ этих фрагментов в единое целое и тем самым воссоздание (реконструкция) действительности в единстве всех ее конкретных моментов. Мысль при этом движется не от отдельного к общему, а от части к целому.

В формальной логике существуют понятия анализа и синтеза. При анализе происходит либо выделение отдельных признаков предмета, либо его мысленное расчленение на части. Соответственно синтез есть либо соединение ранее выделенных признаков предметов одного и того же вида и тем самым выделение в них общего, либо мысленное соединение ранее выделенных частей предмета вновь в единое целое.

В случае исторического исследования мы имеем дело с процессом сходным с синтезом во втором смысле слова. Сходным, но не тождественным. Отличие заключается в том, что соединяются в единое целое не части предмета в привычном смысле, пусть ставшие содержанием сознания, а самые разнообразные моменты действительности, вырванные из действительности и пересаженные в сознание. Факты есть частички действительности, но особого рода. „Склеивание“,

соединение единичных и частнообщих фактов в единую картину действительности, воссоздания действительности как единого целого, несомненно есть процесс унитаризации. Но это иная форма унитаризации, отличная от эссенциализации. Для ее обозначения можно использовать слово „*холизация*“ (от греч. *holos* — целое).

Из числа ученых холизацией занимаются, пожалуй, одни лишь историки. Но она не единственные люди, прибегающие к ней. К холизации прибегают розыскники, следователи, вообще детективы, прокуроры, работники аналитических служб стратегической разведки и т.п. Им тоже не нужно раздроблять действительность. В их руках всегда оказывается незначительное число ее осколков. Чтобы понять, как произошло преступление и кто его совершил, все полученные факты нужно соединить в единое целое. Только тогда все станет ясным. Чтобы это сделать, нужна, как в случае с эссенциализмом, фантазия, порождающая идею. Но эта идея отлична от эссенциальной. В ней схватывается не сущность явлений, а их целостность, их связь. Это — холическая идея. Она, как и эссенциальная идея, может разрастись в систему идей.

Простая и сложная холическая идея, также как и эссенциальная идея и вырастающая из нее теория, базируясь на фактах, не включает в себя факты. Но не включая в себя факты, лежащие в ее основе, холическая идея обязательно выступает в качестве средства, с помощью которого объединяются эти факты. Холическая идея выступает в качестве своеобразного клея, с помощью которого факты соединяются в единое целое. Она играет роль иглы с нитью, сшивающей множество лоскутков в единое одеяние. Таким образом, холическая идея предполагает существование особой мыслительной конструкции, которая представляет собой синтез этой идеи и единичных (и частнообщих) фактов, картину, в которой все факты связаны посредством идеи друг с другом, выступают как моменты одного единого связанного целого. Эту мыслительную конструкцию можно назвать *идеофактуальной картиной*, или, сокращенно, *идеофактуалом*.

Идеофактуальная картина может быть верной, а может быть неверной. Верна она тогда, когда факты соединены точно так, как моменты реальности связаны в самой действительности, когда каждый факт оказывается на том месте картины действительности, который момент реальности занимает в самой реальности. Но факты можно связать совершенно по-иному, они могут в идеофактуальной картине занять совершенно иные места. В последнем случае и холическая идея, и идеофактуальная картина оказываются ложными.

Поэтому необходима проверка идеи и основанной на ней картины действительности. Фактов, имеющихся в распоряжении детектива, всегда мало. Поэтому в идеофактуальной картине остается много пробелов, „белых“ пятен. Их тем больше, чем меньшим числом фактов располагает детектив. Эти лакуны необходимо заполнить, прибегая к размышлению и фантазии.

Заполнение пробелов в идеофактуальной картине напоминает решение кроссворда. В пустую пока строку можно внести не всякое слово, а слово со строго определенным числом букв, а если уже заполнены строки, пересекающие данную строчку, то со строго определенными буквами на строго определенных местах. Поэтому полет фантазии здесь всегда ограничен.

При создании идеофактуальной картины свобода воображения тем больше, чем меньшим числом фактов располагает ее создатель. Когда фактов мало, обычно выдвигается не одна, а несколько холических идей и создается не одна, а несколько идеофактуальных картин, несколько, как принято говорить, *версий* происшедшего. Если продолжить аналогию холической идеи с иглой и нитью, то первоначально куски ткани не сшиваются, а лишь сметываются на легкую руку.

Из каждой идеофактуальной картины вытекает, что кроме уже установленных фактов, должны еще существовать такие-то и такие-то пока не обнаруженные факты, а таких-то и таких-то фактов быть не должно. Если в ходе последующего расследования выясняется, что предсказанные факты действительно существуют, а „запрещенных“ нет, то это служит подтверждением истинности данной идеофактуаль-

ной картины. Продолжая обозначенную выше аналогию с действием портного, после сметки кусков ткани производится примерка одежды и, если она оказалась удачной, производится сшивание.

Получившая подтверждение идеофактуальная картина становится, как говорили когда-то юристы, материальной истиной. Последнее словосочетание нередко приводило в ярость наших философов. Ведь истина и материя — совершенно разные вещи. Истина не может быть материей, а материя — истиной. Но юристы, употребляя словосочетание „материальная истина“, имели в виду вовсе не материю в любом смысле этого слова, включая и философский, а всего-навсего материалы, которым располагало следствие. Материальная истина — идеофактуальная картина, подтвержденная всеми материалами следственного дела.

В случае, когда предсказанные факты в ходе поисков не находились, а „запрещенные“ обнаруживались, от версии отказывались как от ошибочной. С выдвижением верной идеи и соответственно созданием верной идеофактуальной картины, получали верное истолкование, становились понятными и получали объяснения все выявленные факты. Простое знание фактов сменялось их пониманием.

То, что мыслительная деятельность детектива отнюдь не сводится к дедукции и индукции, понимали некоторые авторы детективных произведений. В романе А.Кристи „Зло под солнцем“ ее любимейший герой — Эркюль Пуаро застал одну из дам за разрешением головоломки, состоявшей в составлении картины из множества кусков, на которые она была разрезана. Когда эта дама захотела узнать, в чем состоит его метод расследования, Эркюль Пуаро разъяснил: „Он напоминает, мадам, немного эту головоломку... Человек подбирает разрозненные фрагменты, будто большую и разноцветную мозаику... Каждая деталь должна лечь на свое место... Порой бывает это сделать сложно, как и решить вашу головоломку... Подбираю фрагменты вдумчиво, внимательно, по цветам, мадам, и оказывается, что деталь, которая должна была подходить к меховому коврику, подходит, как в

насмешку, к хвосту черного кота“.¹ В другом месте того же романа Эркюль Пуаро, выявив десять разных внешне совершенно никак не связанных фактов (ножницы; бутылка, выброшенная из окна; клубок шерсти; вода, спущенная из ванной и др.) рассуждает: „Каждый из этих отдельных фактов должен был иметь свое место, должен был чему-то соответствовать. Все должны были согласовываться друг с другом до конца“.²

Примерно то же самое говорит герой рассказа К.Чапска „Гибель дворянского рода Войтицких“ полицейский комиссар Мейслик своему собеседнику: „Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связанном ходе событий... Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связанном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную...“.³

Так рассуждали не только вымышленные герои. Известный русский юрист А.Ф.Кони подчеркивал, что в уголовном деле даже очень серьезные улики, взятые сами по себе, в отрыве друг от друга, суть лишь „отдельные кусочки, разноцветные камушки, не имеющие ни ценности, ни значения“. Эти факты „только в руках опытного, добросовестного мастера, связываемые крепким цементом мышления, образуют более или менее цельную картину“.⁴

Все, что сказано выше о работе детектива, практически почти полностью относится и к деятельности историков. Это, в частности, было подмечено в свое время Р.Дж.Коллигвудом в „Идее истории“.⁵ Историки тоже, исходя из имеющихся в

¹ Кристи А. Зло под солнцем. М., 1991. С. 156.

² Там же. С. 169.

³ Чапек К. Концы дворянского рода Войтицких // Соч.: В 5 т. Т. I. М., 1958. С. 174.

⁴ Цит.: Ваксберг А. Преступник будет найден. М., 1963. С. 71.

⁵ Коллигвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.266—267.

их распоряжении фактов, выдвигают идею и создают идеофактуальную картину прошлого, которая может быть истинной, а может быть и ложной.

При этом открывается самая широкая возможность фальсификации истории. Самый грубый вид фальсификации состоит в том, что на основе подлога документов или просто произвольно придумываются факты, которых в действительности никогда не было. Более утонченная форма — приводятся только действительно установленные факты, но не все, умалчивается о целом ряде фактов, причем важных. Самая тонкая разновидность фальсификации: приводятся все основные факты, но при этом они соединяются совсем не так, как связаны моменты исторической реальности. В результате получается основанная только на достоверно установленных фактах, но тем не менее извращенная, искаженная картина прошлого.

Но ложная идеофактуальная картина прошлого — совершенно не обязательно продукт сознательной фальсификации. Историк может просто ошибаться. Имея в своем распоряжении слишком мало твердо установленных фактов, он выдвигает ложную идею и издает искаженную идеофактуальную картину.

Выявление истинности или ложности идеофактуальной картины прошлого проводится в принципе так же, как в случае проверки детективной версии. В исторической идеофактуальной картине всего есть пробелы, которые заполняются историком при помощи размышления и фантазии. Историк делает выводы об обязательном существовании одних фактов, которые пока не были представлены в источниках, и невозможности существования целого ряда других мыслимых фактов. Если его предположения подтверждаются, выдвинутая им идея и созданная им идеофактуальная картина может претендовать на истинность. В противном случае она должна быть признана полностью или частично ложной. Такого рода проверку мне самому приходилось проводить неоднократно. Я выдвигал определенную идею и создавал на ее основе из уже известных мне фактов идеофактуальную картину. Далее становилось ясным, что и эта идея, и эта картина могли быть

верны лишь при условии существования тех или иных, неизвестных мне к этому моменту фактов. И очень часто, обратившись к археологическим, этнографическим и историческим трудам, я эти факты почти сразу же обнаруживал. Разумеется, случались и неудачи. В случае последних приходилось выдвигать иные идеи и создавать иные идеофактуальные картины.

Работа историка не только сходна с деятельностью детектива, но и отлична от нее. Факты, с которыми детектив сталкивается в процессе расследования преступления, — следы действий преступника. Чтобы объединить эти факты, нужно проникнуть в замысел этого человека и выявить причины, которые заставили его внести те или иные изменения в ход его реализации. Суть холизации здесь состоит в выявлении смысла фактов. Смысл фактов при расследовании данного конкретного преступления — последняя суть, которой вполне достаточно для понимания этого события.

Историк тоже имеет дело с действиями людей, которые ставят перед собой определенные цели и стремятся их реализовать. И первые попытки объединить исторические факты в большинстве случаев состояли в выявлении замыслов, если не всех участников исторических событий, то, по крайней мере, тех людей, которые играли в них ведущую роль. И здесь холизация, по крайней мере, на первых этапах развития историологии, заключалась в выявлении смысла исторических фактов. Однако, этого никогда не хватало. Именно поэтому историки постоянно прибегали к понятию судьбы в двух ее формах: судьбы-фатума и судьбы-фортуны.¹ Это было иллюзорной формой осознания того, что история не представляет собой простой совокупности или даже цепи событий, что в этих событиях проявляется исторический процесс, протекающий по законам, независимым от сознания и воли людей.

Но если история есть объективный процесс, идущий по объективным законам, то историология нуждается не в одной лишь холизации, но и в эссенциализации. Первый шаг по

¹ См. об этом: Семенов Ю.И. Философия истории... С. 95—96, 263.

пути, ведущему к познанию сущности исторического процесса, — обобщение, но не единичных фактов, а частных. Результат — выявление фактов, общность которых не ограничена рамками определенных соционисторических организмов и эпох. Следующий шаг — выдвижение эссенциальной идеи, создание гипотезы и превращение ее в теорию.

Эссенциализация в естественных науках сама по себе не предполагает обращения к философии. Иначе обстоит в области историологии. Создание сколько-нибудь общей исторической теории невозможно без обращения к самому общему познанию истории, которое может возникнуть только как интегральная часть философии, т.е. без обращения к философии истории, историософии. Подлинно научная философия истории в свою очередь никогда не может возникнуть только на базе историологии. Ее возникновение предполагает использование данных всех основных социальных наук, прежде всего политической экономии. А для этих наук, замечу кстати, как и для естественных, характерной является не холизация, а эссенциализация.

С возникновением подлинно научной философии истории становится возможным появление наряду с нарративной (повествовательной) историологией, рассказывающей о событиях и условиях, в которых они протекают, историологии теоретической, воспроизводящей внутреннюю необходимость всего исторического процесса в целом или более конкретных отдельных процессов, из которых он состоит. Но возникновение исторических теорий не только не отменяет необходимость создания идеофактуальных картин, но, наоборот, создает новые, более благоприятные условия для этого. Эссенциальная идея, одновременно выступая и в качестве холической, дает возможность воспроизвести ход истории и в его необходимости, и в его целостности.

Но пока теоретическая историология, как общая, так и частная, до сих пор по существу ее не создана. Если в физике давно утвердилось, что нужны не только физики-экспериментаторы, но и физики-теоретики, то фигура историка-теоретика до сих пор для историологии совершенно чужда. Достаточно отметить, что курсы теоретической историоло-

гии в отличие от курсов истории Древнего Востока, античного мира, средних веков, нового и новейшего времени, источниковедения и других вспомогательных наук до сих пор нигде у нас не читаются.

После этого довольно длительного, но необходимого экскурса в область гносеологии вернемся к третьей части (книге) труда Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса. Авторы подчеркивают необходимость для историка сгруппировать факты в научное целое, произвести синтез. Но, говоря о группировке фактов, они сколько-нибудь четко не отличают *классификацию* фактов, разбиение их на группы от того, что я назвал *холизацией* фактов. И это вполне понятно. Как отмечалось, проблема холизации до сих пор не получила должной теоретической разработки. А ведь названные авторы писали свою книгу в конце XIX в.

Классификации, сортировке исторических фактов Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос уделяют основное внимание. Эта проблему они достаточно четко выделяют и предлагают свои решения. Они разделяют исторические факты на шесть основных классов, каждый из которых состоит из нескольких (от двух до шести) подклассов, а те в свою очередь могут включать в себя еще более дробные подразделения (С. 215—216).

Что же касается проблемы холизации, то они явно недостаточно ее осознают и плохо отличают от проблемы классификации фактов. Тезис о необходимости установления согласия между историческими фактами, о превращении фактов в части одного единого целого, выдвинутый в конце второй части труда, не получил должного развития в третьей его части. И тем не менее авторы к холизации то и дело обращаются. Говоря о группировке фактов, они на некоторых страницах имеют в виду, не распределение их по классам, а объединение их „в одну цельную картину“ (С. 211). Большую роль в объединении фактов отводится ими аналогии (С. 207—208, 210—211, 278—279). Ищут они о необходимости „отыскать связь между фактами“ (С. 237). Наконец, на одной из страниц Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос специально

подчеркивают, что историкам нельзя ограничиться одним лишь описанием. „Остается еще распределить факты так, чтобы объять их во всей совокупности и исследовать отношения между ними, т.е. сделать общие заключения“ (С. 250). И в последующем изложении они поясняют: „Изучение отношений между одновременными фактами заключается в отыскании связующих нитей между всеми разнородными фактами, происходящими в одном и том же обществе“ (С. 253).

Авторы говорят и о пробелах, возникающих при заполнении „всего плана исторического построения“ (С. 249), и о попытках историков „заполнить некоторые из этих пробелов в рядах фактов посредством умозаключений (raisonnement), исходя из достоверно известных фактов“ (С. 211). При этом они предупреждают, что „никогда не следует смешивать факты, добытые непосредственно из документов, с результатами рассуждения“ (С. 250). Однако о проверке „плана исторического построения“ путем обращения к документам с целью установления существования предполагаемых фактов у них нет ни слова.

В целом авторы и сами признают, что с разработкой методов объединения исторических фактов дело в историологии обстоит пока не самым лучшим образом. „В то время, — пишут они, — как критика текстов и критика источников приняла уже научную форму, синтетические процессы в истории совершаются еще неудачу“ (С. 142).

Если первая и вторая части (книги) работы Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса до сих пор представляют ценность, то третья часть (книга) в значительной части утратила свое значение. Это не значит, что в ней нет ничего интересного для современного историка. В ней разбросано множество интересных мыслей и наблюдений.

Но одновременно в этой части немало и того, с чем вряд ли можно согласиться. В частности, авторы, например, утверждают, что общественные учреждения (государство, церковь, различного рода корпорации и т.п.) представляют собой просто привычки, привычные формы человеческого по-

ведения. Отсюда шаг к трактовке группы людей, на которые делится общество, в частности общественных классов, в духе социологического номинализма. Они возражают против попыток понимать общество как своеобразный организм, имеющий свою структуру и определенным образом функционирующий. „Это, — пишут авторы, — конечно, только метафоры. Структура общества — это обычай и правила, распределяющие занятия, пользование благами и обязанностями между людьми; функционирование — это обычные действия, при помощи которых каждый человек вступает в сношения с другими людьми. Если находят удобным употреблять эти термины, то следует помнить, что за ними скрываются только привычки“ (С. 222). Однако к подлинному социологическому номинализму, т.е. воззрению на общество как на простую сумму, совокупность людей, а не как на определенное целостное образование, они все же не приходят. Для них несомненным является существование общества как целого, не сводимого к сумме составляющих его индивидов, т.е. практически они придерживаются взгляда, который обычно именуется социологическим реализмом.

Многие специалисты по методологии истории считают работу Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса самым ярким выражением позитивистской методологии, или, как теперь принято говорить, „позитивистской парадигмы“. Позитивизм Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса видят в уважении к фактам, в стремлении к точности, в отказе от априорных схем и произвольных интерпретаций фактов, в широком использовании приемов формальной логики, прежде всего методов индукции. Позитивисты действительно провозглашали внимание к фактам, придавали большое значение индукции, предостерегали от создания чисто умозрительных схем. Но в этом нет ничего специфически позитивистского. Суть позитивизма вовсе не в этом, а в феноменализме и агностицизме. Как уже указывалось, позитивисты считали, что человек может знать только явления мира, какими он и предстают в его сознании, сущности же мира либо нет, либо она принципиально непознаваема. С их точки зрения нельзя ни опроверг-

нуть, ни доказать существование объективной реальности, объективного внешнего мира.

Совершенно иного взгляда придерживались в рассматриваемой книге Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос. У них не было ни малейших сомнений ни в объективном существовании природы, физического мира, исследуемого естественными науками, ни в объективности в прошедшем прошлого человечества, изучаемого исторической наукой. Науку, включая историческую, они понимали как отражение объективной действительности. Задачу историологии они видели в том, „чтобы получить полную картину прошлого“ (С. 209). Историческое познание они рассматривали как процесс все более точного воспроизведения ушедшей в прошлое объективной реальности (С. 177—178, 185, 236—238, 278—280).

Иначе говоря, Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос были материалистами. Правда, этот их материализм был во многом стихийным, неосознанным, каким, кстати, был и материализм большинства естествоиспытателей XIX в., но это не меняет сущности их мировоззрения. Именно этот материализм был основой их атеизма, который совершенно отчетливо проявляется во многих местах их книги (С. 195—197, 254—256).

В отличие от позитивистов Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос не были принципиальными противниками широких умозрительных построений, хотя сами они ими не занимались. В своей книге они подвергают критике и отвергают, однако не философию истории вообще, а только определенные философско-исторические концепции (С. 254—256). И нельзя не заметить, что все рассмотренные ими учения действительно достойны критики, как не совместимые с наукой. А с другими концепциями, заслуживающими внимания профессионального историка, они, вероятно, просто не были знакомы.

Но, во всяком случае, Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос надеялись, что историология не будет, как это имеет место сейчас, ограничиваться единичными и такими общими фактами, которые характерны для определенных стран и эпох (выше я их назвал частнообщими фактами), что она со временем придет и к выявлению того, что общее всему челове-

ству (С. 265). Как они считали, на определенном этапе исторического исследования „является необходимость отыскивать причины явлений, и исследователь вступает в так называемую философскую историю...“ (С. 254).

Более того, они считают действительно нужным, чтобы опытные историки, отказавшись от личных изысканий, посвятили свое время комбинированию частных исторических синтезов в „общие построения“ (С. 279). „Если бы, — продолжают авторы, — из этих работ с очевидностью следовали заключения о свойствах и причинах эволюции общества, то сложилась бы вполне научная „философия истории“, которую историки могли бы признать за законное увенчание здания исторической науки“ (С. 279).

Вряд ли можно спорить с тем, что Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос, как и большинство историков, во многом были эмпириками. Но эмпиризм сам по себе не есть позитивизм. Эмпириками были многие домарксистские материалисты и большинство более поздних немарксистских материалистов. Более того, к эмпиризму склонялись многие философы, считавшие себя сторонниками диалектического материализма. Такими были, например, приверженцы „механистического“ направления в СССР в 20-х гг. XX в., виднейшим представителем которого был И.И.Скворцов-Степанов. Все они были эмпириками, но отнюдь не позитивистами. Эмпириками, но не позитивистами были и многие ученые-материалисты XIX в.

Собственно говоря, долгое время ученые, и философы ограничивались различием чувственного и рационального познания, причем эмпирическое при этом многими понималось чуть ли не как синоним чувственного. Понимание того, что научное мышление подразделяется на эмпирический и теоретический уровни, пришло довольно поздно. Окончательно ясным это стало лишь в ходе революции в естествознании, которая началась в конце XIX в. и продолжалась в XX в.

Естествоиспытатели XIX в. в большинстве своем были стихийными материалистами. Они не сомневались, что научные теории являются отражением объективного внешнего

мира. В ходе революционной перестройки естествознания совершенно отчетливо обнаружилось, что теории прямо не выводимы из фактов, что они представляют собой творения ума ученых и что их создание предполагает внутреннюю активность мышления. И теперь перед нами встала проблема, которая многими из них была осознана как вопрос о том, что собой представляют научные теории: образы мира или творения человеческого ума.

Подняться до понимания, что отражение не исключает творчество, что образы могут создаваться, а продукты творчества могут быть образами внешнего мира, что мышление есть единство творчества и отражения, есть творческое отражение, отражательное творчество, многие из них оказались неспособными. В результате определенная часть естествоиспытателей пришла к выводу, что научные теории представляют собой не образы мира, а лишь конструкции человеческого ума. С этим связан взгляд на истину как на результат соглашения между учеными — конвенционализм. Наиболее яркие представители этого направления — А. Пуанкаре и П. Дюгем.

Так как ученый создает теории, то тем самым он создает и мир, каким он предстает в теориях. Получается, что мир, каков он в теориях, есть творение ученых. Ученый не познает внешний мир, а творит его. Таков конечный вывод, к которому шли и во многом пришли конвенционалисты. Этот вывод был подхвачен философами-идеалистами.

В историологии, взятой самой по себе, проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней познания, вряд ли могла бы быть в то время сколько-нибудь четко поставлена, ибо, как уже указывалось, настоящих исторических теорий до сих пор практически почти что нет. Но если историки не творили теорий, то зато они создавали то, что я назвал идеофактуальными картинками. Не только эссенциализация, но и холлизация предполагает творческую активность мышления.

Революция в естествознании побудила не столько историков, сколько философов обратить наконец-то внимание на активности человеческого мышления при создании картин

прошлого. А далее некоторые мыслители пришли к выводу, что раз картина прошлого создается историком, то тем самым и прошлое, как оно представлено в этой картине, является творением историка. Таким образом получается, что историологи не познают историю, а творят ее. Одним из первых попытался обосновать эту мысль английский политолог М. Дж. Оукшот в книге „Опыт и его формы“ (1933) и ряде других своих работ.¹ В последующем эту идею развил британский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд в работе „Идея истории“ (1946).

М. Дж. Оукшот и Р. Дж. Коллингвуд абсолютизировали творческую активность мышления исследователя. Историк действительно творит идеофактуальную картину прошлого, но тем самым он не создает прошлое, а лишь более или менее точно воссоздает его в своем сознании. Историк действительно конструирует, но не реальную историю, а ее идеофактуальную картину, и тем самым реконструирует реальную историю. Оба названных выше мыслителя, принимали, таким образом, воссоздание, реконструкцию прошлого за его создание, его конструирование.

Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос нередко сейчас упрекают в том, что они в своей книге рассматривают лишь письменные источники, игнорируя все остальные. Отсюда делается вывод о необходимости пересмотра положения этих ученых, что „история пишется по документам“. Прежде всего, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос называли документами не только письменные, но и вещественные источники. О существовании иных, кроме письменных, источников и необходимости их использования историками и специалистами по методологии истории писали уже давно. Об этом говорилось, в частности, в работе О. Берцелма „Руководство по историческому методу“ (1889; 1894 и др.), которое было прекрасно известно Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосу.

Все дело в том, что названные два историка пользовались в своих исследованиях лишь письменными источниками.

¹ Одна из этих работ переведена на русский язык. Это статья „Детельность историка“ // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002.

ми и имели навык работы только с ними. Собственным опытом извлечения исторических фактов из иного рода источников они не обладали. Именно поэтому они в „Введении в изучение истории“ и ограничились рассмотрением лишь документов в узком смысле этого слова. Отсутствие опыта работы с источниками иного рода, чем письменные документы, привело Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса к известной недооценке значения этих неписанных источников. Именно с этим связаны их высказывания о том, что историческая наука „не проникнет в тайну зарождения обществ и, за недостатком документов, начало эволюции человечества останется навсегда покрытым мраком“ (С. 278). Но за этим заявлением скрыто значительно большее, чем простая недооценка значения иных, кроме письменных, источников.

Ведь многие, если не большинство историков считали и практически и сейчас считают, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории. „Историей, — писал в начале XX в. известный немецкий ассириолог Г.Винклер, — мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано письменными документами, которое передано нам в слове и письме. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники“.¹ Такое мнения довольно отчетливо проявилось в известном стихотворении русского прозаика и поэта И.А.Бунина „Слово“:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.²

В западной науке ни сама история первобытности, ни наука о ней, как правило, никогда не именуется историей. В ходу другие названия: доистория, преистория, праистория;

¹ Винклер Г. Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества. М., 1913. С. 3

² Бунин И.А. Слово // Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1993. С. 282.

протоистория и т.п. Термин „история“ в применении к первобытности использовался в основном лишь в советской науке. Но и это не выдерживалось до конца последовательно. Многие ученые, прежде всего археологи, часто пользовались терминами и „доистория“, и „праистория“.

И связано это не просто с тем, что о первобытной истории нет письменных свидетельств. Суть дела в том, что она сама существенно отличается от истории цивилизованного общества. В силу этого историология первобытности (*палеоисториология*) носит совсем иной характер, чем историология классового общества (*неоисториологии*). Первая — тоже историческая наука, но существенно иная. Если неоисториология до поры до времени может довольствоваться холзанием, то палеоисториология, как и естественные науки, не может обойтись без эссенциализации.¹ В этом можно легко убедиться, обратившись к трудам по первобытной истории.² Для исторической науки в том ее виде, в котором она долгое время представляла в области изучения классового общества, первобытность действительно непостижима.

В заключение нужно особо подчеркнуть, что книга Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „Введение в изучение истории“ не забыта не потому лишь, что в ней верно выражена эпоха, в которую она была создана. Она несет в себе такое знание, которое ценно не только для того, но и нашего и вообще любого времени. И этим знанием нужно овладеть, ибо без него невозможно стать настоящим историком.

В труде Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса отстаиваются положения, которыми должен руководствоваться каждый специалист в области истории. Авторы исходят из положения, которое никогда не устареет и никогда и никем не будет оп-

¹ Подробно отличие палеоисториологии от неоисториологии рассматривается: Семенов Ю.И. Философия истории... С.167-169.

² См.: Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. М., 2002. Он же. На заре человеческой истории. М., 1989; Он же. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и методический аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1977; Вып. 2. История первобытного общества. М., 1999; Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. — XX в. н.э.). М., 2001.

ровергнуто. Оно заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка. Можно спорить о том, каким бы оно могло бы быть, но оно было именно таким, а не иным, в этом смысле оно безальтернативно. Историк не создает и не может создать прошлое, он его отражает, воспроизводит, воссоздает, реконструирует на основе источников, которыми располагает. И его задача состоит в том, чтобы воспроизвести, воссоздать это прошлое как можно точнее. В ходе развития исторической науки соответствие между реально протекавшим историческим процессом и его отражением в сознании историков становится все более полным. Воссоздать исторический процесс таким, каким он был на самом деле, можно лишь при условии тщательнейшей критики исторических источников и тем самым скрупулезнейшего установления достоверности исторических фактов. Как раз книга Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сельобоса и учит этому. Основной принцип, который положен в ее основу, — обеспечение максимальной объективности исторического знания.

Ю.И.Семенов

О втором русском издании книги Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сельобоса „Введение в изучение истории“

В новом издании сохранен перевод А.Серебряковой, который в целом достаточно точно передает французский оригинал. Текст, разумеется, дан в новой орфографии. Исправлены грамматические и грубые стилистические ошибки. В ряде случаев, когда в переводе не очень точно была передана мысль авторов, произведена стилистическая правка. При расхождении транскрипции иноязычных имен с принятой ныне дается современная (Врэн-Лука вместо Врэн-Лукас, Абд-аль-Кадир вместо Абдель-Кадер и т.п.). Исправлены ошибки в географических названиях (к примеру, в тексте 1899 г. Оркнейские острова были названы Аркадскими). В тексте первого издания содержалась масса иноязычных слов, выражений, названий книг и серий книг, не сопровождавшихся переводом на русский язык. В новом издании все они переведены: в большинстве случаев вслед за переданным порусски словом, выражением, названием книги в скобках для сравнения приведен иноязычный оригинал, в некоторых же случаях, когда иноязычное выражение представляет собой устойчивое речение (поговорку, поговорку, научный термин и т.п.) или не имеет точного однозначного соответствия в русском языке, в тексте вначале приведен оригинал, а за ним в скобках дан русский перевод или переводы. Выражение *a priori* (заранее, до опыта), исключая первого раза, дается без перевода. Упорядочены сноски. В тексте 1899 г. при ссылке на те или иные труды, опубликованные на иностранных языках, нередко название работы на языке оригинала сопровождалось инициалами и фамилией автора, данной лишь в русской транскрипции. В новом издании вместе с русской транскрипцией фамилии иностранного автора дается ее исходная форма. Уже в первом издании содержались примечания от редакции, в которых давались те или иные необходимые для лучшего понимания книги пояснения. В новом издании к старым примечаниям добавлены новые, которые помечены как „Ред. 2004“.

Ю.И.Семенов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заглавие этой книги ясно. Тем не менее необходимо точно определить цель, которую мы имели в виду, приступая к настоящей работе, так как под тем же заглавием „Введение в изучение истории“ было уже издано много очень различных книг.

Мы не хотели, как г. Бойс¹ составить резюме всемирной истории для начинающих или для лиц, которые спешат возможно скорее ознакомиться с предметом.

Мы не намеревались также обогатить еще одну личную книгою и без того очень обильную литературу по так называемой философии истории. Мыслители, в большинстве случаев не историки по профессии, избирали историю предметом своих размышлений, отыскивали в ней „подобия“ и „законы“ и, как некоторым из них казалось, открыли даже „законы, управлявшие развитием человечества“ и „возвели“, таким образом, „историю в позитивную науку“². Подобные широкие отвлеченные построения внушают а priori непреодолимое недоверие не только публике, но даже и избранным умам. Фюстель де Куланж, по свидетельству его последнего биографа, относился очень сурово к философии истории; он питал к ней такое же отвращение, какое питают позитивисты к чисто метафизическим построениям. Справедливо или нет (без сомнения, нет), но философия истории, разрабатывавшаяся далеко не всегда людьми хорошо подготовленными, осторожными, одаренными сильным здравым умом, не пользуется уважением. А потому предупреждаем как тех, кто ее страшится, так и тех, кто ею интересуется, что здесь мы ее не коснемся³.

¹ Boyce W. B. *Introduction to the study of history, civil, ecclesiastical and literary*. London, 1884.

² Так смотрел, например, П. Ж. Буше (Buche P. J. B.) в своем *Introduction à la science de l'histoire*. Paris, 1842.

³ История попыток, сделанных с целью философского познания и объяснения истории человечества, была предпринята, как известно, Робертом Флинтам. Р. Флинт (Flint R.) дал уже историю философии истории в странах французского языка: *Historical Philosophy in France and French Belgium and Switzerland*. Edinburg — London, 1893. — Это первый том до-

Мы предполагаем рассмотреть в настоящем труде условия и приемы исследования и указать характер и пределы знания в истории. Как удастся узнать о прошлом то, что возможно и что важно знать? Что такое документ? Как следует пользоваться документами для исторического сочинения? Что такое исторические факты? Как их нужно группировать в историческом труде? Каждый, кто занимается историей, пользуется, более или менее бессознательно, сложными процессами критики, построения, анализа и синтеза. Но начинающие и большинство лиц, никогда не размышлявших об основах метода исторических наук, употребляют, для выполнения этих процессов, инстинктивные приемы, которые, будучи вообще нерациональными, не ведут обыкновенно к научной истине. Ввиду этого полезно изложить и логически обосновать теорию действительно рациональных приемов, уже теперь вполне надежную в некоторых ее частях, хотя и незаконченную во многих пунктах капитальной важности.

Таким образом, настоящее „Введение в изучение истории“ представляет собою не резюме установленных фактов или систему общих взглядов на всемирную историю, но опыт изложения метода исторических наук.

Поэтому-то мы и сочли своевременным его написать и вот в каком духе.

полненного издания его *Historical philosophy in France and Germany*, напечатанной более двадцати лет тому назад (Edinburg and London, 1874). (Во французском оригинале было дано неточное название данной книги Р. Флинта и поэтому ушло много времени ее публикации. В данном издании ошибки исправлены. Ред. 2003). Сравните ретроспективную (или историческую) часть труда П. Марсели: Marselli N. *La Scienza della storia*. I. Torino, 1873.

Самая значительная оригинальная работа, появившаяся во Франции со времени издания аналитического введения труда Р. Флинта, принадлежит П. Лакмбю: Lacombe P. *De l'histoire considerée commesience*. Paris, 1894. (Русский перевод: Лакмб П. *Социалогические основы истории*. М., 1895. Ред. 2003.) Cf.: *Revue critique*. 1895. I. P. 132.

Книг, трактующих о методологии исторических наук, так же много, как и книг по философии истории, но они одинаково с последними пользуются дурною славою. Специалисты с пренебрежением относятся к ним. Один ученый резюмировал очень распространенное мнение, сказав: „Вы хотите писать книгу о филологии; напишите нам лучше хороший труд по филологии. Когда меня спрашивают: что такое филология? Я отвечаю: это то, чем я занимаюсь“¹. Критик, выразившийся о книге И.Г.Дройзена „Основы исторической науки“, что „в общем, трактаты подобного рода неизбежно темны и бесполезны, — темны, так как предмет их страдает крайней неопределенностью и бесполезны потому, что можно быть историком, не заботясь об основах исторической методологии, которые они имеют притязание излагать“, не имел, очевидно, в виду сказать и в действительности не высказал ничего, кроме общего места². Аргументы всех этих лиц, относящихся с презрением к методологии, кажутся достаточно сильными. Они ссылаются на то, что в действительности есть люди, употребляющие прекрасные методы, признанные всеми за червоклассных „эрудитов“³ или историков, а между тем никогда не изучавшие основ исторического метода; наоборот, незаметно, чтобы лица, писавшие в качестве логиков о теории исторического метода, приобрели благодаря этому, какое-либо преимущество как „эрудиты“ или как историки: некоторые из них, с этой точки зрения,

¹ *Revue critique d'histoire et de littérature*. 1892. I. P. 164.

² *Ibid.* 1888. II. P. 295. — СГ.: *Le Moyen Age*. X. 1897. P. 91: „Эти книги (трактаты об историческом методе) совсем не читаются теми, кому они могли бы быть полезны, т.е. любителями, посвящающими свой досуг историческим изысканиям; что же касается профессиональных ученых, то они на уроках учителей знакомятся с условиями труда и способами пользования ими, не говоря уже о том, что исторический метод не отличается от метода других наук, и можно в нескольких словах объяснить, в чем он состоит...“

³ Под именем „эрудитов“ автор подразумевает ученых, занимающихся специально внешней критикой источников. См. собств. прим. автора к началу V главы. *Прим. ред.* [1899].

даже явно слабы или посредственны. В этом, говорят они, нет ничего удивительного. Разве перед тем как сделать оригинальные исследования по химии или математике, т.е. в науках в настоящем значении этого слова, изучают теорию методов, употребляемых в этих науках? Историческая критика! Да ведь лучший способ изучения ее, это применение на практике; ее достаточно изучают во время работы¹. К тому же рассмотрите существующие сочинения по методологии истории и даже самые новейшие: И.Г.Дройзена, Э.А.Фримена, А.Тардифа, Шевалье и др., постарайтесь выжать из них всю суть, и вы получите только сами по себе очевидные истины².

Мы охотно признаем за этим взглядом некоторую справедливость. Громадное большинство сочинений о методе исследования в истории и об искусстве писать историю, —

¹ Без сомнения, в силу того принципа, что исторический метод усваивается только из примера, Л.Маргани (Magiari L.) дал забавное заглавие одной диссертации по частному вопросу из истории города Фермо, а именно: *Corso pratico di metodologia della storia*. См.: *Archivio della Società romana di storia patria*. XIII (1890). P. 211.

² См. отчет о небольшом произведении Э.А.Фримена; *The methods of historical study* // *Revue critique*. 1887. I. P. 376. „Это произведение, — говорит критик, — банально и пусто. Из него видно, что изучение истории не так легко, как думают пустые люди, что история соприскасается со всеми науками и что историк, действительно достойный этого имени, должен был бы все знать; что исторической истины невозможно достигнуть, а для того, чтобы возможно более к ней приблизиться, следует то и дело прибегать к оригинальным источникам; что нужно знать и пользоваться лучшими из со-временных историков, но никогда не принимать написанного ими за свангельскую истину. Вот и все“. Заключение: Фримен „лучше, без сомнения, учил методу истории на практике, чем это удалось ему сделать путем теории“. Ср. *Бувар и Пекюше* Г.Флобера. Речь идет о двух глупцах, затуманивших, между прочим, писать историю. Чтобы помочь глупцам, один из них другой присылает им „правила критики, взятые из курса г. Дону“, именно: „Нельзя ссылаться, как на доказательства, на свидетельства толпы, ибо проверить их невозможно. Следует отвергать все заведомо невероятное. Плаванию, например, показана камель, якобы проглоченный Сатурном... Остерегайтесь ловких поделывателей документов; помните, что как защитники так и клеветники всегда пристрастны“. [В оригинале дана ссылка на соответствующую страницу одного из французских изданий романа. Здесь она заменена ссылкой на одно из русских изданий: Флобер Г. *Бувар и Пекюше* // *Собр. соч.*: В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 193. *Ред.* 2004]. Работа Дону содержит много столь же очевидных и еще более комических трюизмов.

или, как выражаются в Германии и Англии, сочинений по историке, — нелепы, поверхностны, никем не читаются и некоторые даже смешны¹. Прежде всего те, которые были написаны раньше XIX в. и анализированы П.С.Ф.Дону (Donou P.-C.-F) в VII томе его „Курса исторических наук“ (Cours d'études historiques)², представляют собою почти сплошь простые риторические трактаты, риторика которых устарела, где с важностью обсуждаются самые уморительные проблемы³. Дону их mildly вышучивает, но сам в своем монументальном труде ничего не проявляет, кроме здравого смысла, так что его труд в настоящее время не является лучшим и более полезным, чем прежние произведения такого же рода⁴. Что касается новейших работ, то и из них не все суме-

¹ Р.Флинт радуется, что не изучал литературы историка, потому что „значительная часть ее настолько банальна и поверхностна, что вряд ли может быть полезной даже для лиц самых посредственных и, к счастью, теперь наперед обречена на полное забвение“. Тем не менее, Р.Флинт дал в своей книге краткий перечень главных памятников этой литературы в странах французского языка, с самого ее начала. Более общий и более полный (хотя все еще довольно краткий) перечень этой литературы во всех странах сделан в *Lehrbuch der historischen methode* Э.Бернгейма (Bethheim E. Leipzig. 1894. S. 143 et seq.). Флинт, который знал несколько работ, известных Бернгейму, останавливается на 1893 г., Бернгейм — на 1894 г. С 1889 г. в *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft* помещаются периодические отчеты о вновь выходящих сочинениях по исторической методологии.

² VII том был написан в 1844 г.; но знаменитый курс Дону читался в Коллеж де Франс с 1819 г. по 1830 г.

³ Итальянцы эпохи Возрождения (Миллеус, Франческо Патрици и т.д.) и авторы двух последующих веков задаются вопросами: каковы отношения истории к диалектике и к риторике? Скольким законам подчинены исторические род литературы? Прилично ли историку рассказывать об изменах, низослах, преступлениях, беспорядках? и т.п. Лучшими книгами по историке, напечатанными до XIX ст., служат: Lenglet du Fresnoy. *Méthode pour étudier l'histoire*. Paris, 1713 и Chladenius J.M. *Allgemeine Geschichtswissenschaft*. Leipzig, 1752, в которых сделана попытка поставить вопрос на настоящую почву. Книга Кладениуса указана Э.Бернгеймом, op. cit. S. 166.

⁴ Он не всегда проявлял даже и здравый смысл, потому что в своем *Cours d'études historiques* (VII. P. 105) отзываясь с похвалой об очень слабом, чтобы не сказать больше, трактате Лемуана (Le Moigne P.) *De l'histoire*, напечатанном в 1670 г. „Я не требую, — говорит Дону, — чтобы были приняты все положения и наставления, содержащиеся в этом трактате; но я думаю, что после трактата Луккиана это лучшее, что мы встречали, и вполне

ли избегать таких камней преткновения, как неясность и банальность. „Очерк истории“ (Grundriss der Historik) И.Г.Дройзена (Droysen I.G.) тяжел, педагогичен и до последней крайности обильно¹. Фриман, Тардиф, Шеналье говорят лишь элементарные, всем известные вещи. Их сотоварищи и теперь еще без толку обсуждают праздные вопросы вроде того: что такое история — искусство или наука? Каковы задачи истории, к чему служит история? и т.д. С другой стороны, без-ошибочно верно замечание, что почти все современные „эрудиты“, и в частности историки, с точки зрения метода, — самоучки, образовавшиеся путем подражания и близкого знакомства с прежними учеными, или только благодаря практике.

Хотя большинство сочинений об основах исторического метода оправдывает общее недоверие к подобному рода произведениям и хотя большинство лиц, занимавшихся историей, без всяких видимых неудобств могли обходиться без размышлений о ее методе, тем не менее, по нашему мнению, было бы преувеличением делать из этого заключение, что „эрудитам“ и историкам (в особенности будущим историкам и будущим „эрудитам“) нет никакой необходимости отдавать себе отчет в приемах исторического исследования. В самом деле, литература по методологии истории далеко не вся лишена всякого значения; постепенно накопился драгоценный запас тонких наблюдений и точных правил, подсказанных опытом и представляющих большое преимущество перед простым здравым смыслом². Бывают, действительно, личности, наделенные от природы даром правильного мышления;

уверен, что ни один из тех, которые нам остается принять к сведению, не возмущается до той же степени философии и оригинальности“. П.Шеро (Chérot P.H.) высказал более здравое суждение о трактате *De l'histoire* в своем *Etude sur la vie et les oeuvres du P. de Le Moigne*. Paris, 1887. P. 406 и след.
¹ Э.Бернгейм заявляет однако (S. 177), что это произведение самостоятельное, по его мнению, которое „на высоте современных научных требований“.

² Р.Флинт говорит очень хорошо (P. 15): „Эволюция историка в целом представляет собою постепенное движение вперед от простых размышлений об истории к философскому пониманию тех условий и процессов, от которых зависит развитие исторической науки“.

но этим исключительным случаям можно противопоставить бесчисленные примеры, когда незнание логики, употребление неправильных приемов, непонимание условий анализа и синтеза в истории портит работу ученых и историков.

В самом деле, история представляет собою, без сомнения, научную дисциплину, в которой крайне необходимо, чтобы ее работники имели ясное понятие о методе, которым они пользуются. Мы основываемся в данном случае на том, что инстинктивные приемы исторического исследования не могут считаться (мы постоянно будем на этом настаивать) приемами рациональными; необходима, следовательно, подготовка для сопротивления поспешности в выводах. Сверх того, рациональные приемы, дающие возможность достигнуть познания исторической истины, так сильно отличаются от приемов всех других наук, что необходимо хорошо усвоить себе их особенности и уметь, таким образом, избегать искушения применять в истории методы точных наук! Этим объясняется то обстоятельство, что математики и химики легче чем историки, могут обходиться без „введений“ в изучение своей науки.

Настаивать далее на полезности исторической методологии нет необходимости, потому что если она и оспаривалась, то, очевидно, необдуманно. Нужно, однако, изложить побуждения, заставившие нас приступить к настоящему труду. В течение пятидесяти лет много умных и искренно преданных науке людей размышляли над методом исторических наук; среди них, естественно, было много историков, профессоров университета, лучше чем кто-либо другой знакомых с умственными потребностями молодых людей, а также логиков по профессии и даже романистов. Фюстель де Куланж установил на этот счет традицию в парижском университете: „Он старался, как говорят¹, свести основы метода к очень точным формулам... в его глазах, не было ничего более настоящего, как научить работников достигать истины“.

¹ П. Гиро (Guirand P.) // *Revue des Deux Mondes*, 1896. 1 mars. P. 75.

Одни из этих людей, как Ренан¹, довольствовались тем, что высказывали мимоходом замечания по этому поводу в своих общих работах или случайных статьях²; другие, как Фюстель де Куланж, Фриман, Дройзен, Лоренц, Стеббс, де-Смед, Пфлюг-Гартунг и др., взяли на себя труд изложить в небольших специальных сочинениях свои взгляды на метод истории. Существует значительное количество книг, „вступительных лекций“, „академических речей“ и обзоров³, печатавшихся во всех странах, но главным образом во Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатах и Италии, о всей совокупности и об отдельных частях методологии. Отсюда сама собою являлась мысль, что было бы полезно привести в порядок наблюдения, разбросанные и как бы затерявшиеся во всем этом множестве книг и брошюр. Но теперь уже не может быть и речи о такой соблазнительной работе, так как она недавно выполнена с величайшей тщательностью. Эрнст Бернгейм, профессор Грейфсвальдского университета, изучил почти все новейшие сочинения об историческом методе, воспользовался ими и сгруппировал значительное количество ценных соображений и наблюдений в очень удобных и, большею частью, новых рамках. Его „Учебное руководство по историческому методу“ (*Lehrbuch der historischen Methode*. Leipzig, 1894)³ содержит в сжатом виде, — по образцу немецких учебных руководств, — всю специальную литературу изучаемого им предмета. Мы не имели в виду сделать еще раз то, что им так хорошо выполнено. Но нам казалось, что и после его трудной, умело выполненной ком-

¹ Э. Ренану (Renan E.) принадлежат некоторые из наиболее верных и сильных мыслей, какие только высказывались об исторических науках, в *L'Avenir de la science*. (Написано в 1848 г., издано в Париже в 1890 г.).

² Некоторые из особенно остроумных и имеющих наиболее общее значение замечаний о методе исторических наук высказывались до сих пор не в книгах по методологии, но в обзорах, типом которых служат *Revue critique d'histoire et de littérature*, посвященных критике новых научных и исторических трудов. В высшей степени полезно просматривать коллекцию *Revue critique*, основанную в Париже в 1867 году с целью „вызвать уважение к методу, осуждать плохие книги и обуздывать бесполодный труд и заблуждения“.

³ Первое издание вышло в 1889 году.

пиляции кое-что еще осталось недосказанным. Прежде всего, Бернгейм пространно толкует о метафизических вопросах, которые мы считаем лишены всякого интереса, наоборот, он никогда не становится на критическую или практическую точки зрения, которые мы считаем очень интересными. Далее, доктрина „Учебного руководства“ разумна, но ей недостает смелости и оригинальности. Наконец, „Учебное руководство“ не имсет в виду большой публики; она недоступна (и по форме, и по языку) громадному большинству французской публики. Этого одного уже достаточно, чтобы оправдать наше намерение написать настоящее сочинение, вместо того чтобы просто рекомендовать книгу Бернгейма¹.

Р. 5

Э. 11

Х. 2

С. 1

...

и

с

2

¹ Самое лучшее, что напечатано до сих пор на французском языке об историческом методе — это брошюра: Moret Ch. et V. *La Science de l'histoire*. Paris, 1894. 88 p. Извлечение из XX тома *Grande Encyclopedie*.

II

Наше „Введение в изучение истории“ не имеет притязания, как „Руководство по историческому методу“ Э. Бернгейма, быть руководством по методологии истории¹. Это краткий очерк, который мы предприняли в начале 1896 — 1897 учебного года, с целью дать новым студентам Сорбонны предварительное понятие о том, что представляет собою и чем должно быть изучение истории.

Мы давно уже, по опыту², констатировали настоятельную нужду в такого рода руководствах. Ведь большинство из тех, кто избирает предметом своего изучения историю, поступают безотчетно, не задаваясь вопросом, способны ли они к историческим работам, и зачастую не знают даже самого характера этих работ. Обыкновенно посвящают себя изучению истории по самым пустым мотивам: потому что, будучи в колледже, занимались успешно по истории³ или потому, что читают какое-то романтическое влечение к прошлому, которое, как говорят, решило некогда призвание Огюстена Тьерри, а иногда и потому, что ошибочно считают изучение истории сравнительно легким. Без сомнения, очень важно как можно раньше обнаруживать неосновательность этих

¹ Один из нас (г. Сеньобос) предполагает напечатать позднее полное руководство по методологии истории, если найдутся читатели для такого рода труда.

² Едва ли нужно доказывать, что занятия историей так, как они поставлены в лицеех, не требуют от учеников тех же способностей, как изучение истории в университете, и по окончании его — Жюльен Гаве (Havet J.), шедший в лицее курсы истории очень скучным, позднее посвятил себя критическим историческим изысканиям. „Это, я думаю, потому, — говорит Гаве, — что преподавание истории (в лицеех) не поставлено так, чтобы оно могло давать достаточную пищу научному уму... Из всех предметов, входящих в состав программы лицеев, одна только история не требует постоянного контроля со стороны ученика. Когда он изучает латинский, немецкий языки, то каждая фраза перевода дает ему случай проверить догадку правды. В различных отраслях математики результаты никогда не отделяются от их доказательства. Задачи к тому же обязывают ученика самого нас продумывать. Где же задачи в истории и пытался ли когда-либо хоть один лицеист собственными силами разобраться во взаимной связи фактов?“. (*Bibliothèque de l'École des chartes*. 1896. P. 84).

склонностей и подвергать их испытанию.

Прочитав новичкам ряд лекций, как „Введение в изучение истории“, мы подумали, что эти лекции, пересмотренные и дополненные, могут быть полезны не одним только новичкам. Ученые и профессиональные историки, без сомнения, не научатся из них ничему, но если даже они найдут в них только тему для личных размышлений о приемах обработки исторического материала, которыми некоторые из них пользуются машинально, то и это уже будет важно. Что касается публики, читающей сочинения историков, то очень желательно, чтобы она знала, как эти сочинения шипутся и была в состоянии с большей правильностью о них судить.

Мы не обращаемся, следовательно, как г. Бернгейм, только к настоящим и будущим специалистам, но также и к публике, интересующейся историей. Это условие заставляет нас по возможности быть краткими, ясно излагать предмет и как можно меньше употреблять технических терминов. Но при кратком и ясном изложении такого рода предмета часто можно оказаться поверхностным. Итак, нам грозит, как мы уже видели, прискорбная альтернатива быть банальными или темными. Не скрывая от себя предстоящих трудностей, но и не считая их непреодолимыми, мы попытались формулировать ясно то, что имели сказать.

Первая половина книги написана Ш.-В.Ланглуа, вторая — Ш.Сеньобосом; но оба сотрудника постоянно помогали друг другу, обменивались взглядами и наблюдали друг за другом¹.

Париж, август 1897 г.

¹ Ш.-В.Ланглуа написал книгу I, книгу II до VI главы, приложение II и предисловие; Ш.Сеньобос: конец II книги, книгу III и I приложение. Первая глава II книги, V глава III книги и заключение написаны совместно.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ

КНИГА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕИИЯ

Глава I. Отыскание документов

(Эвристика)

История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей. Лишь очень немногие из человеческих мыслей и поступков оставляют после себя заметные следы; к тому же следы эти редко бывают долговечными: чтобы стереть их достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал. За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и история.

Чтобы судить должным образом по документу о свидетельствуемом им факте, необходимо принимать многочисленные предосторожности, которые и будут указаны нами ниже. Само собою разумеется, что всякому критическому исследованию документов и всякому их истолкованию (интерпретации) предшествует вопрос о самом существовании документов, их количестве и местонахождении. Задумав изучить какой бы то ни было исторический вопрос¹, я прежде всего должен узнать, в каком месте или местах хранятся необходимые для его изучения документы, предполагая, что они существуют. Отыскание и собиание документов со-

¹ На практике, чаще всего задается мыслью изучить тот или иной исторический вопрос, узнать сначала, существуют ли документы, позволяющие его изучать. Обыкновенно случайно открытый документ вызывает мысль изучить затрагиваемый им вопрос и собрать, по этому случаю, однородные документы.

ставляет, следовательно, одну из самых главных частей, — логически первую, — в работе историка. В Германии ей дали особое, удобное по своей краткости, название „эвристики“ (Heuristik). Нужно ли доказывать капитальную важность эвристики? Без сомнения, нет. Само собою понятно, что если отыскание документов ведется плохо, т.е. если прежде чем начать исторический труд, ученый не сумеет собрать все доступные сведения, то этим только увеличит шансы (и без того всегда многочисленные) оперировать над недостаточными данными. Известно, что многие ученые и исторические труды, выполненные по всем правилам самого точного метода, оказывались с большими погрешностями или даже совершенно негодными по той простой случайности, что автор не знал документов, освещавших, дополнявших или опровергавших документы, находившиеся у него под руками, и довольствовался только этими последними. При прочих равных условиях, превосходство современных ученых и историков над учеными и историками предшествующих столетий заключается в том, что последние располагали меньшими средствами добыть необходимые данные, чем первые¹.

На самом деле, находить документы в настоящее время легче, чем было прежде, хотя и теперь Вагнер мог бы еще с полным основанием сказать:

Wie schwer sind nicht die Mittel zu erwerben
Durch die man zu den Quellen steigt!²

Попытаемся объяснить, почему собирание документов, бывшее некогда очень тяжелым, затруднительно еще и в настоящее время, несмотря на все успехи, сделанные в послед-

¹ Жаль смотреть, как лучшие из древних ученых мужественно, но тщетно боролись с затруднениями, которых для них совсем бы не существовало, если бы они имели под руками более полные материалы. Но самая блестящая проницательность не могла возместить недостатков вещественных источников.

² Как много нужно сил душевных, чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одна источники найти.
[Гете И.В. *Фауст*. (Пер. Н.А.Холодковского). СПб., 2001. С.27. Ред. 2004].

нем столетии: укажем также, каким образом эта существенная часть исторической работы могла бы быть упрощена на будущее время, благодаря новым успехам.

1. Лица, первые сделавшие попытку писать историю по источникам, оказались в затруднительном положении. Когда дело касалось событий сравнительно недавних, некоторые современники которых не успели еще умереть, то расспрашивали о случившемся оставшихся в живых очевидцев. К такому приему прибегали Фукидид, Фруассар и многие другие, начиная с глубокой древности до наших дней. Когда историк калифорнийского берега Тихого океана, Г. Банкрофт, задался мыслью собрать материалы об одной истории, некоторые действующие лица которой были еще живы, он не жалел средств и мобилизовал целую армию репортеров с целью добиться разговоров с ними. Но как следовало поступать, когда дело шло о давнишних событиях, свидетели которых давно уже умерли, и о которых не сохранилось никаких устных преданий? В данном случае не было иного способа, как собрать всякого рода документы, главным образом, писанные свидетельства, относящиеся до изучаемого отдаленного прошлого. Это было трудно выполнить в то время, когда библиотеки составляли редкость, архивы оставались тайными, а документы были рассеяны повсюду. Г. Банкрофт, очутившийся около 1860 г. в Калифорнии в таком же положении, в каком были некогда первые искатели документов в наших странах, вышел из него следующим образом: Банкрофт был богат и скупили, не стесняясь ценою, все продававшиеся документы, как печатные, так и рукописные; он вел переговоры с частными семьями и с корпорациями, стараясь купить принадлежавшие им архивы или добиться от них разрешения снять копии с документов состоявшим у него на жалованьи переписчикам. Добившись этого, он поместил свою коллекцию в специально для нее построенном здании и классифицировал ее. Теоретически нельзя придумать ничего более рационального. Но такое быстрое ведение дела,

¹ См.: Langlois Ch.H. *H.H.Bancroft et Cie // Revue universitaire*. 1894. 1. P. 233.

на американский манер, было осуществлено на практике один только раз, с полной последовательностью и запасом средств, обеспечивавшим его успех; в других странах и в другие времена оно не применялось. Там дело происходило, к несчастью, не так.

В эпоху Возрождения документы по древней и средневековой истории были рассеяны по бесчисленным частным библиотекам и по многочисленным, почти недоступным архивам, не говоря уже о том, что многие документы были скрыты еще под землей и о существовании их никто даже и не подозревал. В то время было физически невозможно добыть список всех документов, полезных для освещения какого-либо вопроса (напр., список всех сохранившихся рукописей какого-нибудь произведения древности); если каким-нибудь чудом и оказывался такой список, то невозможно было ознакомиться со всеми документами без путешествий и бесконечных расходов и хлопот. Легко предвидеть, какие могли произтекать отсюда последствия и действительно происходили: 1) первые ученые и первые историки, встречая непреодолимые трудности при собирании документов и не имея возможности пользоваться всеми документами или даже лучшими из них, а лишь теми, которые находились у них под руками, располагали почти всегда скудными сведениями, и их сочинения интересны лишь постольку, поскольку они воспользовались утраченными в настоящее время документами; 2) из первых ученых и историков были относительно хорошо осведомлены только те, кто в силу своей профессии имел доступ в богатые хранилища документов: библиотекари, архивариусы, духовные лица, магистраты, ордена или общества которых владели значительными библиотеками и архивами¹.

¹ Прежние ученые чувствовали неблагоприятность условий, при которых им приходилось работать. Они глубоко страдали от недостатка средств для исследования и для сравнения данных. Большинство из них делало громадные усилия с целью добыть необходимые сведения. Отсюда та обильная переписка между учеными последних веков, драгоценные остатки которой хранятся в наших библиотеках, а также поездки для изы-

скавания исторических документов, бывшие некогда в моде под именем *Iter italicum*, *Iter germanicum* etc.).

² Укажем мимоходом на ребяческое, но очень естественное и очень часто встречающееся у коллекционеров заблуждение; они склонны преувеличивать истинную ценность находящихся в их владении документов, только по одному тому, что они ими владеют. Многие документы были найдены с пытливыми комментаторскими лицами, приобретены их случайно, которые не прислали бы им, и вполне основательно, никакого значения, если бы встретили их в публичных коллекциях. В сущности, это только грубое проявление общей склонности (которой нужно всегда остерегаться) преувеличивать значение документов, которыми владеют, или которые

искания исторических документов, бывшие некогда в моде под именем *Iter italicum*, *Iter germanicum* etc.).

² Укажем мимоходом на ребяческое, но очень естественное и очень часто встречающееся у коллекционеров заблуждение; они склонны преувеличивать истинную ценность находящихся в их владении документов, только по одному тому, что они ими владеют. Многие документы были найдены с пытливыми комментаторскими лицами, приобретены их случайно, которые не прислали бы им, и вполне основательно, никакого значения, если бы встретили их в публичных коллекциях. В сущности, это только грубое проявление общей склонности (которой нужно всегда остерегаться) преувеличивать значение документов, которыми владеют, или которые

Лучшими частными коллекциями документов в Европе (одновременно библиотеки и музеи) были, естественно, со времени Возрождения, коллекции королей. При старом режиме королевские коллекции почти все были открыты или полуоткрыты для публики. В то время, как коллекции частных лиц часто ликвидировались после смерти их владельцев, королевские коллекции, напротив, постоянно возрастали: они обогащались, всасывая в себя остатки всех других. Французский кабинет рукописей (*Cabinet des manuscrits de France*), например, основанный французскими королями и открытый ими для публики, поглотил к концу XVIII в. лучшую часть коллекций, собранных по личному почину любителей и ученых двух предшествовавших столетий¹. То же самое происходило и в других странах. Прекрасным результатом такого перемещения коллекций было сосредоточение большого числа исторических документов в обширных общественных или почти общественных учреждениях.

Еще более благоприятно повлияла на улучшение материальных условий исторических изысканий революционный произвол. Французская революция 1789 года и аналогичные движения в других странах привели к насильственной конфискации в пользу государства, т. е. в пользу всех, целой массы частных архивов и коллекций, архивов, библиотек и музеев короны, упраздненных монастырей и корпораций и т. д. Таким образом, в 1790 г. Учредительное собрание отдало во владение государства громадное число хранилищ исторических документов, до того времени рассеянных и более или менее ревниво оберегаемых от любознательности ученых; с тех пор богатства эти были распределены между несколькими национальными учреждениями. Позднее такое же явление произошло, хотя и в меньших размерах, в Германии, Испании и Италии.

Как соби́рание коллекций во время старого режима, так

сами открыли, текстов, которые сами издают, и лиц и вопросов, которые изучают.

¹ См.: Delisle L. *Le Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque nationale*. 3 t. Paris, 1868—1881. Многие из изданных недавно историй прежних хранилищ документов выполнены по образцу этой замечательной работы.

и революционные конфискации причинили много ущерба историческим документам. Коллекционер был зачастую раньше, да бывает иногда еще и теперь, варваром, который не стеснялся ради обогащения своих коллекций редкими документами и вещественными остатками старины уродовать лампадки, разрывать рукописи и разбивать на части архивные материалы. Благодаря такому стремлению, еще до революции было совершено много актов вандализма. Революционные операции по конфискации и перемещению документов, естественно, имели также очень прискорбные последствия: помимо того, что многое уцелело только по небрежности или просто из страсти к разрушению, возникла еще несчастная мысль рассортировать (*trier*) архивные документы, сохранить только „интересные“ или „полезные“ и отделаться от остальных. Сортировка документов была поручена людям с добрыми намерениями, но некомпетентным, которые и произвели непоправимые опустошения в наших старинных архивах. В настоящее время много тружеников тратят бесконечную массу времени, терпения и старания, чтобы восстановить разрозненные материалы и вернуть на свои места отрывки, разобщенные между собою по необдуманному усердию лиц, разбиравших некогда исторические документы. Впрочем, следует сознаться, что порча документов коллекционерами старого режима и во время революционных предприятий незначительна по сравнению с той, которая происходила от неожиданных случайностей и естественного действия времени. Но будь эти повреждения в десять раз более серьезны, они все-таки щедро вознаграждены двумя первостепенными, заслуживающими особого внимания, благотворными результатами: 1) концентрацией в нескольких, сравнительно немногочисленных хранилищах, исторических документов, некогда разбросанных и как бы затерянных в сотни различных мест и 2) свободным доступом в эти хранилища. Отныне все старинные исторические документы, уцелевшие от случайных разрушений и вандализма, находятся в безопасности, классифицированы, открыты для общего пользования и считаются как бы частью общественного достояния.

Итак, исторические документы прошлого собраны и хранятся теперь в общественных учреждениях, называемых архивами, библиотеками и музеями. Но это только в принципе. В действительности, там нет всех существующих документов, потому что, несмотря на непрерывные приобретения, за деньги и безвозмездно, практикуемые уже давно ежегодно в целом мире архивами, библиотеками и музеями, все-таки есть еще частные коллекции, торговцы, которые их пополняют, и находящиеся в обращении документы. Но исключение это может быть оставлено без внимания, так как оно не нарушает правила. Все ограниченное количество блуждающих по свету исторических документов перейдет, рано или поздно, в государственные учреждения, явсно приобретающие и ничего не продающие¹.

В принципе, желательно, чтобы хранилища документов (архивы, библиотеки и музеи) были не особенно многочисленны, и мы уже сказали, что, по счастью, в настоящее время их несравненно меньше, чем было сто лет назад. Может ли идти еще дальше централизация документов, представляющая очевидные выгоды для научных работников? Не существует ли еще и в настоящее время архивов, автономия которых мало чем оправдывается? Может быть², но задача цен-

¹ Добрая часть исторических документов, находящихся еще в обращении, обязана этим крахам, совершавшимся с давних пор в ущерб государственным учреждениям. Меры предосторожности, принятые в настоящее время с целью избежать новых хищений, очень серьезны и почти повсюду, насколько возможно, действительны.

² Что касается новейших (печатных) документов, то устав о хранении, принятый почти всеми цивилизованными странами, обеспечивает сохранение их в общественных учреждениях.

³ Известно, что Наполеон I делал несбыточную мечту соединить в Париже архивы целой Европы и перевел уже туда для начала архивы Ватикана, Сев. империи, Кастильской короны и др., которые пришлось потом вывратить обратно. В настоящее время не может быть и речи о конфискации. Но старинные архивы нотариусов могли бы быть централизованы повсюду в государственных учреждениях, как это сделано уже в некоторых странах. Непопятно, почему в Париже министерства иностранных дел, военное и морское сохраняют у себя старые бумаги, которые должны бы храниться в национальных архивах. Не трудно было бы перечислить большое количество подобного рода аномалий, которые в некоторых случаях, по меньшей ме-

трализации документов перестала быть важной и неотложной с тех пор, как были усовершенствованы способы их воспроизведения, и в особенности с тех пор, как повсюду вошло в привычку устранять неудобства, проистекающие от многочисленности архивов, путем пересылки документов: в настоящее время можно сделать справки, без всяких затрат, в публичной библиотеке того города, где живешь, по документам, принадлежащим, например, с.-петербургской, брюссельской или флорентийской библиотекам; такие учреждения как „Парижский национальный архив“, „Британский музей в Лондоне“ и „Межанская библиотека“ в г. Экс (в Провансе), статусы которых абсолютно воспрещают какие бы то ни было внешние сношения, теперь встречаются редко¹.

II. Принимая во внимание, что большинство исторических документов сохраняются в общественных учреждениях (архивах, библиотеках и музеях), нахождение документов было бы очень легко, если бы были составлены хорошие описательные инвентари всем хранилищам документов, если бы эти инвентари были снабжены алфавитными указателями, или если бы были составлены их общие (алфавитные, систематические и т.п.) каталоги и, наконец, если бы существовала для справок коллекция всех этих инвентарей и указателей к ним. Но отыскание документов до сих пор очень затруднительно, потому что, к сожалению, все эти условия далеко еще не осуществлены.

Прежде всего, существуют хранилища документов (архивы, библиотеки, музеи), содержимое которых, даже отчасти, никогда не было занесено в каталоги, так что никто не

ре, стесняют исследования, потому что мелкие архивы, существование которых бесполезно, имеют обыкновенно самые стеснительные уставы.

¹ Международное сужение рукописными документами функционирует правильно (и бесприказно для публики) в Европе через посредство министерств иностранных дел. Кроме того, большинство крупных учреждений входит по этому поводу в непосредственные сношения между собою: этот путь столь же надежный, а иногда и более быстрый, чем дипломатический. За последние годы исторические и библиографические конгрессы выдвигали на очередь вопрос о сужении оригинальными документами, т.е. о пользовании ими вне тех архивов, где они сохраняются. Достигнутые до сих пор результаты очень удовлетворительны.

знает, какие документы там хранятся. В нашем распоряжении имеются полные описательные инвентари лишь немногих хранилищ; масса архивного материала, сохранившегося в знаменитых учреждениях, остается до сих пор незарегистрированной¹; в существующие же инвентари занесена только часть их коллекций. Во-вторых, какая разница между составленными уже инвентарями! Есть старинные инвентари, не отвечающие иногда даже современной классификации документов и не вполне пригодные для пользования; есть также новые инвентари, составленные тем не менее по устаревшим системам, или очень краткие, или чересчур детальные; одни из них печатные, другие рукописные, в форме книг или в форме карт (fiches); некоторые обработаны очень тщательно и законченно, другие, напротив, очень поверхностно. Умение пользоваться этой громадной сбивчивой литературой печатных инвентарей (не говоря уже о других) и различать, что в них заслуживает доверия и что нет, дается с большим трудом. Наконец, где можно удобно ознакомиться с существующими инвентарями? Большинство обитрирных библиотек имеют только неполные коллекции каталогов и инвентарей, общих же каталогов нигде не существует.

Такое положение вещей очень прискорбно. На самом деле, документы, находящиеся в архивах и хранилищах, не описанные в инвентарях, в сущности как бы не существуют для всех ученых, не имеющих досуга перерывать из конца в конец эти архивы и хранилища. Мы сказали раньше: нет документов, нет и истории. Но если нет описательных инвентарей хранилищ документов, то это равносильно невозможности узнавать о существовании документов иначе, как случайно. Следовательно, мы можем сказать, что успехи истории в значительной степени зависят от усовершенствования общего инвентаря исторических документов, еще до сих пор

¹ Такой материал представляет иногда самую значительную часть всего содержимого архива, утраченного своей массой. Обыкновенно охотнее предпринимают описание мелких архивов, не требующих такой массы труда. На этом же основании опубликовано много незначительных собраний монастырских грамот, но коротких, между тем как наиболее ценные документы подобного рода, но объемистые, остаются пендланцами.

отрывочного и несовершенного. Относительно этого пункта все согласны между собою. Бернар Монфокоп считал свою „Библиотеску библиотек новых рукописей“ (Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova) т.е. сборник библиотечных каталогов, „за самую полезную и самую интересную работу, сделанную им в своей жизни“¹. „При настоящем состоянии науки, — писал Эрнест Ренан в 1848 г.², — нет более действительно необходимого труда, как критический каталог рукописей различных библиотек... Вот, по-видимому, очень скромная потребность, ... а между тем научные изыскания будут затруднительны и неполны до тех пор, пока эта работа не будет окончательно выполнена“. „Мы имели бы лучшие книги по нашей древней литературе, — говорит М.П.Мейер³, — если бы предшественники г. Делюля (в качестве директора парижской национальной библиотеки) с таким же усердием и любовью к делу составляли описание вверенных их попечению богатств“.

Важно указать в немногих словах причины и следствия такого положения, которое оплакивается с тех пор, как существуют ученые, и улучшается лишь очень медленно.

„Уверю вас, — говорил Эрнест Ренан⁴, — что несколько сот тысяч франков, израсходованные министром народного просвещения на инвентарные работы, были бы с большою пользою употреблены, чем три четверти той суммы, которая тратится на словесные науки“. В других странах так же редко, как и во Франции, встречались министры, убежденные в этой истине и достаточно решительные, чтобы поступать сообразно с этим убеждением. Вместе с тем не всегда для составления хороших инвентарей достаточно было, как в настоящее время, одних только денежных жертв, — так как лучшие методы описания исторических документов установлены окончательно только недавно: кроме того, подбор компетентных работников, не представляющий в настоящее

¹ См. его автобиографию, изданную Э. де Бролья (Broglic E. de) *Bernard de-Montfaucon et les Bernardins*. II. Paris, 1891. P. 323.

² Renan E. *L'Avenir de la Science*. P. 217.

³ *Romania*. XXI (1892). P. 625.

⁴ В указанном месте.

время больших трудностей, был очень стеснен и случаен в эпоху, когда такие работники попадались редко. Но оставим в стороне материальные препятствия: недостаток денег и людей. На деле отразилась еще и причина другого порядка. Чиновники, заведовавшие хранилищами документов, не всегда проявляли такое же усердие, как теперь, знакомить публику с имеющимися у них материалами путем правильных инвентарей. Составление таких точных и вместе кратких инвентарей (*inventaires*), какие издаются в наше время, работа очень и очень тяжелая, не дающая никакого удовлетворения. Многие чиновники, живущие, в силу занимаемых ими должностей, посреди остатков старины и имеющие возможность рыться в них во всякое время и делать открытия, предпочитают лучше работать для себя, чем для других, и занимаются, вместо скучного редактирования каталогов, своими личными изысканиями. Кто, собственно, в наше время открыл, обнаружил и комментировал большую часть документов? Чиновники, состоящие при хранилищах документов. Благодаря этому замедлялось составление общей описи исторических документов. Оказалось, что лица, обязанные по своей профессии составлять описи документов, всего больше имели возможность обходиться без инвентарей.

Последствия несовершенства описательных инвентарей достойны внимания. С одной стороны, никогда нельзя быть уверенным, что исчерпаны все источники по данному вопросу, так как никто не может знать не описанные и не разобранные архивные материалы¹. С другой стороны, чтобы до-

¹ Г. Банкрофт (*Bancroft H.H.*) довольно точно анализировал в своих мемуарах *Literary industries* (New York, 1891) практические последствия несовершенства приемов исследования. „Предположим, — говорит он, — что предприимчивый писатель задумал писать историю Калифорнии. Он без труда добывает несколько книг, читает их, делает заметки; в этих книгах он находит ссылки на другие книги и просматривает их в общественных архивах того города, где живет. Так проходит несколько лет, по истечении которых он замечает, что у него под руками лет и десятой доли необходимых источников; он идет путешествовать, ведет переписку, но, отчаявшись когда-либо исчерпать вопрос, успокаивает свою гордость и совесть тем соображением, что он много сделал, что большинство документов, которых он не видел, по всей вероятности, не особенно важны, как многие другие, которые он

быть возможно больше данных по изучаемому предмету, каждый должен обладать основательным знанием источников, поскольку оно дастся теперешней литературой по эвристике, и посвящать много времени предварительным изысканиям. На деле, всякий, задающийся целью собрать документы для изучения какого-либо исторического вопроса, начинает с просмотра каталогов и инвентарей¹. Новички приступают к этой важной работе неискусно, выполняют ее медленно, с большим напряжением, вызывая у лиц опытных, смотря по темпераменту, улыбку или сострадание. Те, кто улыбается, видя сбивающихся и теряющих даром время новичков, пренебрегающих драгоценными документами и изучающих бесполезные, говорят себе, что и они сами прошли через те же испытания — каждому свой черед! Те, кто смотрит с сожалением на такую бесполезную трату сил и времени, думают, что если она до некоторой степени неизбежна, то отнюдь не благотворна, и задаются вопросом, нет ли способа сделать

бесполезно изучал. Что касается до газет и мириадов официальных отчетов правительства Соединенных Штатов, содержащих интересные данные по истории Калифорнии, то он, конечно (если он в здравом уме), и не мечтал все их исследовать; он, без сомнения, перечитал только некоторые из них. Он хорошо знает, что каждая из этих областей исследования потребовала бы многие годы труда, и что взять все их на себя — значит обресть себя на каторжную работу, которая никогда не кончится. Что касается устных свидетельств и рукописей, то он схватит на лету, из разговоров, несколько изданных анекдотов и получит немножко сообщения из каких-нибудь фамильных бумег, а затем помещает все это в примечаниях и „приложениях“ (*pieces justificatives*) своей книги. Он выхватит там и там некоторые любопытные документы из государственных архивов, просматривать же все колоссальное не будет, потому что на это понадобилось бы пятьдесят лет. Затем он пишет книгу. Он воздерживается предупреждать публику, что не выдал всех документов и, напротив, подчеркивает те из них, которые ему удалось добыть непрерывным двадцатипятилетним трудом.

¹ Некоторые избегают от личных исследований, обращаясь к чиновникам, состоящим при архивах, и поручают им произвести необходимые изыскания. Например герон Г. Флора Бувар и Пекоше задаются мыслью описать жизнь герцога Ангунемского; „они решились для начала посетить в Кан, чтобы проработать последние две в муниципальной библиотеке и собрать нужные материалы. Библиотекарь предоставил в их распоряжение исторические труды, брошюры...“ [Флора Г. Бувар и Пекоше // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 194. *Ред.* 2004].

менее тяжелым обучением эвристике, стоившее некогда очень дорого и им самим. Разве при теперешнем состоянии пособий изыскания сами по себе недостаточно трудны, какова бы ни была опытность исследователей? Есть ученые и историки, тратящие на поиски за материалом большую часть своей энергии. Некоторые работы, главным образом по средневековой и новой истории (так как документы по древней истории менее многочисленны, более изучены и лучше зарегистрированы в каталогах), требуют не только частых справок по инвентарям (редко снабженным алфавитными указателями), но также обширных непосредственных выписок из материалов, снабженных плохими инвентарями, а иногда даже совсем липкеными их. Не подлежит сомнению, и доказано даже на опыте, что перспектива таких долгих поисков, предшествующих всем более возвышенным операциям, отвращала и отвращает от исторических изысканий лучшие умы. Альтернатива действительно такова: или работать на основании не-сомненно неполных документов, или зарыться в бесконечные розыски, часто бесплодные и почти никогда не вознаграждавшие своими результатами за потраченное время. Не прискорбно ли, на самом деле, употребить лучшую часть жизни на перелистывание каталогов без алфавитных указателей или засорять пылью глаза, персобирая одно за другим все рукописи, составляющие архивные смеси (*miscellanea*), не внесенной в каталоги, чтобы добиться сведений (неизвестно заранее, положительных или отрицательных), которые можно было бы получить без труда, если бы существовали каталоги всех этих бумаг и если бы каталоги имели алфавитные указатели? Наиболее важное последствие несовершенства существующих вспомогательных пособий по эвристике несомненно то, что оно обескураживает многих развитых людей, сознающих себе цену и нормальное отношение между трудом и вознаграждением¹.

Если бы еще исследование исторических документов в общественных хранилищах по самой природе вещей должно

¹ Эти соображения были уже изложены и развиты в *Revue universelle*. 1894. I. P. 32) et seq.

было быть таким трудным, как оно есть, то с этим можно было бы мириться, подобно тому, как никто не сожалеет о неизбежной трате времени и труда на археологические раскопки, каковы бы ни были их результаты. Но несовершенство существующих пособий для отыскания исторических документов отнюдь не вызывается неизбежной необходимостью. Прежде положение было еще хуже, но ничто не мешает, чтобы в один прекрасный день оно стало совсем хорошим. Указав причины и последствия дурной постановки дела, мы должны сказать несколько слов о средствах к его улучшению. По нашему мнению, пособия для отыскания документов улучшаются непрерывно двумя путями. С одной стороны, с каждым годом увеличивается число описательных инвентарей архивов, библиотек и музеев, составляемых заботами должностных лиц этих учреждений. С другой стороны, богатые ученые общества содержат на свой счет опытных работников по составлению каталогов исторических документов, которые переходят последовательно из одного хранилища документов в другое, делая описи всем документам известного рода или относящимся к одному и тому же предмету: так, например, общество болландистов¹ поручило своим миссионерам составить в различных библиотеках общий каталог агрографических документов, а венская императорская академия — каталог памятников патристической литературы. Общество „Исторических памятников Германии“ (*Monumenta Germaniae historica*) давно уже предприняло обширные исследования такого же рода; подобного же характера работы в библиотеках и музеях целой Европы сделали некогда возможным издание „Корпуса латинских надписей“ (*Corpus inscriptionum latinarum*). Наконец, многие правительства взяли на себя инициативу посылки на свой счет за границу лиц для составления описей интересующих их документов: так, Англия, Голландия, Швейцария, Соединенные Штаты и др. выдают постоянные субсидии своим агентам, составляющим инвентари и переписывающим в больших хранилищах Евро-

¹ Болландисты — ученическое общество иезуитов, занявшееся изданием житий святых католической церкви. Основано в XVII в. Дж. Болландом. *Ред.* 2004.

пы документы, относящиеся к истории Англии, Голландии, Швейцарии, Соединенных Штатов¹ и т.д. С какой быстротой и с каким совершенством могут вестись в настоящее время такие полезные работы, под условием, конечно, что с самого начала будет принят разумный метод их выполнения, и одновременно с деньгами на вознаграждение за труд, будут располагать компетентным, состоящим под хорошим руководством персоналом работников, — показывает история „Общего каталога рукописей публичных библиотек Франции“ („Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France“); этот превосходный описательный каталог, начатый в 1835 году, насчитывал уже в 1897 году около пятидесяти томов и скоро будет совсем окончен. „Корпус латинских надписей“ (Corpus inscriptionum latinarum) был выполнен менее, чем в пятьдесят лет. Результаты, достигнутые голландцами и венской императорской академией, не менее доказательны. В настоящее время вполне возможно и непродолжительный срок издать все необходимые пособия для исторических изысканий, раз только будет признано их важное значение. Метод составления таких пособий выработан окончательно, а опытный персонал для выполнения работы может быть легко набран. В состав его вошли бы, очевидно, в большом количестве профессиональные архивисты и библиотекари, но также и свободные работники, чувствующие склонность к составлению каталогов и алфавитных указателей к ним. Таких работников больше, чем кажется с первого взгляда. Объясняется это отнюдь не легкостью работы, напротив, составление каталогов требует громадного терпения, напряженного внимания и самой разнообразной эрудиции, но многие находят удовольствие в таких работах, благодаря

¹ Известно, что с тех пор, как был открыт доступ в ватиканский архив, многие правительства и ученые общества учредили в Риме институты, члены которых, союзу с чиновниками Ватикана, занимаются составлением описей и обнаружением документов этих архивов. Французской школой в Риме, австрийским институтом, прусским институтом, польской миссионерской институтом „Goettestgesellschaft“, бельгийскими, датскими, нидерландскими, испанскими, русскими и др. учеными выполнены и выполняются в ватиканском архиве важные инвентарные работы.

их точности, явной полезности и, главным образом, тому, что они могут быть выполнены вполне законченно. В большей и в высшей степени разнообразной семье лиц, работающих над успехами исторических знаний, составители описательных каталогов и указателей образуют отдельную группу. И вполне естественно, что, занимаясь исключительно этим делом, они приобретают, благодаря практике, поразительную ловкость.

В ожидании того, как будет ясно признана необходимость и своевременность составления общего инвентаря исторических документов во всех странах, принята паллиативная мера, имеющая целью дать возможность ученым и историкам, в особенности начинающим, получать точные сведения о пособиях для исторических изысканий, находящимся в их распоряжении и быть в курсе (au courant) происходящих в этой области улучшений. В этом отношении очень долгое время полагались на опыт и случай; но кроме того, что опытное знание, как было уже сказано раньше, приобретает большую цену, оно почти всегда оказывается несовершенным. Ввиду этого недавно предпринято издание систематических и критических каталогов существующих инвентарей, или каталогов каталогов. Без сомнения, немногие библиографические предприятия в такой же степени общепользны, как данные.

Но эрудиты и историки часто чувствуют потребность в таких сведениях об исторических документах, каких нельзя обыкновенно найти ни в описательных каталогах, ни в инвентарях; так, например, им иногда необходимо знать, известен ли нет такой-то исторический документ, был ли он уже использован, критикован, комментирован или нет¹. Подобные сведения они могут найти только в трудах прежних эрудитов и историков. Для ознакомления с этими трудами следует прибегать к изданным до сих пор особым „библиогра-

¹ Каталоги документов указывают иногда, но не всегда, что такой-то документ обнаружен, критикован, использован. По общепринятому правилу, составитель каталога предоставляет подобного рода сведения, если они ему известны, но не обязан брать на себя трудную задачу наводить справки каждый раз, когда подобных сведений у него нет под рукой.

фическим обзорам“ всевозможных родов, составленным с различных точек зрения. Библиографические указатели исторической литературы должны, следовательно, рассматриваться как необходимые пособия по эвристике, наравне с инвентарями и каталогами исторических документов.

Составление систематических списков всем этим каталогам (каталогам, инвентарям и собственно библиографическим указателям) с соответственными разъяснениями, чтобы дать интересующейся публике возможность сберечь время и избежать заблуждений, служит предметом того, что, по справедливости, можно бы, пожалуй, назвать „Наукою каталогов“ или „Исторической библиографией“. Э. Бернгейм издал первый ее опыт¹, мы же, со своей стороны, попытались его расширить². Дополненное издание помечено апрелем 1896 г., но уже теперь к нему было бы необходимо сделать многочисленнее прибавления, не считая поправок, так как библиографические пособия исторических наук обновляются в настоящее время с поразительной быстротой. Каждая книга об указателях для эрудитов и историков, по общему правилу, стареет на другой же день по выходе в свет.

III. Знание указателей полезно всем; предварительное отыскание документов для всех тяжело, но не в одинаковой мере. Исследование некоторых отделов истории, разрабатывавшихся с давнего времени, достигло теперь высокой степени совершенства; все сохранившиеся документы, относящиеся к этим отделам, известны, собраны и классифицированы в больших специальных изданиях, так что историческое сочинение по этим периодам истории может быть в настоящее время целиком выполнено путем кабинетной работы. Изучение местной истории требует обыкновенно только местных исследований. Существуют важные монографии, основанные на небольшом количестве документов, найденных в одном месте, и притом документов такого характера, что было бы излишне отыскивать другие где-либо еще. Напротив, иная маленькая монография, иное скромное издание

¹ Bernheim E. *Lehrbuch der historischen Methode*. 2. S. 196—202.

² Langlois Ch.-V. *Manuel de Bibliographie historique I. Instruments bibliographiques*. Paris, 1896.

текста, древние экземпляры которого не составляют редкости и рассеяны во многих библиотеках Европы, потребовали бесконечных справок, поездок и хлопот. Принимая во внимание, что большинство документов по средневековой истории последних веков и по новой истории или совсем не изданы или изданы плохо, можно возвести в принцип, что всякий, желающий написать действительно новую статью по средневековой или новой истории, должен продолжительное время посещать большие архивы оригинальных рукописей и без конца перелистывать их каталоги.

Ввиду всего сказанного, каждый должен с большою тщательностью выбирать предмет своего изучения и не отдаваться на волю случая. Некоторые темы не могут разрабатываться при настоящем состоянии пособий для отыскания документов иначе, как ценой той огромной архивной работы, на которую тратятся бесполезно умственные силы и жизнь; между тем темы эти отнюдь не интереснее других, и не сегодня-завтра настанет, может быть, время, когда они сделаются легко доступными для изучения благодаря одному только усовершенствованию пособий для исторических исследований. Следует обдуманно, со знанием дела, выбирать известные вопросы для исторического изучения преимущественно перед другими, смотря по тому, существуют или нет известные каталоги документов и библиографические указатели, чувствует ли желающий работать склонность к кабинетному труду, или к исследованиям в архивах, и, наконец, имеется или нет возможность посещать с удобством некоторые архивы. „Можно ли работать в провинции?“ Таким вопросом задавался Эрнест Ренан на конгрессе ученых обществ в Сорбонне, в 1889 г., и ответил себе очень разумно: „По крайней мере половина научной работы может производиться в типичном кабинете. Возьмем, например, сравнительную филологию: при предварительной затрате в несколько тысяч франков и подписке на три или четыре специальных сборника, можно обладать всеми необходимыми пособиями для работы... По же можно сказать и об общих философских идеях... Очень многие отрасли знания могли бы быть разрабатываемы част-

писавший около 1820 года, делил на три разряда предварительные познания, составляющие, по его мнению, „подготовку историка“: литературные, философские и исторические. На „литературных“ познаниях он останавливается очень подробно: прежде всего „нужно внимательно читать великие образцы“. Какие великие образцы? Дону „не колеблясь“ указывает прежде всего на „образцовые произведения эпической поэзии“, потому что „поэты создали искусство повествования, и тот, кто не учился ему у них, не может знать его в совершенстве“. Дону рекомендует читать также романистов, современных романистов: „Они научат располагать факты, создавать образы, распределять подробности, искусно вести нить рассказа, прерывать ее, снова возобновлять, поддерживать внимание читателя, возбуждая его любознательность“. Наконец, следует читать хорошие исторические книги: „Из греческих писателей — Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия и Плутарха; из латинских — Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия и Тацита и из новейших — Макиавелли, Гвиччардини, Юма, Робертсона, Гиббона, кардинала Реца, Верго, Вольтера, Рейналя и Рюльера. Я ничуть не думаю исключать других, но названных уже достаточно, чтобы дать все подходящие для истории тона (tons), потому что в их произведениях царствует громадное разнообразие форм“. На втором месте стоят философские науки: необходимо углубиться в „идеологию, нравственность и политику“. Что касается сочинений, где можно почерпнуть такого рода знания, Дагессо (Daguesseau) указывает нам на Аристотеля, Цицерона и Гроция; я, со своей стороны, прибавил бы лучших древних и новейших моралистов, трактаты по политической экономии, издававшиеся с середины последнего столетия, все, что писали о политической науке, вообще об ее подробностях и применении, Макиавелли, Боден, Локк, Монтескье, Руссо, даже Мабли и наиболее просвещенные из их учеников и комментаторов. В-третьих, прежде чем писать историю, „нужно, очевидно, ее знать“. „Нельзя обогатить этот род познания, если не начнешь с того, чтобы овладеть им в том виде, как он существует“. Положим, будущий историк прочел уже лучшие книги по истории и изучил их, как образцы сти-

ли: „Ему полезно перечесть их вторично, сосредоточив внимание, главным образом, на усвоении содержащихся в них фактов и достаточно проникнуться ими, чтобы сохранить о них неизгладимое воспоминание“.

Таковы „положительные“ познания, считавшиеся во семьдесят лет тому назад необходимыми вообще для историка. Однако, уже тогда смутно чувствовалось, что „для приобретения глубокого знания отдельных предметов“ были полезны еще и другие сведения. „Предметы, подлежащие изучению историков, — говорит Дону, — встречающиеся им подробности требуют очень разнообразных и обширных знаний“. Определил ли он их? Определил, и вот в каких выражениях: „Часто нужно знание многих языков, иногда также познания по физике и математике“. И он добавляет: „По этим предметам, однако, всякому посвящающему себя историческим трудам, достаточно общего образования, какое, как следует предполагать, получают все писатели“.

Все писатели, пытавшиеся, подобно Дону, перечислять первоначальные знания, а также умственные и нравственные дарования, потребные для „писания истории“, вынуждены были говорить избитые фразы или выставлять комические требования. По мнению Э.А.Фримена, историк должен бы знать все: философию, право, финансовые науки, этнографию, географию, антропологию, естественные науки и т.д.; разве историк не приходится, на самом деле, при изучении прошлого, встречаться с вопросами философии, права, финансов и т.д.? И если наука о финансах считается, например, необходимой для всякого, занимающегося современными финансовыми вопросами, то почему же она может быть менее необходима для того, кто позволяет себе высказывать суждение о финансовых задачах прошлого? „Нет такого специального вопроса, — заявляет Э.А.Фримен, — которого не может быть вынужден случайно коснуться историк, а следовательно, чем больше специальных отраслей знания он знает, тем лучше он подготовлен для своей профессиональной работы“. Говоря правду, не все отрасли человеческих знаний одинаково полезны историком; некоторые оказываются для него пригодными весьма редко, только случайно: „Я некогда бался бы даже посоветовать историком изучить для усовер-

уществования самым основательным образом химию, ввиду возможности и такого случая, когда химия помогла бы ему при его исследованиях"; но другие специальности находятся в более тесном родстве с историей: „например, геология в вся группа относящихся к ней естественных наук... Ясно, что историк будет успешнее работать, если он знает геологию...“¹ Задавались также вопросом: „не принадлежит ли история к одной из наук, называвшихся древними *umbrales* (кабинетными), требующих от занимающихся ими только трудолюбия и спокойствия духа“, или, может быть, благоприятным условием для историка является его участие в действительной жизни, когда он сам играет роль в истории своего времени, прежде чем писать историю прошедшего? Какими только вопросами не задавались? Целые потоки чернил проливались по поводу этих неправильно поставленных, лишенных всякого интереса или неразрешимых вопросов, долгое время безрезультатно дебатировавшихся и в значительной мере содействовавших неуважительному отношению к сочинениям по методологии. По нашему мнению, все, что бы ни говорилось относительно обучения „искусству писать историю“, будет общим местом, кроме того, что обучение это должно состоять, главным образом, в изучении исторического метода, бывшего до сих пор в пренебрежении.

¹ Freeman E.A. *The methods of historical study*. London, 1885, p. 45. (Русский перевод: Фримен Э.А. *Методы изучения истории*. М. 1893. Ред. 2003).

Во Франции география долгое время считалась наукой, тесно связанной с историей. Еще и в настоящее время у нас в университетах есть отдельные истории и географии, и в наших лицах одни и те же профессора преподают историю и географию. Многие упорно держатся того мнения, что такое соединение законно, и приходят в ярость от возможности разделения этих двух отраслей знания, считая их неразрывно связанными между собою. Но трудно было бы доказать разумными доводами, что те из профессоров истории и географии лучше, которые основательнее знают геологию, океанографию, климатологию и вообще всю группу географических наук. В действительности, студенты, избравшие предметом изучения историю, проходят выдавший им по программе курс географии с большим неудовольствием и без всякой прямой пользы; студенты же, чувствующие влечение к географии, с большим удовольствием бросили бы все исторические науки. Искусственная связь между историей и географией создавалась у нас с той эпохой, когда география как наука, не вполне определившаяся, считалась всемирно-общей дисциплиной. Это одна из подлежащих уничтожению остатков старого порядка вещей.

Сверх того, мы имеем в виду не „историка-литератора“, историка-моралиста, как представляли себе его Дону и его соревнователи, а историков и ученых, намеревающихся изучать исторические документы, с целью поставить исторические исследования на вполне научную почву. Им необходимо техническое обучение. Что же следует под ним подразумевать? Положим, перед нами писанный документ. Как нам воспользоваться, если не умеешь его прочесть? До Франсуа Шампольона египетские документы, папирусные иероглифы были, собственно говоря, мертвой буквой. Легко понять, что для занятий древней историей Ассирии нужно уметь разбирать клинообразные надписи. Точно так же, если желают заняться оригинальными работами по источникам в области древней или средневековой истории, то благоразумно научиться разбирать надписи и рукописи. Вот почему греческая и латинская эпиграфика и средневековая палеография, т.е. совокупность наук, необходимых для умения разбирать древние и средневековые надписи и рукописи, считаются за „вспомогательные науки“ для истории или, вернее, исторического изучения древности и средних веков. Что латинская средневековая палеография составляет часть обязательного багажа изучающего средние века, а палеография иероглифов — часть обязательного багажа египтолога, это очевидно для всех. Отметим, однако, одно противоречие. Никому никогда не приходило в голову посвятить себя египтологии, не запасшись предварительно знанием палеографии иероглифов, между тем нередко предпринимают изучение наших местных средневековых документов, не научившись предварительно считаться с их формами и правильно разбирать встречающиеся в них сокращения; наступая так, руководствуются тем соображением, что сходство большинства средневековых писанных свидетельств с новейшими писанными документами достаточно велико, чтобы можно было игнорировать иллюзии разобратся в них по чутью и привычке, чисто эмпирическим способом. Подобная иллюзия очень опасна: ученых, не посвященных в тайны палеографии, почти всегда можно узнать по грубым ошибкам, которые они делают, время от времени, при чтении документов, ошибкам, способным в корень подрезать последующую критику и истолкование документов. Что касается до самоучек, практиче-

ским путем достигающих совершенства в умении читать исторические документы, то изучение палеографического искусства избавило бы их, по меньшей мере, от бесконечных колебаний и неприятностей.

Предположим теперь, что мы имеем дело с разобранным документом. Как воспользоваться им, если его не понимаешь? Огрусские надписи и надписи на архаическом языке Камбоджи прочитаны, но никто их не понимает; до тех пор, пока они не будут поняты, они будут бесполезны. Для того, чтобы заниматься греческой историей, нужно, очевидно, изучать документы, написанные по-гречески, а следовательно, знать греческий язык. Это непреложная истина, скажут нам. Заметьте, однако, что часто поступают так, как будто бы ее не сознают. Молодые люди приступают к изучению древней истории, имея самое поверхностное понятие о греческом и латинском языках. Сколько лиц, не изучавших средневековой латыни и средневекового французского языка, воображают, что знают их, потому что понимают современный французский язык и классическую латынь, и позволяют себе братья за истолкование текстов, не будучи в состоянии понять их буквального смысла, который, при всей своей ясности, кажется им непонятным? Существуют бесчисленные исторические ошибки, обязанные своим происхождением искажению или приблизительному толкованию точных текстов людьми, плохо знакомыми с грамматикой, словарями и тонкостями древних языков. Солидное изучение филологии логически должно предшествовать историческим исследованиям каждый раз, когда необходимые для них документы написаны не на новом или легко понятном языке. Допустим теперь, что документ понятен. Признать его законным образом в соображение можно только установив его подлинность, если она не установлена уже раньше окончательным образом. Для проверки достоверности и происхождения документа необходимо знание и умение рассуждать. Иначе говоря, рассуждают, исходя из некоторых положительных данных, представляющих собою сгруппированные результаты предшествовавших изысканий, которые невозможно импровизировать, а нужно знать. На самом деле, отличить подлинную грамоту от подложной часто было бы немислимо для самого опытного юриста, не знающего обычаев той или иной

канцелярии, в то или иное время, или черт, общих всем грамотам известного рода, подлинность которых не подлежит сомнению. Он был бы вынужден, подобно первым ученым, путем сравнения громадного числа сходных документов, самостоятельно устанавливать черты, отличающие несомненно подлинные свидетельства от сомнительных, прежде чем высказаться по частному случаю. Во сколько же раз облегчается его труд, если существует целый ряд доктрин, сокровищница накопленных наблюдений, целая система выводов, добытых учеными, делавшими некогда, переделывавшими и проверявшими сравнения, которыми он вынужден был бы заниматься сам! Такой свод доктрин, наблюдений и выводов, способный облегчить критику дипломов и грамот, существует: это дипломатика. Итак, мы скажем, что дипломатика, наряду с эпиграфикой, палеографией, филологией (*Sprachkunde*¹) служит одной из вспомогательных дисциплин исторических изысканий.

Существуют, впрочем, и другие вспомогательные дисциплины, кроме эпиграфики, палеографии, филологии (*Sprachkunde*) и дипломатики с ее добавочными отраслями: хронологией и сфрагистикой. Неосновательно было бы, на самом деле, предпринимать критику еще не критикованных литературных документов, не будучи знакомым с выводами, добытыми лицами, критиковавшими раньше документы подобного рода; совокупность этих выводов составляет особую научную дисциплину, носящую название „литературной истории“ (*Histoire littéraire*)². Критика вещественных документов: произведений архитектуры, скульптуры, живописи, всевозможного рода вещей (оружия, одежды, утвари, монет, медалей и т.д.) предполагает основательное знание наблюдений и правил археологии и ее отдельных отраслей: нумизматики и геральдики.

Теперь мы имеем возможность обсудить с некоторою пользою, что, собственно, следует понимать под именем

¹ Слово „филология“ пришло во французском языке ограниченнейший смысл, которого мы не придаем ему здесь.

² „Историография“ составляет отрасль „литературной истории“, а литературная история есть совокупность выводов, добытых критиками, изучавшими во всех пор древние исторические сочинения, как-то: летописи, мемуары, хроники, биографии и т.д.

„вспомогательных наук истории“. Их называют иногда еще „науками-спутницами“ (satellites) и „науками-прислужницами“ (ancillaires), но все эти выражения очень неудовлетворительны.

Прежде всего, все так называемые вспомогательные науки истории не есть науки. Дипломатика и литературная история, например, представляют собою свод фактов, установленных критикой, и облегчающих критику еще не критикованных документов. Напротив, филология (Sprachkunde) — наука вполне сложившаяся, имеющая свои законы.

Во-вторых, существуют двойного рода вспомогательные знания (собственно говоря, не для истории, а для исторических исследований): одни из них обязательно должен себе усвоить каждый исследователь; относительно вторых, он может знать только, где их найти, чтобы воспользоваться ими в случае необходимости; одни из них должны у него быть, так сказать, в плоть и кровь, другие могут оставаться в виде запаса полезных сведений на всякий случай. Историк, занимающийся изучением средних веков, должен уметь читать и понимать средневековые тексты; ему нет надобности обременять свою память массой частных фактов литературной истории и дипломатики, указанных в надлежащих местах хороших руководств (Manuels-répertoires) по „литературной истории“ и „дипломатике“.

Наконец, совсем не существует вспомогательных знаний для истории (и даже для исторических исследований) вообще, т.е. полезных всякому исследователю, в какой бы области истории он ни работал¹. Итак, по-видимому, нет общего

¹ Здесь следует сделать небольшую оговорку, так как существует одно пособие, необходимое для всех историков и для всех ученых, каков бы ни был предмет их специальных изучений. История в этом отношении находится в одинаковом положении с большинством других наук, в именно: все занимающиеся оригинальными исследованиями, в каком бы-то ни было роде, должны знать несколько новых языков, — языков тех стран, где думают, работают, и которые стоят, в научном отношении, во главе современной цивилизации. В наше время занятия науками не сосредоточено в какой-нибудь одной стране или даже в одной Европе, оно носит международный характер. Одни и те же научные вопросы разрабатываются одновременно повсюду. В настоящее время трудно, а скоро будет и совсем невозможно избирать для изучения вопросы, которыми можно было бы заниматься, не привлекая во внимание работ на иностранных языках. Уже теперь, для занятий древней

ответа на вопрос, поставленный в начале этой главы, а именно: в чем должно состоять техническое обучение эрудита или историка? В чем же состоит техническое обучение эрудита или историка? Категорического ответа на этот вопрос дать нельзя. Прежде всего это зависит от того, какую историческую эпоху предполагается изучать. Бесполезно, например, знать палеографию для изысканий по истории Великой революции; нет также надобности знать греческий язык, чтобы изучать какой-нибудь период средневековой француз-

греческой и римской истории, почти также постоянно необходимо знание немецкого языка, как греческого и латинского. Тем, кому недоступна иностранная литература, нельзя заниматься ничем иным, кроме вопросов местной истории и самым узким смысле. Занятые важными, общими вопросами истории для них закрыты, на том одном ничтожном и смешном основании, что по этим вопросам главы книги на каком-либо не родном для них языке, совершенно для них недоступны. Полное непонимание языков, бывших до сих пор обычными языками науки (немецкого, английского, французского, итальянского) — это такая болезнь, которая с годами делается неизлечимой. Без малейшего преувеличения, от кандидатов на ученые профессии сасовало бы требовать, чтобы они были по меньшей мере trilinguis, т.е. читали бы без особого труда на двух новых языках, кроме своего родного. Вот обязательство, от которого были избавлены прежние ученые (когда латынь была общим языком ученых), и которое при современных условиях научного труда все более и более тяготет над учеными всех стран*. Французские ученые, не умеющие читать сочинений, написанных на немецком и английском языках, обречены уже этим самым стоять всегда ниже своих более образованных собратьев, как во Франции, так и за границей. Каковы бы ни были их достоинства, они осуждены работать с недостаточным материалом в руках и, следовательно, работать плохо. Они сами создают это. Одни из них из-за всех сил скрывают свой недостаток, как что-то позорное, другие — иронически выставляют его напоказ и хвалятся им; но похвала — это тоже один из способов маскировать стыд. Мы не находим нужным настаивать здесь особенно на том, что практическое знание иностранных языков имеет первостепенное значение при занятиях исторической наукой, как и вообще при всех научных работах.

* Настанет, быть может, время, когда сделается необходимым знание главного из славянских языков. Уже теперь есть ученые, считающие для себя обязательным знание русского языка. Мысль восстановить прежние значение латыни, как всемирного языка, — есть не что иное, как пустая мечта. См.: *Phoenix seu totius linguae internationalis*. London, 1891.

ской истории¹. Можно установить, по крайней мере, что предвзятый багаж всякого желающего заняться оригинальными работами по истории должен состоять (сверх того „общего образования“, о котором говорит Дону) из всех знаний, дающих средства находить, понимать и критиковать документы. Знания эти различны, смотря по тому, в какой области всемирной истории желает специализироваться ученый. Техническое обучение сравнительно коротко и легко для того, кто занимается новой или современной историей, продолжительно и трудно для всякого, занимающегося древней или средневековой историей.

Замена изучения „великих“ литературных и философских „образцов“, при подготовке историка, изучением положительных знаний, служащих действительным пособием при исторических исследованиях, является прогрессом последнего времени. Во Франции более чем до половины текущего столетия студенты исторических факультетов получали только литературное образование, рекомендуемое Дону, почти все довольствовались им и не искали большего; впоследствии некоторые с сожалением констатировали недостаточность своей предварительной подготовки, но слишком поздно, чтобы помочь злу; за немногими блестящими исключениями, лучшие из них остались почтенными литераторами, бессильными двигать вперед науку. Преподавание „вспомогательных наук“ и технических приемов исследования было введено лишь для средневековой (французской) истории и только в специальной Школе хартий (École des chartes). Это простое обстоятельство обеспечило на целые пятьдесят лет за Школой хартий заметное преимущество перед всеми другими высшими учебными заведениями, не только французскими, но и иностранными: она воспитала це-

¹ Когда у нас (во Франции) в первый раз были включены в университетские программы „вспомогательные науки“, то некоторые студенты, занимавшиеся историей великой революции и ничуть не интересовавшиеся средними языками, избирали себе, как „вспомогательную науку“, палеографию, а географы, не заинтересовавшиеся древностью — эпитафику. Они очевидно, не понимали, что изучение „вспомогательных наук“ рекомендуется не само по себе, а потому, что полезно на практике для всякого специалиста. (См.: *Revue universitaire*. 1895. II. P. 123).

лый ряд блестящих исследователей, обнаруживавших много новых данных, между тем как в других местах занимались разглагольствованиями о различных проблемах¹.

И в настоящее время техническая подготовка лиц, занимающихся средневековой историей, всего лучше и всего полнее поставлена в Школе хартий, благодаря хорошо составленному трехгодичному курсу романской филологии, палеографии, археологии, историографии и средневекового права. Но теперь вспомогательные науки преподаются всюду с большею или меньшею полнотою; они включены в университетские программы. С другой стороны, число учебных руководителей по эпитафике, палеографии и дипломатике за последние двадцать пять лет значительно возросло. Двадцать пять лет тому назад мы тщетно стали бы искать хорошую юнгу по этим предметам взамен отсутствовавшего устного преподавания; наоборот, с тех пор, как существуют кафедры, появилось много руководителей², которые сделали бы устное

¹ См. по этому вопросу мнения Ф. фон Зикеля (Sickel Fr. von.) и Ж. Лавэ (Lavet J.), опубликованные в *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1896. P. 87. В 1854 г. в Австрии Институт для изучения австрийской истории (für österrische Geschichtsforschung), был организован по образцу французской Школы хартий (École des chartes). Во флорентийском Институте высших исследований (Istituto di Studi superiori) основана недавно своя Школа хартий. В Англии пишут: „Мы привыкли слышать жалобы на то, что нет в нашей стране учреждения, подобного Школе хартий“. *Quarterly Review*. 1896. July. P. 122.

² Здесь следовало бы перечислить главных руководителей, вышедших за последние двадцать пять лет. Но их список можно найти в *Учебном руководстве* Э. Бернстема. 1894. Перечислим только большие руководства по филологии (в широком смысле германского термина Philologie, который обнимает историю языка и литературы, эпиграфику, палеографию и все вспомогательные сведения по критике документов), печатавшиеся в настоящее время: *Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde*, изд. под ред. Г. Бюллера (Bühler G.); *Grundriss der iranischen Philologie*, изд. под ред. В. Гейгера (Geiger V.) и Е. Куна (Kuhn E.); *Handbuch der classischen Altertumswissenschaft*, изд. под ред. И. фон Мюллера (Müller I. von); *Grundriss der germanischen Philologie*, изд. под ред. Х. Пауля (Paul H.), второе издание которого начало выходить в 1896 г.; *Grundriss der romanischen Philologie*, печ. под ред. Г. Гребера (Gieger G.). В этих обширных пособиях можно найти одновременно с кратким изложением научных сведений польные библиографические справки.

преподавание почти ненужным, если бы оно не сопровождалось в высшей степени полезными практическими упражнениями. Теперь уже никто из прошедших курс высших учебных заведений, а также и не проходивших его, не имеет права не знать, какая необходима подготовка для исторических работ. И действительно, об этом знают в настоящее время несравненно больше, чем знали раньше. В этом отношении очень знаменателен успех руководств (Manuels), издающихся почти непрерывно¹.

Итак, будущий историк вооружен предварительными знаниями, приобрести которые он не может упустить случая, потому что иначе обречет себя на бессилье и вечные ошибки. Мы предполагаем его в безопасности от ошибок (действительно, бесчисленных), протекающих от незнания почерка и языка документов, от незнания с предыдущими работами и результатами, добытыми критикой; положим, он имеет безупречное знание всего необходимого (*cognitio cogniti et cognoscendi*). Впрочем, это очень оптимистическое предположение, и мы не скрываем этого. Мы знаем, что недостаточно прослушать полный курс вспомогательных наук или прочитать внимательно лучшие учебные руководства по библиографии, палеографии, филологии и т.п.; недостаточно даже приобрести, путем практических упражнений, некоторый личный опыт, чтобы быть всегда хорошо осведомленным и, еще менее, чтобы быть непогрешимым. Прежде всего, лица, долго изучавшие документы известного рода или известной эпохи, обладают, относительно такого рода и такой эпохи документов, непередаваемыми познаниями, позволяющими им вообще превосходно критиковать встречающиеся новые документы того же рода и той же эпохи; ничто не может заменить „специальной эрудиции“, которая служит

¹ Французские руководства Пру (Prou) (палеография), Жирн (Jirou) (дипломатика), Кыня (Cagnat) (латинская эпиграфика) и др. распространены в публике поимание и знание вспомогательных дисциплин. Новые издания позволяют быть ей в курсе всего нового, потому что дисциплины, хотя и много сложившиеся, с каждым днем все более и более обогащаются; см. выше.

наградою много работавшим специалистам¹. А потом и сами специалисты ошибаются: палеографы должны постоянно быть настороже, чтобы не разобрать текст неправильно; а есть ли филологи, не имеющие на совести каких-нибудь искажений? Очень в общем солидные ученые печатали иногда издаваемые уже тексты, принимая их за неизданные, и пропускали документы, которые могли бы знать. Ученые всю жизнь непрерывно обогащают свои „вспомогательные“ знания, никогда не считая их, и вполне основательно, совершенными. Но все это не мешает нам поддерживать нашу гипотезу. Пусть только поймут, что на практике желающие работать по документам никогда не ждут того момента, когда сделаются полными господами всех „вспомогательных“ знаний, иначе никогда никто не решился бы начинать.

Посмотрим теперь, как следует изучать документы, после того, как пройден с успехом надлежащий курс обучения.

¹ Что следует, собственно, понимать под „непередаваемыми познаниями“, о которых мы говорим? В мозгу специалиста, очень близко знакомого с документами известного рода и известной эпохи, являются ассоциации идей, неожиданно мелькают аналогии при рассмотрении нового документа того же рода и той же эпохи, ускользающие от всякого другого, менее опытного лица, даже в том случае, когда оно располагает самыми совершенными указателями. Дело в том, что не все особенности документов можно интерпретировать; существуют такие, которые невозможно подвести под определенные рубрики, и их нельзя, следовательно, найти нигде в пособиях. Но хорошая человеческая память способна их удерживать, и достаточно даже слабого, отдаленного напоминания, чтобы их воскресить.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава I. Общие условия исторического знания

Мы уже сказали, что история составляется по документам и что документы представляют собою следы прошедших событий¹. Разъясним же здесь, что собственно мы под этим подразумевали.

Факты могут познаваться эмпирически только двумя способами: или непосредственно путем наблюдения в тот самый момент, когда они совершаются, или же косвенным образом, путем изучения оставшихся после них следов. Возьмем, например, такое событие, как землетрясение: я непосредственно знакомлюсь с ним, если присутствую при самом явлении, и косвенно, если, не присутствуя при нем, констатирую его видимые последствия (расщелины, обвалившиеся стены), а если эти последствия уничтожились, читаю его описание, составленное лицом, видевшим или самое явление, или его результаты. Особое свойство исторических фактов² заключается в том, что они узнаются только косвенным путем, по оставшимся от них следам. Следовательно, историческое знание, что бы там ни говорили³, не основано на непосредственном наблюдении. Отсюда и метод исторической науки должен коренным образом разниться от метода

¹ См. с. 49 этой книги.

² Это часто употребляемое выражение требует пояснения. Не следует думать, что оно применяется к какому-либо определенному роду фактов. Исторических фактов, в том смысле, как существуют химические факты, нет. Один и тот же факт может быть и не быть историческим, смотря по тому способу, как о нем узнают. Существуют только исторические приемы познания. Заседание Сената для того, кто на нем присутствует, составляет факт непосредственного наблюдения; но то же заседание становится историческим для того, кто изучает его по отчету. Извержение Везувия во время Плиния есть исторически познанный геологический факт. Исторический характер заключается не в самих фактах, а в способе их познания.

³ Это говорит Фустьель де Куланж (Fustel de Coulanges). См. выше, с. 54, прим. 2.

положительных наук, т.е. всех тех наук, кроме геологии, которые основаны на непосредственном наблюдении.

Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам. Правда, эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно, но кроме их, ему положительно нечего наблюдать: дальше он действует исключительно путем умозаключений, стараясь прийти к наиболее правильным выводам о фактах по находящимся в его распоряжении следам. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечною целью исследования¹. Между этой точкою отправления и конечною целью нужно пройти сложный ряд тесно связанных друг с другом умозаключений, рискуя то и дело впасть в ошибку. Между тем, малейшая ошибка, сделанная в начале, в середине или в конце работы, может сильно повредить правильности выводов. „Исторический“ или косвенный метод, в силу этого, гораздо ниже метода, основанного на непосредственном наблюдении; но у историков нет выбора: указанный метод — единственный, позволяющий им добраться до событий прошлого, и ниже² мы выясним, как он может вести к научному знанию, несмотря на все свое несовершенство. Детальный анализ умозаключений, ведущих от констатирования и отыскания документов к знанию фактов, составляет одну из главных частей исторической методологии. Это область критики, которой и посвящены следующие далее семь глав. Попытаемся прежде указать кратко ее общие черты и главные подразделения.

I. Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование. Первый случай гораздо проще, нежели второй. На самом деле, между известными вещественными остатками и породившими их причинами существует определенное отношение, и отношение это, обу-

¹ В науках, основанных на наблюдении, исходною точкою для умозаключения служит сам наблюдаемый факт.

² См. ниже, Глава VII.

словенное физическими законами, хорошо известно¹. Напротив, психологический след имеет символический характер: это не только не сам факт, но даже не непосредственный отпечаток факта в уме очевидца, а только условное отражение того впечатления, какое произведено событием на ум очевидца. Писанные документы не имеют, следовательно, цены сами по себе, как вещественные остатки старины; они имеют значение только как отражение сложных, трудно разъяснимых психологических процессов. Громадное большинство документов, служащих исходной точкой рассуждений историка, являются в общем только следами психологических процессов.

Если это так, то для того, чтобы судить по писаному свидетельству о факте, который является его отдаленной причиной, т.е. чтобы установить отношение, связующее этот документ с фактом, необходимо восстановить целый ряд посредствующих причин, породивших документ, кроме самого факта. Нужно представить себе всю цепь действий, совершенных автором документа, начиная с наблюдавшегося им факта до появления рукописи (или печатного свидетельства), имеющегося у нас перед глазами. Нить поступков автора критикуется при этом в обратном порядке, начиная с исследования рукописи (или печатного документа) и постепенно приближаясь к факту прошлого. Такова цель и ход критического анализа².

Прежде всего рассматривают документ. Сохранился ли он в своем первоначальном виде? Не искажен ли он? Исследуется, как он был воспроизведен, чтобы в случае надобности восстановить его первоначальное содержание и установить его происхождение. Эта первая группа предварительных исследований, относящаяся до внешности письма, языка, форм, источников и т.д., составляет особую область

¹ Мы коснемся особо критики вещественных памятников (различные предметы, монеты и т.п.) только постольку, поскольку она отличается от критики писанных свидетельств.

² Для ознакомления с подробностями и логическим доказательством этого метода см.: Seignobos Ch. *Les conditions psychologiques de la connaissance en histoire // Revue philosophique*. 1887. II. P. 168.

внешней критики или критики подготовительной. Далее идет внутренняя критика: она ведется путем умозаключений по аналогии, заимствованных большей частью из психологии и имеющих целью воспроизвести душевные состояния, переживавшиеся автором документа. Зная то, что автор сказал в написанном им документе, задаются вопросом: 1) что он хотел сказать; 2) думал ли он то, что говорил; 3) имел ли он основание так думать? В этом последнем случае документ становится предметом наблюдения или научных процессов, обязательных для каждой объективной науки, а следовательно, и метод его изучения должен быть такой же, как и метод объективных наук. Каждый документ представляет ценность равно постольку, поскольку его можно осветить, изучив предварительно его генезис, на степень хорошо сделанного наблюдения.

II. Из всего вышесказанного вытекают два вывода: крайняя сложность и абсолютная необходимость исторической критики.

По сравнению с другими учеными, историк находится в очень трудном положении, ему не только не приходится никогда, как химику, наблюдать непосредственно факты, но и документы, которыми он вынужден пользоваться, очень редко передают точные наблюдения. Историк не располагает научно установленными протоколами наблюдений, заменяемыми в позитивных науках непосредственные наблюдения. Он постоянно находится в таком положении, в каком был бы химик, если бы знал об известном ряде опытов только по пересказам своего лабораторного служителя. Он должен извлекать пользу из очень смутных свидетельств, которыми не удовлетворялся бы ни один другой ученый¹.

¹ Даже самый благоприятный случай, когда документ написан, как говорят, «свидетелем»-очевидцем, все-таки далек еще от научного знания. Полятие свидетеля было заимствовано из судебной практики; с научной точки зрения оно имеет такое же значение, как и полиция и наблюдателя. Свидетельство есть наблюдение. Но историческое свидетельство значительно отличается от научного наблюдения. «Наблюдатель» оперирует согласно определенным правилам и пишет строго точным языком. Напротив, «свидетель» наблюдал без всякого метода и писал, не заботясь о точности языка: неизвестно, припомнил ли он необходимые предосторожности. Осо-

Меры предосторожности при пользовании историческими документами тем более необходимы, что эти документы служат единственными материалами исторической науки: важно, очевидно, исключать документы, не представляющие никакой ценности, и отделять в других то, что является результатом правильного наблюдения.

Вместе с тем, предостережения в этом случае тем более необходимы, что осторожность не составляет естественной склонности человеческого ума, действующего беспорядочно в тех вопросах, где нужна самая строгая точность. Правда, все признают, в принципе, полезность критики; но это один из тех неоспоримых постулатов, которые трудно осуществляются на практике. Прошли целые века, с эпохами блестящей цивилизации, прежде чем обнаружилось первые проблески критики среди самых развитых народов на земле. Ни восточные народы, ни средние века не имели о ней точного представления¹. Вплоть до наших дней просвещенные люди, пользуясь документами для истории, пренебрегали самыми элементарными мерами предосторожности и следовали бесознательно ложным принципам. Еще и теперь многие молодые люди, предоставленные самим себе, поступали бы по-старому. Это объясняется тем, что критика противоречит нормальному течению человеческой мысли. По врожденному свойству, человек склонен прилаживать веру различным утверждениям и передавать их, не различая даже их ядро от своих собственных наблюдений. Разве в повседневной жизни мы не принимаем безразлично, без всякой проверки, слухи, анонимные и ничем не гарантированные сообщения, всякого сорта посредственного или плохого качества „документы“? Чтобы взять труд расследовать происхождение и значение сообщения о бывшей накануне история, нужен особый повод; в противном случае, если оно не является до безобразия неправдоподобным и не опровергается, мы принимаем его, держимся за него, разглашаем его и, в случае надобности прикрываем. Каждый искренний человек признает, что

важным свойством исторического документа в том и состоит, что он представляет собою результат труда без метода и без гарантий.

¹ См.: Lasch B. *Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter*. Breslau, 1887.

нужно большое усилие, чтобы стряхнуть с себя критическое малодушие (*ignavia critica*), эту столь распространенную форму умственной трусости, что усилие это нуждается в постоянном возобновлении и сопровождается часто истинным страданием.

Естественная неприспособленность человека держаться на воле заставляет его тонуть; чтобы приобрести привычку устранять произвольные движения и выполнять другие, он учится плавать; точно так же у человека нет прирожденной способности критики, ее нужно прививать, и она входит в плоть и кровь его только путем постоянных упражнений.

Итак, историческая работа — работа, по преимуществу, критическая. Когда предаются ей, не защитившись предварительно от естественного влечения, то тонут. Чтобы быть предупрежденным об опасности, необходимо отнестись к ней сознательно и анализировать причины малодушия (*ignavia*), с которой нужно бороться до тех пор, пока ум не приобретет критического направления¹. Очень полезно также отдать себе отчет об основах исторического метода и разобрать теоретически, один за другим, как это сделаем мы, все его последовательные процессы. „История, как всякая другая отрасль знания, допускает, главным образом, случайные ошибки, происходящие от недостатка внимания; но она больше всех других подвержена ошибкам, проистекающим от неустойчивости человеческого ума, который приводит к недостаточному анализу и к построению ложных умозаключений... Историки высказывали бы меньше бездоказательных утверждений, если бы они должны были анализировать каждое свое мнение; они признавали бы меньше ложных принципов, если бы припудрили себя формулировать все свои принципы; они делали бы более правильные умозаключения, если бы облекали свои выводы в форму тезисов“².

¹ Основной причиной естественного легковерия служит лень. Гораздо удобнее вскричать, чем разбирать, признавать, чем критиковать, накопить документы, чем их взвешивать. Не критиковать документы приятнее, чем критиковать, потому что критиковать документы значит жертвовать, а жертвовать документом тому, кто его нашел, очень трудно.

² *Revue philosophique*. I. P. 178.

ВНЕШНЯЯ (ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ) КРИТИКА

Глава II. Восстановительная критика

В наше время пишущий книгу посылает в типографию собственную рукопись, собственноручно исправляет корректурные листы и подписывает разрешение печатать. Напечатанная таким способом книга находится, как документ, в превосходных условиях. Кто ее автор и каковы были его чувства и намерения, не подлежит сомнению, а в данный момент для нас только и важно, что мы имеем почти точное воспроизведение написанного автором текста. Мы говорим „почти точное“, потому что если автор плохо исправил корректурные листы, или если в типографии отнеслись небрежно к его поправкам, то даже и при таких, очень благоприятных условиях, воспроизведение оригинального текста будет несовершенным. Нередко случается, что типографы заставляют нас говорить совсем не то, что мы хотим сказать, и это бывает замечено очень поздно.

Возьмем другой случай: нужно воспроизвести работу умершего автора, собственную рукопись которого нельзя послать в типографию. Такой случай был, например, с „Замогильными записками“ г. Шатобриана; он повторяется почти ежедневно с переписками известных личностей, которые спешат печатать для удовлетворения любознательности публики и рукописи которых бывает очень ветхой. Обыкновенно с подлинного текста такой переписки снимается копия; затем с копии делается типографский набор, что равносильно второй копии; наконец, эта вторая копия (в корректурных листах) сверяется или должна сверяться кем-нибудь (за смертью автора) с первой копией или, еще лучше, с оригиналом. Точность воспроизведения в этом втором случае менее гарантирована, чем в предыдущем, так как между оригиналом и его окончательным воспроизведением одним промежуточным экземпляром больше (рукописная копия), и очень легко может случиться, что оригинал трудно разобрать всякому дру-

тому, кроме самого автора. В действительности тексты посмертных переписок и мемуаров бывают очень часто искажены, благодаря списыванию и расстановке знаков препинания¹, даже в изданиях, сделанных, на первый взгляд, очень тщательно.

Теперь посмотрим, в каком виде дошли до нас древние документы? Оригиналы большинства из них утрачены; мы имеем только копии. Копии, непосредственно снятые с оригиналов? Нет, копии с копий. Далеко не все писцы, занимавшиеся перепиской этих копий, были люди опытные и добросовестные; они переписывали тексты, часто совсем не понимая их содержания или понимая плохо, и к тому же не всегда было в обычае, как во время каролингского Возрождения², сверять рукописи. Если наши печатные книги, после последовательного просмотра их авторами и корректорами, воспроизводят оригиналы далеко не в совершенстве, то вполне понятно, что древние документы, неоднократно переписывавшиеся без особой тщательности в течение целого ряда веков, с риском нового искажения смысла при каждой новой переписке, дошли до нас в крайне искаженном виде.

Отсюда возникает необходимость относиться с большою осторожностью к каждому документу, проверять, прежде чем пользоваться каким-либо документом, „хорош“ ли его текст, т. е. согласуется ли он, насколько возможно, с подлинной рукописью автора и, если текст плох, то исправлять его. Действовать иначе опасно. Пользуясь плохим текстом, т. е. искаженным при передаче, рискуют приписать автору то, что принадлежит переписчику. Относительно мест, искаженных

¹ Один из членов Общества французских гуманистов (основанного в Париже в 1894 г.), в бюллетене этого общества занялся восстановлением известных нам ошибок, касающихся внешней критики текста, которые встречаются в изданиях некоторых посмертных произведений (между прочим, в издании *Замогильных записок*). Он доказал, что возможно устранить несуюreté в самых новейших документах при помощи того же самого метода, каким мы пользуемся при восстановлении самых древних текстов.

² Относительно привычек средневековых писцов, через посредство которых дошло до нас большинство литературных произведений древности, см. сведения, собранные г. В. Ваттенбахом (Wattenbach W.) *Das Schriftwesen im Mittelalter*. Berlin, 1896.

при переписке, был построен в свое время целый ряд теорий, потерпевших полное фиаско, когда был найден или восстановлен оригинальный текст этих мест. Далеко не все типографские опечатки и ошибки переписчиков лишены значения или смеховы; иногда они бывают очень коварны, способны ввести в заблуждение читателей¹.

Всекий охотно поверил бы, что уважаемые историки всегда ставили себе за правило запасаться хорошим, исправленным и восстановленным текстом документов для своих работ. Но это было бы ошибкой. Историки долгое время пользовались текстами, бывшими у них под руками, не справляясь о их достоверности. Больше того: сами ученые, занятые изданием документов, не сразу научились искусству их исправлять; недавно еще документы издавали поспешно, по первым найденным копиям, не разбирая, хороши они или плохи, комбинируя и исправляя их наудачу. Большинство выходящих в настоящее время изданий древних текстов подвергаются предварительной критике; но не прошло еще и тридцати лет с тех пор, как были изданы первые „критические издания“ важнейших средневековых произведений, а тексты некоторых произведений классической древности (как, например, произведения Павсания) не подвергнуты критике еще и теперь.

До настоящего времени далеко еще не все исторические документы изданы с такою тщательностью, чтобы историки могли относиться к ним с полным доверием; а с другой стороны, некоторые историки до сих пор действуют, как бы не отдавая себе отчета в том, что нельзя полагаться на текст, достоверность которого не установлена. Впрочем, и теперь уже в этом отношении сделаны значительные успехи. На основании опыта, добытого многими поколениями эрудитов, удалось создать надлежащий метод для очищения и восстановления подлинных текстов документов. В настоящее время ни одна часть исторической методологии не обоснована так солидно и не пользуется такой известностью, как эта.

¹ См., например, *Coquilles lexicographiques*, собранные Г. А. Томасом (Thomas A.) // *Romania*. XX. 1891. P. 464 et seq.

Она ясно изложена во многих популярных работах по филологии¹.

Ввиду этого мы ограничимся здесь лишь перечислением ее основных принципов и укажем на добытые ею результаты.

I. Предположим, что мы имеем дело с неизданным еще документом или с документом, изданным не по правилам критики. Какой употребляется прием для установления текста, возможно близкого к подлиннику документа? Здесь следует различать три случая:

а. Самый простой случай — когда имеется наличие оригинала, написанный самим автором. В этом случае требуется только воспроизвести текст с полной точностью². Теоретически ничего не может быть легче, но на практике этот элементарный процесс требует напряженного внимания, доступного далеко не всем. Если вы сомневаетесь, то сделайте опыт. Переписчики, никогда не ошибающиеся и не страдающие рассеянностью, встречаются очень редко даже среди

¹ См.: Bernheim F. *Lehrbuch der historischen Methode*. 2. S. 341—354. Кроме того: Blass F. // Мюллер И. фон. *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*. P. 1892. С. 249—289 (с подробной библиографией); Tobler A. // *Grundriss der romanischen Philologie*. I. 1888. S. 253—263; Paul H. // *Grundriss der germanischen Philologie*. I². 1896. S. 184—196.

На французском языке см. параграф: „Критика текстов“ // *Minerva. Introduction à l'étude des classiques scolaires grecs et latins* / Gow J. et Reinach S. Paris. 1890. In-16. P. 50—65. Труд Тэйлора (Taylor J.) *History of the transmission of ancient books to modern times*. Liverpool. 1889 не имеет научного значения.

² Правило это не имеет исключений. Вообще допускается, что издатель имеет право однообразить почерк авторского автографа (предупреждая об этом) во всех случаях, когда, в большинстве современных документов, почерк автора не представляет филологического интереса. См.: *Instructions pour la publication des textes historiques* // *Bulletin de la Commission royale d'histoire de Belgique*. 5e série. VI. 1896 и *Grundsätze für die Herausgabe von Actenstücken zur neueren Geschichte*, подвергнутые тщательному рассмотрению на 2-м и 3-м конгрессах германских историков в 1894 и 1895 гг., в *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. XI. С. 200. XII. С. 364. Последние конгрессы итальянских историков, бывшие в Генуе (1893) и в Риме (1895) также обсуждали этот вопрос, но не приняли ни к чему. Какие вольности могут быть допущены при воспроизведении авторских текстов? Это более трудная задача, чем думают люди, не являющиеся специалистами в этом деле.

зрудитов.

в. Второй случай. Оригинал рукописи потерян; известна только ее копия. В этом случае следует быть очень осторожным, потому что а priori (заранее, до конца) вероятно, что эта рукопись содержит ошибки.

Тексты искажаются согласно некоторым законам. Мало-помалу применялись распознавать и классифицировать причины и обычные формы различий, наблюдаемых между оригиналами и копиями; затем, при помощи аналогии, удалось вывести правила, дающие возможность восстанавливать гадательным образом те места в единственной копии утерянного подлинника, которые несомненно (потому что они непонятны) или вероятно искажены.

Искажения оригиналов при списывании или, как говорят, „варианты передачи“, явились частью следствием подлога, частью ошибок. Некоторые переписчики, списывая текст, умышленно делали в нем изменения или пропуски¹, и почти все делали, кроме того, ошибки по непониманию или случайные. Ошибки по непониманию происходили в тех случаях, когда полуобразованные, мало понимавшие в деле писцы считали своим долгом исправлять непонятные им места или слова оригинала². Случайные ошибки происходили тогда, когда писец неверно прочитывал текст оригинала, или ослышался, писавши под диктовку, или невольно делал опiski (*lapsus calami*).

Изменения текстов, являющиеся следствием намеренных искажений и ошибок по непониманию, часто бывает очень трудно исправить и даже заметить. Некоторые случайные ошибки (например, пропуск нескольких строк) непоправимы в том случае, если имеется налицо единственная копия оригинала. Но большинство случайных ошибок возможно угадать, если знать их обычные формы: неясность смысла, букв и слов, смещение слов, слогов и букв, дигитграфию

¹ О вставках (интерполяциях) в текстах пойдет речь в главе III.

² Писцы Каролингского Возрождения и Возрождения в собственном смысле, начиная с XV в., были озабочены тем, чтобы делать тексты понятными. Вследствие этого они поправляли все, чего не понимали. Многие произведения древности, благодаря этому, погублены или искажены.

(беспольное повторение букв или слогов), аптографию (когда слова и слоги, которые должны повторяться, написаны по одному разу), плохое разделение слов, неверную расстановку знаков препинания и т.д. Эти различного рода ошибки делались писцами всех времен и всех стран, безразлично, на каком бы языке и каким бы почерком ни были написаны оригиналы. Но некоторые смещения букв повторяются особенно часто в копиях, снятых с оригиналов, написанных прописными буквами (*en caractères optiaux*), а другие — в копиях с оригиналов, написанных строчными буквами (*en minuscule*). Неясности смысла и смещения слов объясняются аналогиями словаря и произношения, различающимися, естественно, смотря по тому, на том или ином языке написан оригинал и в то или иное время. Общая теория гадательного исправления документов ограничивается тем, что нами только что изложено, и не существует систематического обучения этому искусству. Целью учиться исправлять какие бы то ни было тексты, но можно учиться исправлять тексты греческие, тексты латинские, тексты французские и т.д., потому что гадательное исправление текста требует, кроме общих понятий о путях искажения текстов, основательное знание: 1) языка, 2) специальной палеографии и 3) неточностей и смещений (букв, смысла и слов), которые всего чаще встречались или встречаются в копиях текстов, написанных на одном и том же языке и одним и тем же способом. Для обучения исправлению греческих и латинских текстов были составлены указатели (алфавитные и систематические) „вариантов передачи“ часто встречающихся смещений и вероятных поправок¹. Они не могут, конечно, заменить собою

¹ Коллекции эти обработаны или в систематическом, или в алфавитном порядке. Главные из них для двух классических языков, кроме вышеупомянутой работы Бласса (См. выше, С. 110, прим. 1), *Adversaria critica* Мадвига (*Madvig*) (3 vols. In-8. Copenhagen, 1871—1874); для греческого языка знаменитая *Commentatio palaeographica* Фр. И. Баста (*Bast Fr.I.*), изданная в виде приложения к изданию грамматики Григория Коринфского (Leipzig, 1811) и *Variae lectiones* Коуэ (*Cobet*) (Leiden, 1873); для латинского языка: Г. Агера (*Hagen H.*) *Gradus ad criticam* (Leipzig, 1879) и У. М. Ландосей (*Lindsay W.M.*) *An Introduction to latin textual emendation based on the text of Plautus* (London, 1896). Редактор „Биюлетеня общества французских гуманистов“ выразил

практических упражнений под руководством опытных знатоков дела¹, но они оказывают большие услуги даже и этим последним.

Нам не трудно было бы перечислить целый ряд примеров удачных исправлений. Наиболее удовлетворительные из них те, которые обладают свойством палеографической очевидности, как, например, классическая поправка Мадвига (Madvig) в тексте „Писем“ Сенеки (89,4). Обыкновенно читали: „Philosophia unde dicta sit, apparet; ipso enim nomine fatetur. Quidam et sapientiam ita quidam finierunt, ut dicerent diuinorum et humanorum sapientiam...“, что не имеет смысла. Предполагали, что между словами ita и quidam сделан пропуск. Мадвиг представил себе текст написанным прописными буквами исчезнувшей первоначальной рукописи, где, согласно обычаю, предшествовавшему VIII веку, слова не разделялись (scriptio continua) и между отдельными предложениями не было знаков препинания; он задался вопросом: не разделил ли переписчик наудачу слова первоначального текста, написанного сплошь заглавными буквами, и без затруднения прочел: „...ipso enim nomine fatetur quid amet. Sapientiam ita quidam finierunt... и т.д.“. Бласс, Рейнак, Линдсей в своих мелких научных работах упоминают о многочисленных искусных поправках в таком же роде. Впрочем, эллинисты и латинисты не пользуются монополией в этом отношении; можно указать примеры столь же блестящих поправок, сделанных ориенталистами, романистами и германистами, с тех пор, как восточные, романские и германские тексты подверглись внешней критике. Мы уже сказали, что подобные же исправления возможны даже в тексте документов совсем современных, воспроизведенных типографским способом при наилучших условиях.

Никто, быть может, в наше время не достиг такого совершенства в искусстве гадательного исправления (emendatio) текста, как Мадвиг; тем не менее он невысокого мнения о работах по новейшей филологии. Он думал, что гума-

пожелание, чтобы аналогичный сборник был составлен для современного французского языка.

¹ См.: *Revue critique*. 1895. II. P. 358.

нисты XVI и XVII вв. были в этом отношении лучше подготовлены, чем современные ученые. И действительно, гадательное исправление греческих и латинских текстов есть своего рода спорт (sport), которым занимается с большим успехом тот, кто при изобретательном уме и палеографической фантазии обладает еще и наиболее правильным, быстрым и тонким пониманием тонкостей классических языков. Прежние же ученые, хотя и были слишком смелы на заключения, но классические языки им были более знакомы, чем современным ученым.

Как бы то ни было, но многочисленные тексты, сохранившиеся в единичных копиях и в искаженном виде, не поддаются и, без сомнения, не будут поддаваться усилиям критики. Очень часто критика констатирует искажение текста, указывает, что требуется смыслом, и если она осторожна, то этим и ограничивается, потому что во многих копиях, благодаря множеству ошибок и последовательных исправлений, не осталось почти и следов авторского текста, и разобраться во всей этой путанице нет никакой возможности.

Ученые, предающиеся со страстью занятиям гадательной критикой, рискуют, в пылу увлечения, заподозрить подлинные тексты и предлагать для искаженных мест смелые гипотезы. Они сами это знают, а потому считают для себя законом ясно разделять в своих изданиях тексты сохранившиеся рукописей от текстов, установленных ими самими.

с. Третий случай. Существует несколько различных копий документа, подлинник которого утрачен. В этом случае современные ученые пользуются большим преимуществом перед прежними исследователями: помимо того, что они располагают гораздо большим запасом сведений, они правильнее производят сравнение копий. Цель их, как и в предыдущем случае, восстановить насколько возможно первоначальный текст.

Прежние ученые, а также и новички из наших современников боролась и должны бороться с очень дурной склонностью пользоваться любой копией, раз она под руками. Другая склонность не менее прискорбна, а именно: если различные копии документов относятся не к одной и той же

исторической эпохе, то пользоваться наиболее старой из них. Древность при оценке достоверности копий теоретически, а часто и на деле, не имеет никакого значения, потому что рукопись XVI столетия, представляющая собою воспроизведение хорошей утраченной копии XI века, имеет гораздо большую ценность, чем полная ошибок, переделанная копия XII или XIII в. Есть еще третья, также нехорошая склонность: считать копии, передающие одинаково один и тот же текст, и репутать по большинству. Положим, у нас налицо двадцать экземпляров копии одного и того же текста, причем вариант *a* повторяется восемнадцать раз, а вариант *b* два раза. Принять на основании этого достоверность за вариантом *a*, значит без всякого основания предположить, что все восемнадцать экземпляров копий имеют одинаковый авторитет. Делать такое предположение — значит ошибаться в выводе, потому что если семнадцать из восемнадцати экземпляров копий, дающих текст *a*, есть не что иное, как копии с восемнадцатого экземпляра, то, следовательно, вариант *a* удостоверен в действительности только один раз и остается только решить, имеет ли он предпочтение перед вариантом *b* или нет.

В подобных случаях было признано единственно рациональным прежде всего определять отношение копий между собою. Поступая так, исходят из того бесспорного постулата, что все копии текста, содержащие в одних и тех же местах одинаковые ошибки, сделаны одна с другой или же все ведут свое происхождение от одной копии, содержавшей уже эти ошибки. Невероятно, на самом деле, чтобы несколько переписчиков копий, воспроизводя каждый самостоятельно первоначальный текст, свободный от всяких ошибок, — сделали все точь-в-точь одинаковые ошибки: тождественность ошибок свидетельствует, следовательно, об общности происхождения копий. Все экземпляры, снятые с одной и той же умершей копии, могут быть без малейших колебаний отброшены, так как, очевидно, они ценны только постольку, поскольку ценна эта самая копия, послужившая их общим источником; они ничем не отличаются от нее, а если и отличаются, то только лишними ошибками, а следовательно, счи-

тать разные варианты одной и той же копии было бы бесполезной тратой времени. Отбросив указанные экземпляры одной и той же копии, приходится иметь дело только с независимыми копиями, снятыми непосредственно с первоисточника, или же с копиями, источник которых (копия, снятая непосредственно с первоисточника) утрачен. Чтобы классифицировать производные копии по родам (*en familles*) сообразно с той или иной передачей текста, слова прибегают к методу сравнения ошибок, позволяющему обыкновенно, без большого труда, составить полную генеалогическую таблицу (*stemma codicum*) сохранившихся экземпляров, рельефно выясняющую их относительную важность. Здесь не место рассматривать трудные случаи, когда вследствие утраты слишком большого числа промежуточных вариантов текста или прежних произвольных комбинаций, смешивавших в одно тексты многих различных вариантов, операция сравнения и исправления становится крайне затруднительной, а иногда и прямо невозможной. К тому же в этих крайних случаях метод ничуть не изменяется; сравнение совпадающих мест текстов имеет и здесь громадное значение, но это и все, чем располагает в таких случаях критик.

Когда генеалогическая таблица экземпляров составлена, то для восстановления текста первоначального документа сравнивают его независимые друг от друга варианты. Если они согласуются и получается удовлетворительный текст, то все затруднения устраняются; если же противоречат один другому, то делают выбор. Если же отдельные варианты согласуются между собою, но дают искаженный текст, то как и в том случае, когда имеется только одна копия, прибегают к гадательному исправлению текста.

В принципе, гораздо удобнее иметь несколько самостоятельных копий утерянного оригинала, чем одну, потому что одного простого механического сравнения независимых вариантов текста бывает часто достаточно, чтобы рассеять все неясности, которых не мог бы устранить сомнительный свет гадательной критики. Тем не менее, обилие экземпляров служит скорее помехой, чем помощью, когда экземпляры эти не классифицированы или классифицированы плохо; трудно

представить себе что-либо менее надежное, чем фантастические, сложные исправления текстов, выполненные на основании копий, без предварительного точного выяснения взаимного отношения этих копий друг к другу и к их первоначальному источнику. С другой стороны, применение рациональных методов ведет в некоторых случаях к громадной затрате времени и труда. Представьте только себе, что есть произведения, сохранившиеся в нескольких сотнях не тождественных между собою экземпляров, что самостоятельные варианты иного текста, не очень длинного (как, например, Евангелия), считаются тысячами, что для приготовления „критического издания“ иного средневекового романа понадобились бы очень старательному человеку целые годы труда. Можно ли быть по крайней мере уверенным, что текст этого романа, после стольких сличений, сравнений и труда будет существенно лучше, чем если бы для его восстановления имелись всего две или три рукописи? Нет. Физические усилия, необходимые для некоторых критических изданий вследствие чрезмерного кажущегося богатства материалов, которыми приходится для них пользоваться, отнюдь не пропорциональны положительным результатам, служащим наградой за труд.

„Критические издания“, сделанные при помощи нескольких копий утраченного оригинала, должны дать публике средства контролировать генеалогическую таблицу (*stemma codicum*), составленную издателем, и содержать в примечаниях список отброшенных вариантов. Таким путем, на самый худой конец, компетентные люди найдут там, за наименьшим лучшим текстом, то, что нужно для его восстановления¹.

II. Восстановительная критика — критика очищения и

¹ Наши эрудиты еще недавно пренебрегали этой элементарной предосторожностью, боясь утраты в педагогизме. Б.Ороо (Baugéau B.) издал в своих *Notices et extraits de quelques manuscrits latins de la Bibliothèque de la Sorbonne* (P. 310) одно произведение, написанное ритмическим стихом „*De presertim et logien*“ (О старейшине и логике). „Оно уже издано, — говорит он, — Томасом Райтом, — но это издание очень искажено; его текст местами совсем не ясен. Мы его значительно исправили, пользуясь при этом двумя копиями, из которых, правда, ни одна не безупречна...“ Затем идет издание без вариантов. Контроль невозможен.

исправления текстов — дает вполне отрицательные результаты. Как путем одних догадок, так и путем догадок и сравнения, удается обыкновенно получить не вполне хороший, а лишь возможно лучший текст документа, первоначальная рукопись которого утеряна. В лучшем случае удается исключить плохие случайные варианты текста, способные вводить в заблуждение, и указать подозрительные места. Само собою разумеется, что восстановительная критика не даст никаких новых данных. Текст документа, восстановленный ценою бесконечных трудов, стоит ничуть не больше, чем текст аналогичного документа, оригинал которого сохранился; напротив, он представляет даже меньшую ценность. Если бы автограф „Энеиды“ не был утрачен, то не потратились бы целые века на сличения и догадки и текст „Энеиды“ был бы лучше, чем существующий в настоящее время. Это относится к тем, кто забавляется игрою в „исправления“, любит ее и был бы огорчен, если бы не нужно было ею заниматься.

III. Впрочем, критика восстановления текстов будет применяться до тех пор, пока не будут обладать точным текстом всех исторических документов. При настоящем состоянии науки немногие работы отличаются большою полезностью, чем издание новых или очищение уже известных текстов. Издавать согласно правилам критики неизданные или изданные плохо документы, значит оказывать существенную услугу изучению истории. Во всех странах бесчисленные ученые общества посвящают этому капитальному делу большую часть своих средств и своей деятельности. Но ввиду громадного количества текстов, нуждающихся в критике²,

¹ „Исправление текстов слишком часто оказывается неудачным вследствие недостаточного знания того, что можно бы назвать „правилами игры“, — писал по этому поводу У.М.Линдсей (Lindsay W.M.) в указанной выше работе (С. 108, приложение прим. 1 к с. 107).

² Часто задавались вопросом: стоит ли „устанавливать“ и издавать все тексты? „Что нужно издавать, — говорит Ж.Бедье (Bédier M. J.), — из наших старых текстов (по средневековой французской литературе)? Все. Нам скажут все? Но не стигнемся ли мы уже и теперь под тяжестью документов?.. Вот основательные, требующие полного издания документы. До тех пор, пока масса рукописей будет для нас закрыта и облечена тайной, они будут мучить нас, как будто в них-то и заключается ответ на все загадки: они будут стес-

и тщательности, какую требует самый процесс критики¹, работы по изданию и исправлению текстов подвигаются очень медленно. Пройдет много времени, прежде чем будут изданы и переизданы по всем правилам искусства (*secundum artem*) все интересные памятники по истории средних и новых веков, даже если предположить, что сравнительно быстрый ход, какой приняли эти работы за последнее время, еще ускорится².

Глава III. Критика происхождения

Было бы абсурдом искать сведений о каком-нибудь факте в бумагах такого лица, которое о нем ничего не знало и не могло ничего знать. Следовательно, беря в руки документ, прежде всего должно задаться вопросом: „Откуда он происходит? Кто его автор? К какому времени он относится?“ Документ, автор, а также время и место написания которого не-

нать полет мысли каждого частного ума. Их следует читать также хотя бы для того, чтобы отделиться от них и чтобы возмужать умом с делами на них в будущем *tabula rasa*...“ (*Revue des Deux Mondes*. 1894. 15 Fevr. P. 910). Все документы должны быть занесены в каталоги, — сказали мы раньше, — чтобы работники не боялись упустить того, что им полезно было бы знать. Но во всех тех случаях, когда краткого анализа достаточно, чтобы познакомиться с содержанием документа и когда документ по своей форме не представляет интереса, издание его во всей полноте (*in extenso*) совершено не нужно. Нет надобности заваливать себя грудой материалов: когда-нибудь все документы будут анализированы; многие же документы никогда не будут изда- ны.

¹ Издатели текстов затрудняют часто свою задачу еще тем, что повсюду предложением разъяснений сопровождают свои издания комментариями. Было бы лучше не делать этого и обходиться без всяких примечаний, не относящихся к „критике“ в собственном смысле этого слова. (См. об этом Г. Линднера (Lindner Th.): *Ueber die Herausgabe von geschichtlichen Quellen* // *Mittheilungen des Institute für österreichischen Geschichtsforschung*. XVI. 1895. S. 501 и след.

² Чтобы отдать себе в них отчет, достаточно срешиваться, то есть ездить до сих пор наиболее деятельными обществами, например, обществом Исторических памятников Германии и Институтом истории Италии, с тем, что не остается сделать. Большинство документов самых древних, восстановление которых было сопряжено с особыми трудностями и на которых с давних пор изощряли специалисты свою проницательность, приведены теперь в удовлетворительное состояние. Но остается еще сделать очень и очень много.

известны, никуда не годится. Эта, по-видимому элементарная, истина была признана вполне только в наше время. По свойству человеческой природы, те, кто первые приняли за правило исследовать происхождение документов, прежде чем ими пользоваться, стали этим гордиться (на что, впрочем, имели полное основание).

Большинство современных документов снабжено точными указаниями о своем происхождении; в наши дни книги, журнальные статьи, официальные документы и даже частные рукописи бывают вообще подписаны и датированы. Напротив, на многих древних документах не обозначено ни места, ни даты, ни подписи.

Человек по природе отличается склонностью придавать веру указаниям о происхождении, если таковые имеются налицо. На обложке и в предисловии к „Возмездью“ Виктор Гюго называет себя их автором: стало быть, Виктор Гюго — автор „Возмездия“. Вот, например, в музее неподписанная картина, но стараниями администрации музея рама ее украшена дощечкой с именем Леонардо да Винчи: значит это картина Леонардо да Винчи. В „Выдержках из христианских поэтов“ (*Extraits des poètes chrétiens*) Клемана (Clément), в большей части изданий сочинений св. Бонавентуры и во многих средневековых рукописях находится поэма „Филомена“ с именем св. Бонавентуры: поэма „Филомена“ принадлежит, следовательно, св. Бонавентуре, и в „ней находят даже драгоценные указания относительно души“ этого святого человека¹. Вран-Люка (Vrain-Lukas) приносил г. Шалло (Chasles) надлежащим образом подписанные² автографы Верингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины: вот, думал г. Шаль, автографы Верингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины. Мы стоим здесь лицом к лицу с одной из наиболее распространенных и в то же время и наиболее устойчивых форм общественного легковерия.

Опыт и размышления доказали необходимость ограничить эту инстинктивную доверчивость особым методом. Ав-

¹ Гурмон Р. де (Gourmont R. de) // *Latin mystique*. Paris, 1891. С. 258.

² Подробнее об этом жульническом см.: Берков П.Н. *О людях и книгах*. М., 1965; Уайтхед Дж. *Серьезные забавы*. М., 1986. Ред. 2004.

тографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины были вымышлены Врон-Люка. „Филомена“, приписывавшаяся средневековыми писцами то св. Бонавентуре, то Людовику Гранадскому, то Джону Говдену (John Howden), то Джону Пекгам (John Peckham), не принадлежит, быть может, ни одному из этих авторов и, наверное, не написана первым. В самых знаменитых итальянских музеях отменные нелепости, без тени доказательства, прикрывались славным именем Леонардо да Винчи. С другой стороны, не подлежит сомнению, что Виктор Гюго автор „Возмездия“. Мы делаем отсюда заключение, что самые формальные указания на происхождение никогда не бывают достаточными сами по себе. Они представляют только большую и меньшую вероятность, — большую вообще, когда дело идет о современных документах, и часто очень слабую, когда вопрос касается древних. Указания эти бывают иногда позднейшими прибавками, приставленными к незначительным проливедениям, с целью поднять их цену, или к выдающимся сочинениям, с целью кого-нибудь прославить, или, наконец, с намерением мистифицировать потомство, и по множеству других, легко объяснимых мотивов, которые уже перечислены¹; вообще подложная (псевдоэпиграфическая) литература древности и средних веков очень обширна. Кроме того, есть совсем „ложные“ документы, снабженные, естественно, подделывателями самыми точными указаниями о их мнимом происхождении. Следовательно, указания о происхождении документов нужно проверять. Но как? Когда обозначенное происхождение документов подозрительно, его проверяют прямо помощи того же метода, каким пользуются, насколько возможно, для определения документов совсем не известного происхождения. Приемы, употребляемые в том и другом случае, совершенно одинаковы, а следовательно, нет надобности толковать о каждом из них в отдельности.

I. Главным орудием критики происхождения служит внутренний анализ рассматриваемого документа, с це-

¹ Ф. Бласс (Blass F.) перечислил большинство этих мотивов, касаясь псевдоэпиграфической литературы древности (Op. cit. S. 262 et seq.).

лю обнаружения всех признаков, способных дать указания об авторе, а также о времени и стране, где он жил.

Прежде всего исследуется почерк документа: св. Бонавентура родился в 1221 г.; если приписываемые ему поэмы читаются в манускриптах, писанных в XI в., то это будет ясно доказывать всю неосновательность присвоения их Бонавентуре: всякий документ, с которого существует копия, воспроизведенная письмом XI столетия, не может быть написан позже XI в. Затем исследуют язык: некоторые грамматические формы употреблялись только в определенных местностях и в определенное время. Многие подделыватели выдали себя благодаря своему невежеству в этом отношении: от их внимания ускользнули современные слова и обороты; так, удалось установить, что финикийские надписи, найденные в Южной Америке, были сделаны раньше такой-то немецкой диссертации по тому или иному вопросу финикийского синтаксиса. Если дело касается государственных актов, то рассматривают формулы. Документ, выдающий себя за меровингскую грамоту, несомненно ложный, если в нем нет обычных формул подлинных меровингских грамот. Наконец, обращается внимание на все положительные данные, имеющиеся в документе, как-то: упомянутые в нем события и намеки на события. Когда события эти известны из другого источника, который не мог быть в распоряжении подделывателя, достоверность документа установлена и время его написания определяется приблизительно между самым поздним известным его автору событием и событием, наиболее близким к предыдущему, о котором он, без сомнения, упомянул бы, если бы знал о нем. Принимается во внимание также и то, что о некоторых событиях говорится с особою любовью и что некоторые мнения выражены умышленно так, что дают возможность восстановить по догадке звание, среду и характер автора.

Внутренний анализ документа, во всех случаях, когда он ведется тщательно, дает достаточные указания о его происхождении. Методическое сравнение различных элементов анализируемых документов и соответствующих элементов однородных документов известного происхождения дало

возможность изболтать очень большое количество лжи¹ и с точностью определить обстоятельства происхождения большинства достоверных документов.

Результаты, достигнутые внутренним анализом, дополняют и проверяют, собирая все внешние сведения (*enseignements extérieurs*) касательно подвергнутого критике документа, рассеянные по документам, относящимся к той же или позднейшей эпохе, как-то: цитаты, биографические подробности об авторе и т.д. Иногда не оказывается никаких сведений подобного рода, и это имеет большое значение: та-

¹ Э. Бернгейм (*Op. cit.* S. 243 et seq.) дает значительный список ложных документов, в настоящее время признанных уже за таковые. Здесь достаточно напомнить только несколько знаменитых мистификаций: Салхонийатона (*Salchoniathon*), Клотильды де Сюрвилль (*Clotilde de Surville*) и Оссиала (*Ossian*).

[Шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736—1796), начиная с 1762 г. опубликовал несколько эпических поэм и поэтических отрывков, которые выдавал за переводы с гальского языка произведений, созданных в III в. легендарным бардом Оссианом, сыном Фингала. Подробнее см.: Смирнский Б. *Перо и маска*. М., 1967; Уайтхед Дж. *Серьезные забавы*. М., 1986. В 1803 г. увидели свет „Стихотворения Клотильды де Сюрвилль“, которые, как утверждал их публикатор — Вандербур, были написаны неизвестной ранее французской поэтессой, жившей в XV в. В 1826 г. Шарлем Подье был издан второй сборник стихотворений Клотильды де Сюрвилль. С самого начала большинство литературоведов придерживалось мнения, что эти произведения имеют самое позднее происхождение. К настоящему времени это совершенно точно установлено. Наиболее вероятным автором стихотворений считается маркиз Жозеф-Этьенн де Сюрвилль (1755—1798) — прямой отдаленный потомок мнимой поэтессы — Маргариты Шален, вступившей после смерти первого мужа в 1428 г. в брак с Бернарже де Сюрвиллем. Стихотворения находились в архиве Ж.-Э. Де Сюрвилля и возможно, что Вандербур, получивший их в свое распоряжение, решил, что они действительно были созданы в XV в. Подробнее см.: *Macé. Un procès d'histoire littéraire*. 1870; *Mazon. Marguerite Chalis et la légende de Clotilde de Surville*. Paris. 1875. Немецкий филолог Фридрих Вагенфельд (1810—1846) в 1835 создал и в 1837 г. издал произведение, которое объявил трудом древнего финикийского историка Салхонийатона, переведенным на греческий язык Филоном Библиским. Подробнее см.: Уайтхед Дж. *Серьезные забавы*. М., 1986. *Ред. 2004*].

Со времени издания книги Бернгейма некоторые знаменитые документы, вышедшие до тех пор не замеченными, выкинуты из списка достоверных. См., например: Пиаже А. (*Piaget A.*) *Chronique des chanoines de Neuchâtel*, 1896.

кой, например, факт, что один из документов, выдающий себя за меровингскую грамоту, не упоминался никем до XVII столетия и никогда никому не попадался в руки, кроме ученого XVII в., упомянутого во лжи, дает право думать, что он позднейшего происхождения.

II. До сих пор мы рассматривали простейший случай, когда критикуемый документ представляет собою труд одного автора. Но существуют многочисленные документы, заключающие в себе дополнения, сделанные в различные эпохи, которые следует выделить из первоначального текста, чтобы не приписать X., автору текста, то, что принадлежит его непрошеным сотрудникам Y. и Z.¹ Дополнения бывают двоякого рода: вставка (интерполяция) и продолжение (*continuation*). Интерполиацией называют вставки в текст слов или фраз, не стоявших в авторской рукописи². Случайные вставки являются следствием небрежности переписчиков и объясняются введением в текст междустрочных поправок или примечаний на полях; ошибки же умышленные состоят в том, что переписчики умышленно прибавляли к авторским фразам фразы своего собственного изобретения (а иногда и заменяли первые вторыми), с намерением пополюшить, прикрасить или сделать текст более выразительным. Если бы мы имели ту самую рукопись, где были сделаны умышленные вставки, то выскабливания и приписки тотчас же бы их обнаружили. Но почти всегда первый экземпляр такого рода рукописи бывает утрачен, а в снятых с него копиях всякие следы дополнений или замены уже исчезают.

Бесполезно определять, что такое „продолжение“. Известно, что многие средневековые хроники продолжались различными лицами, причем ни один из сменявших друг друга продолжателей не заботился объяснить, где начинается и где кончается его собственная работа.

Вставки и продолжения различаются без труда при операциях, необходимых для восстановления содержания доку-

¹ Когда изменения первоначального текста принадлежат самому автору, то это „переработка“. Внутренний анализ и сравнение экземпляров, принадлежащих различным версиям документа, сейчас же их выявляют.

² См.: Blass F. *Op. cit.* S. 254 et seq.

мента, сохранявшегося во многих экземплярах, когда некоторые из этих экземпляров воспроизводят первоначальный текст, свободный от всяких дополнений. Но если все экземпляры сняты уже с дополненных копий, то нужно прибегнуть к внутреннему анализу. Одинаков ли стиль всех частей документов? Проникнут ли он от начала до конца одним и тем же духом? Нет ли противоречий или пробелов в последовательном развитии мыслей? На практике, — когда продолжатели и интерполяторы имели личные особенности или явный умысел, — удается, путем анализа, изолировать первоначальный документ от примесей, как бы с ножницами в руках. Но когда все сделано тонко, так что незаметно никаких склеиваний, то гораздо лучше примириться с имеющимся текстом и не пускаться в догадки.

III. Задача критики происхождения не оканчивается еще тогда, когда документ, точно или приблизительно, локализован во времени и пространстве и когда знают, наконец все, что возможно, о его авторе или авторах¹.

Достаточно ли знать, что такая-то книга написана в 1890 г., в Париже, таким-то автором, чтобы судить о „происхождении“ находящихся в ней сведений, т. е. чтобы быть в состоянии оценить их значение? Предположим, что такой-то буквально скопировал (без указания источника) сочинение, написанное еще в 1850 г. Очевидно, что отвечать и ручаться за заимствованные части может только автор 1850 г. В наше время плагиат преследуется законом, считается бесчестным, потому и случается редко, но в прежние времена он был безнаказанным, общепринятым обычаем. Много исторических документов, кажущихся оригинальными, в действительности служат только отражением более древних (конечно, без ссылки на последние), и историкам, благодаря этому, приходилось испытывать не раз обманутые ожидания. У Эйнгарда

¹ В принципе не важно, удалось или нет открыть имя автора документа. Тем не менее, в *Histoire littéraire de La France* (XXVI, P. 388) мы читаем: „Мы оставляли без внимания анонимные поучения: эти очень легкие произведения не будут иметь значения для литературной истории, пока не будут известны имена их авторов“. Будут ли они иметь большое значение, когда авторы их будут известны поименно?

летописца IX века, есть места, взятые у Светония, не имеющие никакого значения для истории IX в. Однако, что могло бы произойти, если бы это не было замечено? О каком-нибудь событии повествуют трижды, три летописца; но эти три свидетельства, поражающие своим сходством, сводятся в сущности к одному, если констатировано, что два из трех летописцев заимствовали свой рассказ у третьего, или что одинаковые повествования трех летописцев заимствованы из одного и того же источника. Папские послания, средневековые императорские грамоты содержат витиеватые тирады, которым не следует придавать значения, потому что это была только известная манера писать, и составители посланий и дипломов дословно копировали свои витиеватые тирады из сборников формул и образцов канцелярий.

Критика происхождения обязана распознавать, насколько возможно, какими источниками пользовались авторы документов.

Задача, которую в данном случае следует разрешить, имеет некоторое сходство с изложенною уже нами задачей, связанный с исправлением текстов. В том и другом случае исходною точкою служит положение, что тождественные передачи текста имеют один общий источник: несколько переписчиков, переписывая один и тот же текст, не сделают точь-в-точь одинаковых ошибок в одних и тех же местах; несколько писателей, рассказывая об одних и тех же событиях, не могут смотреть на них с одной и той же точки зрения и не могут сказать совершенно одно и то же в одинаковых выражениях. Ввиду крайней сложности исторических событий, совершенно неправдоподобно, чтобы два независимых наблюдателя передали о них одинаково. Исследователи стараются группировать документы по родам (*familles*), подобно тому как классифицируют по родам рукописи и составляют параллельно генеалогические таблицы.

Экзаменаторам, поправляющим сочинения кандидатов на степень бакалавра, не раз случалось замечать, что „копии“ двух кандидатов (сидевших рядом) имеют нечто родственное между собою. Если им захочется установить, какое из двух сочинений списано с другого, то они легко это узна-

ют, несмотря на небольшие хитрости (легкие изменения, пополнения, распространения, резюме, исключения, перемещения), принятые лицом, виновным в плагиате, с целью рассеять подозрения. Общих ошибок достаточно, чтобы изобличить виновных; неловкости же и, в особенности, собственные ошибки плагиатора, источник которых надо искать в подробностях копии того лица, у которого он списал, изобличают наиболее виновного. То же самое, если мы возьмем два старинных документа: когда автор одного скопировал непосредственно другой, то установить между ними сродство бывает очень легко: плагиатор, сокращает ли он рукопись, излагает ли он ее своими словами, он все-таки почти всегда выдает себя отдельными местами¹.

Когда имеются валишо три сродные документа, то изобличить их взаимные отношения, в некоторых случаях, бывает уже более трудно. Возьмем *A*, *B*, *C*. Предположим, что *A* общий источник: возможно, 1) что *B* и *C* в отдельности скопировали *A*; 2) что *C* знал общий источник только через посредство *B*; 3) что *B* знал общий источник только через посредство *C*. Если *B* и *C* сократили общий источник двумя различными способами, то их частичные копии несомненно независимы. Если *B* и *C* зависят друг от друга, то мы возвращаемся к самому простому случаю, описанному в предшествующем параграфе. Но предположим, что автор *C* комбинирует *A* и *B*, и что, сверх того, *A* был уже утилизирован *B*; в таких случаях генеалогические отношения перекрещиваются и затемняются. Еще большей сложностью отличаются те случаи, когда приходится разбираться в четырех, пяти или более сродных документах; тогда число возможных комбинаций очень быстро возрастает. Тем не менее, если утрачено лишь небольшое число посредствующих передач, то критике удастся распутывать соотношения путем сличений и остроумных кропотливых комбинаций, путем бесконечно

¹ В очень благоприятных случаях, удавалось иногда определять, путем рассмотрения неясностей, допущенных плагиатором, самый род письма, формат той рукописи-источника, которая была у него перед глазами. Доказательства „критики источников“ иногда опираются, как и доказательства „критики текста“, на палеографическую очевидность.

повторяемых сравнений. Современные ученые (например, Б.Криси (Krisch B.), занимавшийся, главным образом, агнографическими произведениями меровингской эпохи) создали таким путем в недавнее время самые точные и основательные генеалогии¹.

Критика происхождения, поскольку она применяется к установлению родственной связи между документами, дает двойного рода результаты. С одной стороны, она восстанавливает утраченные документы. Предположим, что два летописца, *B* и *C*, воспользовались, каждый отдельно, общим утраченным источником *X*. Выделяя и сличая выдержки, заключающиеся в *B* и *C*, всегда будет возможно составить себе понятие об *X*, точно так же как составляют себе понятие об утраченной рукописи, сличая уцелевшие от нее частичные копии. С другой стороны, критика происхождения разрушает авторитет массы „подлинных“ документов, т.е. не заподозренных в фальсификации, доказав, что они производные, и имеют значение только постольку, поскольку имеют его их источники и что, когда они прикрашивают свои источники фантастическими подробностями или риторическими фразами, то лишаются всякой ценности. В Германии и Англии издатели документов усвоили прекрасную привычку печатать мелким шрифтом заимствованные места и более крупным места оригинальные или такие, источник которых неизвестен. Благодаря такому приему с первого взгляда видно, что знаменитые, часто цитировавшиеся (совершенно неосновательно) хроники есть не что иное, как компиляции, не представляющие сами по себе никакой ценности; таким-то образом „Цветы истории“ (*Flores historiarum*) так называемого Матвея Вестминстерского (*Mathieu de Westminster*), самая популярная, быть может, из английских средневековых хроник, почти целиком заимствованы из оригинальных работ

¹ Работы г. Жюльена Гаве (*Havet Julien*), собранные в томе его произведения (*Questions mérovingiennes*, Paris, 1896) считаются за образцовые. Очень трудные задачи разрешены там с безукорысленной ловкостью. Чтение Исмауэра, где г. Делюль (*Delisle L.*) разъясняет вопросы происхождения летописцев, также очень полезно. Решением такого рода вопросов обыкновенно и создают себе славу наиболее талантливые эрудиты.

Вендовера (Wendover) и Матвея Парижского (Mathieu de Paris)¹.

IV. Критика происхождения гарантирует историков от громадных ошибок. Результаты, достигаемые ею, поразительны. Услуги, оказанные исключением ложных документов, указанием на ложные присвоения, определением условий, в которых зародились документы, пострадавшие от времени, и приближением их к первоисточникам², — эти услуги так велики, что критика происхождения источников рассматривается в настоящее время как „критика“ по преимуществу. Когда историк не чувствует необходимости делать различие между документами, не относится никогда с недоверием к традиционным присвоениям и принимает все старые и новые, плохие и хорошие сведения, откуда бы они ни исходили³, боясь потерять хоть одно из них, то про него говорят просто, что у него „недостаток критики“⁴.

Это справедливо, но не следует довольствоваться такой формой критики и не следует ею злоупотреблять.

Крайняя недоверчивость в такого рода вопросах влечет за собою почти такие же прискорбные последствия, как и крайнее легковерие. Патер Гирдуэн, приписывавший средне-

¹ См.: издание Г.Р.Льюарда (Luard H.R.) (Vol. I. London. 1890) в *Британских средневековых текстах (Regum britannicarum medii aevi scriptores)*. *Цвета истории* Матвея Вестминстерского фигурируют в римском *Index'e* по привычке мест, заимствованных из *Большой хроники (Chronica majora)* Матвея Парижского, между тем как сама *Большая хроника* избежала критики.

² Поучительно было бы составить список знаменитых исторических работ, вроде *Истории завоевания Англии норманнами* Огюстена Тьерри, авторитет которых совершенно пал, с тех пор, как было изучено происхождение их источников. Ничто не забавляет больше публику, как изобличение историка в том, что он строил свои теории на основании фальсифицированных документов. Ничто так не способно покрыть стыдом историка, как то, что он позволил себе обмануться, приняв за правду несуществующие документы.

³ Одна из самых грубых (и вместе с тем самых распространенных) форм „недокритки критики“ заключается в том, что принимают за документы, и в одинаковом с ними значении, то, что высказано по поводу документов современными авторами. Новички не в достаточной мере различают в заявлениях новых авторов их явные прибавки к критическим источникам от самих источников.

вековым монахам произведения Вергилия и Горация, был не меньше смелой, чем жертва Врон-Люка. Применять критику происхождения ради удовольствия, без разбора, значит злоупотреблять ее приемами. Неблагообразные личности, пользуясь ими, чтобы возбудить спор о подлоге таких превосходных документов, как произведения Гросвиты (Hroswitha), Лигурина (Ligurinus) и булла *Unam Sanctam*¹, или для того, чтобы установить по поверхностным признакам вообразимое сходство между некоторыми „Анналами“, дискредитировали бы их, если бы это было возможно. И затем, похвально, конечно, противодействовать тем, кто никогда не сомневается в происхождении документов, но было бы преувеличением интересоваться исключительно теми периодами истории, документы о которых сомнительного происхождения. Документы по новой и современной истории ничуть не менее достойны интереса, чем документы, относящиеся к древней или началу средневековой истории, ради того только, что их видимое происхождение, будучи почти всегда истинным, не возбуждает тех щекотливых вопросов об авторе, где может быть обнаружена виртуозность критиков².

Однако не следует удовлетворяться одною критикою происхождения. Критика происхождения, равно как и критика исправления документов, имеет подготовительный характер, и результаты ее отрицательные. В конце анализа она приводит лишь к устранению из документов негодных и вводящих в заблуждение экземпляров и только. „Она научает не

¹ Список примеров см.: Zetzel E. Op. cit. S. 283, 289. [Гросвита (Хросвита, Хроствита, Росвита) (ок. 935—ок. 1002) — немецкая поэтесса и историк, писавшая на латинском языке. Была монахиней, затем настоятельницей монастыря в Гандерсхайме. *Лигурина (Ligurinus)* — эпическая поэма о деяниях сарматского императора Фридриха Барбароссы и Лигурии (Северная Италия), созданная в XII в. В середине XIX в. были высказаны предположения, что и произведения Гросвиты, и *Лигурина* представляют собой поздние подделки. Эти предположения не подтвердились. *Ред. 2004*].

² Так как при изучении древней и средневековой истории необходимо подвергать самой строгой критике происхождение документов, то изучение древности и средних веков считается более научным, чем изучение современной истории. В действительности оно обставлено только большими предварительными трудностями.

употреблять плохих документов, но не учит пользоваться хорошими¹; следовательно, она не заключает в себе исторической критики, а только часть ее².

Глава IV. Критическая классификация источников

Благодаря предыдущим операциям все документы известного рода или относящиеся к данному предмету „найжены“, т.е. известно, где они находятся; текст каждого из них, если было нужно, исправлен, и каждый из них был подвергнут критике происхождения, т.е. известно, откуда он исходит. Остается собрать и методически классифицировать проверенные, таким образом, источники. Это последняя из так называемых подготовительных операций к работам высшей критики (внутренней) и окончательной обработке материала.

Каждый изучающий какой бы то ни было исторический вопрос обязан предварительно классифицировать источники. Приведение в порядок рациональным и вместе с тем удобным способом проверенных материалов, прежде чем ими пользоваться, составляет очень важную часть профессии историка, хотя она и кажется на первый взгляд не имеющей особого значения. Тот, кто умеет хорошо классифицировать источники, владеет важным преимуществом, а именно: избегает лишнего труда и достигает лучших результатов, между тем как другие тратят попусту время и старания, а иногда и прямо чувствуют себя подавленными под тяжестью ими же самими накопленных в беспорядке заметок, выписок, копий и т.п. Они, как кто-то сказал, напоминают тех обремененных делами людей, которые всю жизнь переносят с места на место песчаник, не зная, где его класть, и поднимают, делая это, целые облака ослепляющей пыли.

¹ *Revue philosophique*. 1887. II. P. 170.

² Теория критики происхождения обработана теперь не *variety* (в предельного совершенства). Она изложена подробно: Verthelm E. Op. cit. S. 242—340. Ввиду этого мы рассмотрели ее в общих чертах. В французском языке *Введение* г. Мона (Monod G.) в его *Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne* (Paris, 1872) содержит лишь элементарные замечания (Ср. *Revue critique*. 1873. I. P. 308).

Г. При собирании текстов большинство, надо сознаться, действуя по первому побуждению, не думает о их классификации, а отмечает тексты один за другим, по мере ознакомления с ними. Многие прежние ученые (бумаги которых дошли до нас) и почти все неопытные новички работали и работают обыкновенно следующим образом: у них имеются тетради, куда они заносят по мере чтения все интересные, по их мнению, тексты. Это очень неудобный прием. Необходимо всегда стараться с самого начала классифицировать собранные тексты, потому что позднее, когда понадобится извлекать из всей совокупности материала тексты, имеющие отношение к какому-нибудь частному случаю, то будет невозможно обойтись без перечитывания с начала до конца всех тетрадей и придется до бесконечности повторять подобное перелистывание материалов каждый раз, когда нужна будет какая-нибудь новая справка. Такой прием работы соближает на первый взгляд тем, что при нем наблюдается экономия в письме; но это плохо понятая экономия, потому что она влечет за собою в будущем бесконечную массу розысков и стесняет комбинации отдельных текстов.

Другие ученые хорошо понимают выгоды систематической классификации материалов и вследствие этого, выбирая интересные их тексты, группируют их по заранее наменным в своих тетрадях рубрикам. Таким образом, все однородные тексты помещаются в одном и том же месте.

Но и эта система оставляет желать очень многого, потому что при ней неудобно делать прибавления и раз принятый план классификации должен оставаться неприкосновенным, так как изменять его трудно. Многие библиотекари составляли некогда таким способом каталоги, признанные теперь негодными.

Упомянем вскользь еще об одном варварском приеме. Он состоит в том, что исследователь просто стирается запомнить документы, ничего не записывая. Метод этот был некогда в употреблении. Историки, одаренные прекрасной памятью и к тому же ленивые, довольствовались этим — в результате большинство их цитат и ссылок отличалось не-

точностью. Полагаться в такого рода работах на память — непростительная смелость.

В настоящее время все признают, что для запоминания документов самое лучшее пользоваться картами (*fiches*). Каждый текст записывается на отдельном листочке с возможно точным указанием его происхождения. Выгоды такого приема очевидны: подвижность карт позволяет классифицировать их по желанию в целую массу различных комбинаций и в случае надобности менять их местами; при такой системе легко группировать вместе все однородные документы и по мере их нахождения делать дополнения в каждой группе. Для документов, интересных со многих точек зрения, которые могут фигурировать с одинаковым правом в нескольких группах, достаточно составить несколько экземпляров одинаковых карт или же заменять эти последние пустыми картами, ограничиваясь на них простой ссылкой к тем картам, на которых выписаны соответственные тексты. Сверх того, физически невозможно классифицировать и утилизировать документы иначе, как при системе карт, когда дело идет об обширных сборниках. Это констатировано в настоящее время не только учеными, но также статистиками, финансистами и, как говорят, даже производящими наблюдения литераторами.

Система карт, в свою очередь, не свободна от недостатков. Каждая карта должна быть снабжена точными ссылками на источник, откуда заимствовано ее содержание, а следовательно, если один и тот же документ анализируется на пятидесяти различных картах, то одни и те же ссылки должны повторяться пятьдесят раз. Это ничтожное осложнение и побуждает, несомненно, некоторых исследователей предпочитать столь несовершенный метод тетрадей методу карт. Кроме того, карты и летучие листочки в силу самой своей подвижности могут затериваться, а когда карта потеряна, то как ее заменить? Тем более, что исчезновение ее может быть даже не замечено; а если бы его и заметили, то, чтобы поправить беду, необходимо было бы переделать все уже ранее выполненные операции. В действительности, самые простые предосторожности, указанные опытом, дают возможность све-

сти до минимума все неудобства системы карт, но здесь не место излагать их подробно. Рекомендуют употребление прочных карт, одинакового размера, возможно скорейшую их классификацию в обертках или в ящиках и т.д. Впрочем, пусть каждый руководствуется в данном случае своими личными привычками, помня только заранее, что эти привычки оказывают непосредственное влияние на результаты ученой деятельности. „Личное распоряжение библиотек, — говорит Э.Ренау, — составляют половину научной работы“¹... И это не преувеличение. Иной ученый обязан большею долею своей заслуженной репутации искусству делать выборки из материалов; другой парализован, так сказать, своей неловкостью в этом отношении².

Собрав документы, полностью (*in extenso*) или в сокращенном виде, на картах или на подвижных листках, приступают к их классификации. По какому плану? В каком порядке? Ясно, что это зависит от рода работы, и несомнительно было бы задаваться мыслью формулировать правила для всех отдельных случаев. Но вот некоторые общие замечания.

II. Нужно различать два случая: с одной стороны историк классифицирует документы, имея в виду написать историческое сочинение, с другой классифицирует их эрудит, составляющий сборник (*regeste*). Сборники (*regestes* от латинского слова *regere* — записывать) и корпусы есть не что иное, как методические классифицированные коллекции исторических документов. В корпусках документы воспроизводятся полностью (*in extenso*), в регестах они анализируются и описываются.

Назначение сборников и корпусов помогает научным работникам в собирании документов. Эрудиты посвящают себя их составлению, чтобы раз навсегда выполнить работу по изысканию и классификации документов и избавиться, та-

¹ Renaud E. *Feuilles détachées*. P. 103.

² Очень было бы интересно иметь сведения о приемах работы великих ученых, именно тех, кому принадлежат большие труды по собиранию и классификации источников. Сведения эти имеются в их бумагах и иногда в переписках. О приемах работы Дюканжа, см.: Feugère L. *Etude sur la vie et les ouvrages de Du-Cange*. Paris. 1858. P. 62 et seq.

ким образом, от них на будущее время лиц. занимающихся наукою.

Документы могут быть сгруппированы по времени их написания, по месту происхождения, по содержанию и по форме¹.

Таким образом, получается четыре категории: времени, места, рода и формы; накладывая их одна на другую, получают по желанию ограниченные отдели. Задаются, например, целью сгруппировать все документы такой-то формы, такой-то страны, за такое-то время (французские королевские грамоты царствования Филиппа II Августа); или группируют все документы одной формы (латинские надписи), или одного рода (латинские гимны) за такую-то эпоху (древности или средних веков). Чтобы высказаться точнее, напомним о существовании „Корпуса греческих надписей“ (*Corpus inscriptionum graecarum*), „Корпуса латинских надписей“ (*Corpus inscriptionum latinarum*), „Корпуса церковных латинских текстов“ (*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*), „Регеста империи“ (*Regesta imperii*) И.Ф.Бемера (*Böhmer I.F.*) и его продолжателей, „Регеста римских понтификов“ (*Regesta pontificum romanorum*) г. Ф.Яффе (*Jaffé Ph.*) и А.Поттаста (*Potthast A.*).

¹ См.: Droysen I.G. *Précis de la science de l'histoire*. P. 25. „Критическая классификация не должна руководиться исключительно хронологической точкою зрения... Чем разнообразнее точки зрения, с которых критик предполагает группировать материалы, тем определеннее пункты, обозначенные пересечением линий“.

В настоящее время отказались группировать документы в корпусы и сборники как это делалось прежде, потому что они были еще не изданы или потому, что не было надежды на их издание. Некогда компиляторы *d'Analecta*, *de Reliquiae manuscriptorum*, *de Trésors d'anecdota*, сборники разных бумаг и т.д. печатали все документы известного рода, которые еще не были изданы и казались им интересными. Напротив того, *Georgisch (Regesta chronologica diplomatica)*, *Bréquigny (Table chronologique des diplômes, chartes et actes imprimés concernant l'histoire de France)*, *Wauters (Table chronologique des chartes et diplômes imprimés concernant l'histoire de Belgique)* классифицировали вместе все документы известного рода, которые уже ранее были напечатаны.

Независимо от того, по какому отделу имеется в виду собрать документы, последние могут быть датированы и не датированы.

Если они датированы, как, например, грамоты, исходящие из канцелярии какого-либо государя, то в начале каждой карты проставляют дату (предварительно переведенную на новое летосчисление), обозначенную в документе. Ничего, следовательно, не может быть легче, как классифицировать в хронологическом порядке все карты или, иными словами, все собранные документы. Хронологическая классификация в принципе необходима, если только возможна. Тут может быть только одно чисто практическое затруднение. Даже в самых благоприятных случаях некоторые документы могут оказаться без дат, тогда автор сборника обязан восстановить или попытаться восстановить время их написания, а для этого требуются продолжительные, терпеливые изыскания.

Если документы не датированы, то приходится делать выбор между алфавитным, географическим и систематическим порядком. История „Корпуса латинских надписей“ доказывает, что выбор этот не всегда легко сделать. Со времени Сметюса (*Smetius*) делили на классы, т. е. различали по содержанию, не обращая внимания на происхождение, надписи религиозные, надгробные, военные, политические, надписи, имеющие общественный характер и частный и т.д. Бек (*Voeseh*), хотя и предпочел для своего „Корпуса греческих надписей“ географический порядок, тем не менее держался того мнения, что принятая до тех пор группировка по содержанию была единственно возможной в латинском корпусе. Даже те, кто предлагал во Франции географический порядок², желали сделать исключение для текстов, относящихся к общей истории страны и, без сомнения, Римской империи; в 1845 г. Цумпт (*Zumpt*) защищал очень сложную эклектическую систему того же рода. В 1847 г. Т.Моммзен признавал географический порядок только для муниципий и не изменил еще вполне своего взгляда и в 1852 г., когда издал надписи Неаполитанского королевства. Только тогда, когда ему было поручено берлинской академией издание „Корпуса латинских надписей“, наученный опытом, он отверг даже исклю-

чения, предложенные Эггером для общей истории провинции и счит обязательным придерживаться чисто географического порядка¹. Между тем, ввиду эпиграфического характера документов, группировка по месту происхождения была единственно рациональной.

В течение последних пятидесяти лет это положение получило полное подтверждение; но собиратели надписей пришли относительно этого к соглашению лишь после двух столетий, потраченных на попытки в противоположном смысле. В течение двух веков составляли сборники латинских надписей, не замечая, что „классифицировать надписи по содержанию значило издавать Цицерона, разбивая его речи, трактаты и письма, чтобы группировать потом отрывки в зависимости от тех вопросов, о которых они трактуют“, что „эпиграфические памятники, принадлежащие одной территории, помещенные один около другого, взаимно объясняют друг друга“, и наконец, что „группировка по содержанию сотни тысяч надписей, которые все почти относятся ко многим категориям, почти неосуществима, в то время как каждый памятник имеет только одно место, и притом место вполне определенное в географическом порядке“². Алфавитный порядок очень удобен, когда не подходит хронологический и географический порядок. Существуют документы, как например, проповеди, гимны и светские средневековые песни, не снабженные точным обозначением ни времени, ни места их происхождения. Их классифицируют в алфавитном порядке *in scriptis* (с начала), т. е. в алфавитном порядке первых слов каждого из них³.

¹ Walzing I.P. *Recueil général des inscriptions latines*. Louvain, 1892. P. 41.

² *Ibid.* Когда принят географический порядок, то является затруднение вследствие того, что происхождение многих документов неизвестно, так как многие сохранившиеся в музеях надписи неизвестно откуда туда занесены. Затруднение это аналогично с тем, какое возникает при составлении хронологических сборников благодаря не датированным документам.

³ Затруднения представляют только тексты, утратившие свои *in scriptis*. В XVIII столетии Сегье (Séguier) посвятил большую часть своей жизни на составление в алфавитном порядке *in scriptis* каталога латинских надписей, в количестве 50 000, которые были до того времени ищаны. Он сделал выписки

Систематический, или дидактический, порядок нельзя рекомендовать для составления корпусов или сборников (*regestes*). Он произволен и приводит к неизбежным повторениям и смещениям. К тому же достаточно снабдить коллекции документов, расположенные в хронологическом, географическом или алфавитном порядке, хорошими оглавлениями, чтобы они могли с успехом замещать систематические сборники, когда в них встретится надобность. За одно из основных правил составления корпусов и сборников (искусство это достигло во второй половине XIX в. высокой степени совершенства¹) следует признать снабжение этих коллекций, какова бы ни была их классификация, различными оглавлениями и указателями, способными облегчать пользование содержащимся в них материалом. К хронологическим сборникам следует прилагать списки *in scriptis*, к алфавитным сборникам по *in scriptis* — указатели собственных имен и дат и т. д.

Составители корпусов и сборников собирают и классифицируют для других документы, которые их не интересуют (или, если и интересуют, то не все) и углубляются в этот труд. Обыкновенные работники собирают и классифицируют только материалы, полезные для своих частных работ. Отсюда и разница в приемах тех и других. Так, например, зарекомендованный систематический порядок классификации документов, очень мало пригодный для составления больших сборников, оказывается наилучшим для тех, кто работает за свой личный счет, имея в виду писать монографии. Но как бы то ни было, всегда хорошо соблюдать некоторые привычки, которые опыт научил ценить профессиональных компиляторов, а именно: надписывать на заголовке каждой карты место происхождения и дату каждого документа и, во всяком

из 12 000 сочинений. Эта важная работа осталась неизданной и бесцельной. Прежде чем предпринимать такие обширные компиляции, надо удостовериться, что план их рационален и что столь тяжелый и неблагодарный труд не пропадет даром.

¹ См.: Waitz, L. *Über die Herausgabe und Bearbeitung von Regesten* // *Historische Zeitschrift*. XI. 1878, S. 280 — 295.

случае, название рубрики¹, умножать ссылки (cross-references) и указатели, вести список (на особых картах) всех утилизированных источников, чтобы не пришлось по оплошности вновь просматривать изученные уже документы, и т. д. Правильное соблюдение этих практических указаний делает более легкими и более основательными исторические работы, имеющие научный характер. Основательное (хотя и не вполне совершенное) умение обращаться с картами дает возможность Орто пользоваться в течение всей жизни несомненным первенством (maîtrise) в очень специальном исторических работ².

Глава V. Критика подготовительная и эрудиты

Вся совокупность операций, описанных в предыдущих главах (как-то: исправление текстов, критика происхождения, соби́рание и классификация проверенных документов) составляет обширную область внешней или подготовительной критики³.

Подготовительная критика внушает поверхность большой публике только одно презрение. Наоборот, некоторые из тех, кто ею занимается, склонны слишком ее прославлять. Но есть середина между таким поношением и возвышением.

Грубое мнение людей, которые с состраданием и умиленной смирностью смотрят на кропотливый анализ внешней критики, не стоит оспаривать. В доказательство законности незаметных, но-видимому, работ по подготовительной критике ис-

¹ За отсутствием заранее установленного систематического порядка ввиду невозможности применить хронологический порядок, выгодно иногда временно классифицировать карты, т. е. документы, в алфавитном порядке слов, избранных для рубрик (Schlagwörter). Эта система называется „словарной“ (du Dictionnaire).

² См.: Langlois Ch.-V. *Manuel de bibliographie historique*. I. P. 88.

³ Мы прикидаем здесь термин „подготовительная критика“ (critique d'érudition) за синоним „внешней критики“. В разговорном языке словом *érudits* обозначают не только специалистов по „внешней критике“, но также историков, которые пишут, главным образом, монографии по тематическим, узко специальным вопросам, мало интересным для публики.

торических источников и для внушения к ним уважения есть только один аргумент, но решительный, а именно: они неизбежны. Без них нет и история. „Не должны быть презираемы те, — говорит Св. Иероним, — кто подобно девице, не обладают слишком большой твердостью“ (Non sunt contempnenda quasi parva, sine quibus magna constare non possunt¹).

С другой стороны, профессиональные эрудиты, стараясь оправдать свою гордость своими работами, не ограничились их должной оценкой и позволили себе преувеличить их значение. Говорили, что верные приемы внешней критики возвели историю на степень науки, и притом „точной науки“; что критика происхождения „позволяет глубже познавать прошлое, чем всякое другое исследование“; что привычка к критике текстов уточняет и даже прямо дает „историческое чутье“. Сверх того пообразили, что внешняя критика обнимает собою всю историческую критику и что не существует ничего больше, кроме исправления, очищения и классификация документов. Это достаточно распространенное среди специалистов заблуждение слишком грубо, а потому бесполезно с ним бороться. В действительности, не внешняя критика „позволяет глубже познать прошлое, чем всякое другое исследование“, а психологическая критика толкования, правдивости и точности текстов². Историк, которому посчастливилось бы настолько, что все документы, полезные для его исследования, были бы уже правильно издашь, критико-

¹ Это доказательство, которое вообще легко развить, часто развивалось раньше и недавно еще г. Белье (Bédier J.) в *Revue des Deux Mondes*. 1894. 15 fév. P. 932 et seq. Некоторые охотно допускают, что работы по внешней критике текста полезны, но раздраженные спрашивают: „Разве „слишком тщательная“ разбор исторического пергамента“ требуют „высокого напряжения человеческого ума“ и заслуживают ли умственные способности, необходимые для внешней критики, или не заслуживают того, чтобы прославлять тех, кто ими обладает?“ Poleмические статьи по этому вопросу не представляющему впрочем особой важности, между г. Брюнсьером (Brunetière), советовавшим эрудитам скромности, и г. Бушери (Bouché), настаивавшим, что они могут гордиться своими работами, помещены в *Revue des langues romanes*. T. I et II. 1880.

² Люди, умевшие безукоризненно критиковать документы с точки зрения внешней критики, никогда не возвысились бы до помысла о внешней критике, а следовательно, до понимания истории.

ваны с точки зрения происхождения и классифицированы, все-таки не был бы в состоянии воспользоваться ими для исторического сочинения, прежде чем сам лично не подверг бы их некоторой предварительной проверке. Что бы там ни говорили, возможно обладать самым широким историческим чутьем, никогда, ни в переносном, ни в буквальном смысле, не страхируя пыли с исторических документов своими советскими руками, т.е. никогда не отыскавши и не исправивши самолично ни одной рукописи. Не следует истолковывать буквально, в этимологическом смысле, слова, сказанные Э.Ренаном: „Я не думаю, чтобы можно было приобрести ясное понятие об истории, ее пределах и степени доверия, какое следует питать к известным способам исследования, не имея привычки правильно обращаться (manier) с оригинальными документами“¹; здесь подразумевается просто привычка прибегать к непосредственным источникам и изучать определенные вопросы². Без сомнения, настанет время, когда все документы, относящиеся к истории классической древности, будут изданы и критикованы, так что в этой области не будет больше места ни критике текстов (исправлению), ни критике источников (происхождения), а между тем все также можно будет заниматься изучением отдельных периодов и всей совокупности древней истории. Еще раз повторяем: внешняя критика имеет вполне подготовительный характер; она есть средство, а не цель; в идеале было бы желательно, чтобы применение ее на практике привело в конце концов к возможности обходиться без нее. В теории не только не обязательно, чтобы каждый намеревающийся писать исторические сочинения сам подготовлял себе материал для своих работ, но можно с полным основанием задать вопросом (которым часто и задавались), полезно ли даже это?³ Не

¹ Renan E. *Essais de morale et de critique*. P. 36.

² „Хотя бы только с точки зрения строгой дисциплины ума, я не мог бы отнестись с уважением к философу, который хотя один раз в жизни не работал над выяснением какого-нибудь специального вопроса...“ (Renan E. *L'Avenir de la science*. P. 136).

³ Относительно вопроса, необходимо ли, чтобы каждый делал „некоторые предварительные операции для своих дальнейших работ“ см.: Робертсон Дж.М. (Robertson J.M.). *Buckle and his critics*. London, 1895. P. 299.

лучше ли, чтобы лица, занятые разработкой истории, специализировались? Одним — эрудитам — были бы предоставлены все работы по внешней или подготовительной критике; другие, избавленные от этой тяжелой работы, могли бы с большою свободою предаваться занятиям высшей критикой, историческим синтезом и построением. Таков был взгляд Марка Паттисона, сказавшего: „История не может быть написана по рукописям“, что значит: „Невозможно писать историю по документам, которые нужно еще самому приводить в такое состояние, чтобы их можно было утилизировать“.

Некогда, действительно, профессия „эрудита“ резко различалась от профессии „историка“. „Историки“ упражнялись тогда в особом роде литературы, высокопарном и бессодержательном, называвшемся „историей“, не стараясь стоять на уровне работ, выполненных эрудитами. Последние, со своей стороны, путем своих критических изысканий, клали начало историческому знанию; но они не заботились о разработке истории: довольствуясь собиранием, исправлением и классификацией исторических документов, они относились безучастно к разработке истории и не лучше понимали прошлое, чем самые обыкновенные смертные из их современников. Эрудиты действовали так, как будто бы цель эрудиции заключалась в ней самой, а историки поступали так, как будто бы могли восстановить исчезнувшую действительность одною силою мысли и искусства, приложенною к документам низкого качества, составлявшим всеобщее достояние. Такое полное отчуждение между эрудицией и историей кажется теперь почти необъяснимым и, конечно, имело очень неприятные результаты. Теперешние сторонники разделения труда в истории, само собою разумеется, не требуют ничего подобного. Необходимо, чтобы между миром историков и миром эрудитов установилась самая тесная связь, потому что работы последних имеют смысл лишь постольку, поскольку они полезны для первых. Желательно только сказать, что некоторые процессы анализа и все процессы синтеза отнюдь не непременно выполняются лучше, если их прделывает одно и то же лицо; что если роли эрудита и историка могут быть

совмещены, то, с другой стороны, и в разделении их нет ничего незаконного, и что, может быть, это разделение, столь часто являющееся неизбежным на практике, желательно и в принципе.

На практике дело происходит следующим образом. Какой бы период истории ни предполагалось изучить, могут представиться только три случая. Или источники, относящиеся к данному периоду, уже проверены и классифицированы; или предварительная обработка источников, никогда ранее не производившаяся или производившаяся только отчасти, не представляет больших трудностей, или, наконец, необходимые для работы источники очень запутаны и для разработки их нужна значительная затрата времени и труда. Скажем мимоходом, что, естественно, нет никакого отношения между внутренним значением предметов, подлежащих изучению, и количеством необходимых предварительных работ. Такой предмет изучения, представляющий самый высокий интерес, как, например, история происхождения и первых времен христианства, мог быть удовлетворительно разработан только после предварительных исследований, занимавших целые поколения ученых; между тем, как критика источников по истории французской революции, другому вопросу первостепенной важности, потребовала гораздо меньших усилий. Рядом с этим, сравнительно незначительные вопросы по средневековой истории будут разрешены только тогда, когда будут выполнены обширные работы по внешней критике документов.

В первых двух случаях вопрос об удобстве разделения труда устраняется сам собою. Рассмотрим третий случай. Положим, кто-нибудь констатирует, что документы, необходимые для изучения намеченного им вопроса, находятся в очень плохом состоянии, т.е. разрознены, искажены, мало достоверны. Ввиду этого он должен выбирать одно из двух или отказаться от выбранного вопроса, так как не чувствует влечения к подготовительным работам, сознавая всю их необходимость и зная вместе с тем, что они могут поглотить всю его деятельность, или же начать подготовительные критические работы, не скрывая от себя, что у него не хватит

быть может, времени, чтобы самому воспользоваться проверенными материалами и что, следовательно, он может поработать для будущего, для другого. Останавливая свой выбор на последнем, он становится, вопреки самому себе, профессиональным эрудитом. Правда, ничто не мешает а priori тому, чтобы те, кто собирает обширные коллекции текстов и печатает критические издания, сами пользовались своими собственными сборниками и изданиями для сочинений по истории; и на самом деле, мы видим многих ученых, занимавшихся одновременно и подготовительными критическими работами, и более возвышенными работами по окончательной обработке исторического материала; достаточно назвать только Вайца, Моммзена, Орео. Но такие сочетания встречаются очень редко, и по многим причинам. Прежде всего человеческая жизнь коротка, а между тем есть громадных размеров каталоги, издания текстов и сборники, составление которых требует такой массы труда, что поглощает все силы самых усердных работников. Во-вторых, работы по отысканию и исправлению исторических документов представляют для многих большую привлекательность; почти все занимавшиеся ими долгое время находят в них особую прелесть, и многие посвящают себя им, имея полную возможность не делать этого.

Хорошо ли, само по себе, что научные работники погружаются, добровольно или нет, в отыскание исторических источников? Без сомнения — да. При занятиях историей, как в промышленности, результаты разделения труда одни и те же и притом очень благоприятные, а именно: более обильное, успешное и лучше регулируемое производство. Критики, приучившиеся путем долгой практики к исправлению текстов, восстанавливают их с поразительной ловкостью и уверенностью; те, кто предается исключительно критике происхождения, обладают в этом отношении такою интуицией, какой нет у людей, менее посвященных в эту трудную специальность; люди, всю жизнь составляющие инвентари и сборники, делают и то и другое гораздо легче, быстрее и лучше, чем новички. Итак, не только нет никакой выгоды в том, чтобы все „историки“ были одновременно „эрудитами“, за-

нимающимися внешней критикой, но и между самими «эрудитами» образуются различные категории. То же самое, как верфи, нет никакой надобности, чтобы архитектор был одновременно рабочим и все рабочие имели одинаковые специальности. Хотя большинство эрудитов не специализировались еще до сих пор вполне и, ради удовольствия, охотно выполняют различного рода подготовительные работы, тем не менее, не трудно было бы указать некоторых из них, работающих над составлением описательных каталогов и индексов (архивисты, библиотекари и т.д.), других, занимающихся преимущественно критикой (очистением, исправлением и изданием текстов) и, наконец, специалистов по составлению сборников. «С того момента, когда было признано, что эрудиция имеет ценность только по своим результатам, нельзя находить излишним разделение научного труда¹ и развитие исторических наук соответственно все более и более узкой специализации их тружеников. Если некогда было возможно, что один и тот же человек прелавался последовательно всем историческим работам, то это только потому, что люди компетентные не предъявляли больших требований; теперь же от занимающихся критикой исторических памятников требуют самой кропотливой тщательности, абсолютного совершенства работы, предполагающих настоящий профессиональный навык. Исторические знания достигли теперь такой степени развития, когда остается только с точностью разрабатывать их подробности, так как главные их черты уже намечены и сделаны капитальные открытия; теперь понятно, что знание прошлого не может более прогрессировать иначе, как путем в высшей степени широких исследований и самого глубокого анализа, на которые способны только специалисты.

Но ничто так не оправдывает деление научных работников в области истории на «эрудитов» и «историков» (и эрудитов по различным специальностям внешней критики), как то обстоятельство, что некоторые индивидуумы имеют естественное призвание к известным специальным работам. Одним

¹ Renan E. *L'Avenir de la science*. P. 230.

из главных оснований для высшего преподавания исторических наук, по нашему мнению, служит то, что университетской кафедре позволяет профессорам (предполагая, что они люди опытные) распознавать у студентов зачатки призвания к изысканиям эрудита или же полную неспособность к такого рода работам. *Criticus non fit, sed nascitur* (Критик противен, но необходим). Для лиц, не обладающих некоторыми врожденными дарованиями, карьера технической эрудиции готова только одним разочаровавшимся, и едва ли можно оказать лучшую услугу колеблющимся посвятив себя ей молодым людям иначе, как предупредив их об этих огорчениях. Люди, посвящавшие себя до сих пор подготовительным историческим работам, делали такой выбор или по призванию, или в силу сознания их необходимости; с нравственной точки зрения заслуга первых менее велика, нежели вторых, но зато они достигали в большинстве случаев лучших результатов, потому что работали не по обязанности, а ради удовольствия, без всякой задней мысли. Важно, стало быть, чтобы каждый, как в собственных интересах, так и в интересах самого дела, с полным знанием дела избирал себе наиболее подходящую специальность.

Рассмотрим теперь природные дарования, дающие право на занятия работами по внешней критике исторических источников, и недостатки, вредящие качеству подобных работ. В заключение мы скажем несколько слов о наклонностях, развивающихся благодаря машинальному упражнению в профессиональных работах эрудита.

1. Для того, чтобы выполнять с полной добросовестностью работы по внешней критике исторических материалов, нужно прежде всего находить в них удовольствие. Люди, обладающие исключительными дарованиями поэтов или мыслителей, способные, одним словом, к творчеству, плохо мирятся с мелкими техническими работами подготовительной

¹ Профессор университета по своему положению может лучше чем кто-либо открывать и поощрять призвания, но цель (т.е. критический навык) может быть достигнута учащимся только благодаря личным усилиям, как выразился Г. Вайц (Waiz G.) в одной из своих академических речей: «Доля учителя в этом деле очень ничтожная...». *Revue critique*. 1874. II. P. 232.

критики; правда, они остерегаются выказывать к ним презрение и, если дальновидны, то относятся к ним с большим уважением, но не занимаются ими из опасения, как говорят, разбивать булыжник бритвой (*courer des cailloux avec un rasoir*). „Я не расположен, — писал Лейбниц Банажу, убеждавшему его составить обширный корпус неизданных и уже напечатанных документов по истории международного права, — я не расположен играть роль переписчика... И не кажется ли вам, что вы даёте мне подобный же совет, как человек, пожелавший женить своего друга на злой женщине? Потому что втянуть человека в работу, которая будет занимать его всю жизнь, то же „что женить“¹. Э.Ренан, говоря о тех обширных подготовительных работах, „которые сделали возможными исследования высшей критики“ и опыты исторического построения, пишет: „Тот, кто, обладая более высокими умственными потребностями (чем авторы этих работ), решился бы в настоящее время на такой акт самоотречения, был бы героем...“². Хотя Э.Ренан и руководил изданием „Корпуса семитских надписей“ (*Corpus inscriptionum semiticarum*), а Лейбниц был издателем „Текстов Брауншвейга“ (*Scriptores regum Brunsvicensium*), тем не менее, ни Лейбниц, ни Ренан, ни подобные им люди не имели, по счастью, героизма принести свои высшие умственные способности в жертву исключительно внешней критике. Кроме выдающихся людей (и тех бесспорно более многочисленных, которые ошибочно считают себя таковыми), почти все, как мы сказали, находят под конец удовольствие в мелочах подготовительной критики. Это происходит оттого, что упражнение во внешней критике сопрягает и развивает очень распространенные склонности к собиранию коллекций и разгадыванию ребусов. Собирание коллекций доставляет большое удовольствие не только детям, но и взрослым, независимо от того, что именно служит предметом коллекций, варианты почтовых или почтовые марки. Разгадывание ребусов и решение не- сложных задач составляет привлекательное занятие для мно-

¹ Цит.: Wegele Fr.X. von. *Geschichte der deutschen Historiographie*. München, 1885. S. 653.

² Renan E. Op.cit. P. 125.

гих умных людей. Всякая находка доставляет радость; в области же исторических документов можно делать бесконечные находки, причем одни из них сопряжены с большими трудностями, другие даются легко, а следовательно, могут доставлять удовольствие как тем, кто любит преодолевать препятствия, так и тем, кто этого не любит. Все видные эрудиты обладали в значительной степени инстинктами коллекционеров и разбирателей логогрифов, и многие это сознавали: „Чем более встречалось нам затруднений на нашем пути, — говорит Орео, тем более предприятие нам улыбалось. Род работы, называемый библиографией (критика происхождения, главным образом, с точки зрения псевдоэпиграфии), не может иметь притязаний на одобрение публики... но она имеет большую привлекательность для того, кто посвящает себя ему. Да, без сомнения, это очень скромное занятие, но много ли найдется других, которые подобно ему вознаградили бы за труд, позволяя так часто восклицать: „Я нашел“¹. Жюльен Гаве, „будучи уже известным европейским ученым“, развлекался „такими, по-видимому, пустыми забавами, как разгадывание четырехугольной надписи (*mot carré*) или разбор криптограммы“². Глубокие инстинкты и в высшей степени плодотворные, несмотря на то, что у некоторых индивидуумов они проявляются в ребяческих или смешных изращениях! За всем тем, это формы, самые первоначальные формы научного мышления. Тому, кто их лишен, нечего делать в мире ученых. Но кандидатов на предварительную критику исторических материалов будет всегда много; работы по истолкованию, построению и изложению материалов требуют более редких дарований; те, кто по недоразумению начал заниматься исторической наукой и желает принести ей пользу, а между тем страдают недостатком психологического чутья и отсутствием литературного таланта, всегда найдут

¹ Haureau B. *Notices et extraits de quelques manuscrits latins de la Bibliothèque nationale*. I. Paris, 1890. P. V.

² *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1896. P. 88. — Ср. аналогичные черты в интересной, талантливо написанной биографии эллиниста, палеографа и библиографа Шарля Гро (*Chartes*), написанной Э.Лависсом (Lavisse E.): *Questions d'enseignement national*. Paris, 1885. P. 265 et seq.

себе удовольствие в простых и спокойных подготовительных работах.

Но недостаточно одной любви к работам по предварительному изучению исторических документов, чтобы выполнять их с успехом. Необходимы еще другие качества, „которых не может заменить воля“. Какие же это качества? Те, кто задавался этим вопросом, ответили очень неопределенно: „качества скорее нравственные, чем умственные: терпение, честность ума...“

Нельзя ли определить точнее?

По опыту доказано, что некоторые молодые люди, которые не чувствуют а priori отвращения к работам по внешней критике, и даже не прочь были бы предпочесть их другим специальностям, бывают совершенно к ним неспособны. В этом не было бы ничего удивительного, если бы они обладали вместе с тем умственной слабостью, потому что их неспособность в данном отношении была бы тогда только проявлением общего слабоумия, или если бы они не получали технического обучения. Но дело идет об умных, образованных людях, даже более развитых, чем другие, вполне вознагражденных умственными дарованиями за указанный недостаток. О них часто говорят: „он работает плохо, у него склонность к неточности“. Их каталоги, их сборники, их издания, их монографии кишат неточностями и не внушают доверия; что бы они ни делали, они никогда не достигают, я уже не говорю, абсолютной, но даже приличной правильности. Она страдает „болезнью неточности“, типичным представителем чего является английский историк Фроуд (Froude). Фроуд был хорошо одаренным историком, но страдал слабостью никогда не писать правды; про него говорили, что он был органически неаккуратным. Например, он посетил город Аделаиду в Австралии. „Я видел, — говорит он по этому поводу, — у наших ног, в долине, перерезанной рекою, город с 150000 жителей, из которых ни один никогда не знал и никогда не испытает ни малейшего сомнения в том, что он будет питаться регулярно три раза в день“; между тем Аделаида построена на возвышенности; по ней не протекает никакой реки; ее население не превышало 75000 душ и она страдала

от голода в тот момент, когда ее посетил Фроуд и т.д.¹

Фроуд признавал вполне полезность критики и даже один из первых ввел в Англии изучение истории на основании изданных и неизданных оригинальных документов; но по складу своего ума он был вполне неспособен к исправлению текстов, напротив, он портил их невольно одним своим прикосновением. Подобно тому, как дальтонизм, порок органов зрения, не позволяющий различать красные диски от зеленых, лишает возможности служить на железной дороге, так и болезнь „неточности“ или болезнь Фроуда, диагноз которой очень не трудно произвести, должна считаться несовместимой с профессией ученого.

Болезнь Фроуда, как кажется, никогда не изучалась психологами, и, без сомнения, это не есть какая-нибудь особая болезнь. Все делают ошибки (по легкомыслию, недосмотру и т.д.). Ненормальность заключается собственно в том, что эти ошибки допускаются постоянно, в большом количестве, вопреки самому настойчивому старанию быть точным. Это явление связано, по всей вероятности, с ослаблением внимания и чрезмерной деятельностью непроизвольного (или бессознательного) воображения, недостаточно контролируемого волею неустойчивого и слабохарактерного субъекта. Непроизвольное воображение, примешиваясь к умственным процессам, извращает их, заполняет догадками пробелы памяти, преувеличивает или уменьшает значение реальных фактов, смешивает их с чистейшим вымыслом и т.д. Большинство людей извращает все таким образом, довольствуясь приблизительным; им трудно быть точными и добросовестными, т.е. управлять своим воображением. Многие взрослые люди никогда не перестают быть в этом отношении детьми.

Независимо от психологических причин болезни Фроуда, человек наиболее здоровый и уравновешенный всегда может испортить самые простые работы по предварительной критике исторических документов, если он не посвящает им необходимого времени. Поспешность в таком деле служит

¹ См.: Фишер (Fisher H. A. L.) // *Fortnightly Review*. 1894. December. P. 815.

источником бесчисленных ошибок, а потому вполне оправданно мнение, что основную добродетель эрудита составляет терпение. Легко, конечно, советовать работать не торопясь, действовать как будто бы оторочка всегда плодотворна, скорее воздерживаться, чем работать на скорую руку, — но чтобы сообразовать свое поведение со всеми этими предостережениями, нужен выдержанный темперамент. Нервные „беспокойные“ люди, всегда спешащие покончить с одним предприятием, чтобы затеять другое, желающие ослеплять и производить сенсацию, могут найти себе достойное занятие в других областях, в области же внешней критики исторических документов они осуждены нагромождать только временные работы, иногда больше вредные, чем полезные, способные рано или поздно навлечь на них неприятности. Настоящий эрудит должен быть хладнокровен, сдержан, осмотрителен; он не должен спешить за потоком бытоящей вокруг него современной жизни. Да и зачем ему спешить? Ему важно, чтобы его работа была основательна, закончена, нетленна. Лучше „в течение долгого времени отделать небольшое образцовое произведение в двадцать страниц“ и убедить двух, трех европейских ученых в подложности какой-нибудь грамоты или провести десять лет над восстановлением возможно лучшего текста искаженного документа, чем напечатать за то же время целые тома „неизвестного“ (*inedita*) посредственной достоверности, которые придется снова перерабатывать будущим эрудитам.

В какой бы отрасли изучения исторических материалов ни специализировался эрудит, он должен обладать осторожностью, особой силой внимания и воли, сверх того наблюдательностью, полным беспристрастием и решимостью работать ввиду отдаленных проблематических результатов, и притом почти всегда и для других, а не для себя. Для критики текстов и источников полезно, кроме того, врожденное влечение к решению задач, т.е. быстрый, изобретательный, изобретательный ум, способный сразу схватывать и „угадывать“ сходства. Для работ по описанию и сборке источников, составлению инвентарей, каталогов, корпусов и сборников абсолютно необходимы влечение к сборке

коллекций, исключительная страсть к работе, склонность к порядку, к деятельности и настойчивость¹. Таковы надлежащие способности эрудита. Занятия внешней критикой на столько несладки для лиц, не обладающих указанными способностями, и достигаемые результаты, в таком случае, так мало вознаграждают за потраченное время, что прежде, чем „посвятить себя внешней критике исторических материалов“, следует самым заботливым образом проверить свои способности. Судьба тех, кто за недостатком вовремя данных предостерегающих советов ебился на этот путь и напрасно истощает на нем свои силы, очень плачевна, в особенности, если они имеют основание думать, что они могли бы употребить свои силы с большею пользою на что-нибудь другое².

II. Так как занятия внешней критикой исторических документов всего лучше подходят к темпераменту большинства немцев, то дело изучения исторических материалов в Германии достигло в XIX в. значительного развития; вместе с тем в Германии же всего лучше наблюдаются уродства, порождаемые у специалистов долговременным занятием работами по внешней критике. Не проходит года, чтобы в германских университетах и вне их не раздавалось протестов по поводу неправильной постановки работ по изучению исто-

¹ Большинство эрудитов по призванию соединяют в себе способность решать задачи с любовью составлять коллекции. Тем не менее, их легко разделить на две категории, сообразно тому, выказывают ли они предпочтение критическим работам по исправлению текстов и критике происхождения или составлению коллекций. Ж.П. Шеве, считавшийся мастером в области внешней критики, отказывался предпринять издание общего сборника меровингских королевских грамот, которого ожидали от него его друзья. Он объяснил это своим испрошением „к обширным, требующим долгого времени изданиям“ (*Bibliothèque de l'École des chartes*, 1896, p. 222.)

² Обыкновенно говорят, что занятия внешней критикой тем и отличительны от других исторических работ, что они доступны для лиц с посредственными способностями и что ими могут заниматься лица с ограниченным умом, лишь бы они получили должную выучку. Несомненно, что люди, не обладающие высоким и сильным умом, могут посвящать себя подобным работам, но все-таки у них должны быть специально необходимые для этого свойства. Ошибочно думать, что при желании и выучке *ad hoc* (к этому) всякий без извещения годится для работ по внешней критике. Между теми, кто к ним способен и к ним способен, есть люди умные и глупые.

рических материалов. В 1890 г. г. Филиппи, ректор Гессенского университета, энергично указывал на пропасть, образующуюся, по его мнению, между подготовительной критикой и разработыванием истории, как науки вообще; критика текстов теряется в ничтожных мелочах, сличают рукописи ради удовольствия, восстанавливают с самой тщательной предосторожностью не имеющие ценности документы и доказывают, таким образом, что „придают больше значения материалам изучения, чем обобщениям“. Ректор видит в многословии германских ученых и в резкости их полемики „действие усвоенной ими чрезмерной озабоченности мелочами“¹. В том же году то же самое было отмечено профессором Базельского университета г. И. фон Пфлюг-Хартунгом. „Самые важные части исторической науки, — говорит этот автор в своем сочинении „Размышления об истории“², — остаются в пренебрежении, значение придается только микроскопическим наблюдениям, совершенству исправления не имеющих значения мелочей. Критика текстов и источников стала спортом — малейшее нарушение правил игры считается непростительным, между тем, как достаточно одного соблюдения этих правил, чтобы заслужить одобрение знатоков, каково бы ни было истинное достоинство добытых результатов. Между большинством ученых господствует недоброжелательство и грубость; комическое тщеславие доходит до того, что ученые принимают за горы ими же вырытые крошечные норки; они напоминают этим франкфуртского буржуа, говорившего снисходительно: „Как перейдешь за кривой столб, так знай, что попал на Франкфуртскую землю!“³

Что касается нас, то мы различаем три профессиональные опасности, которым подвергаются лица, посвящающие себя предварительному изучению исторических документов: дилетантизм, придирчивость критики и бессилие.

Бессилие. Привычка к критическому анализу имеет на некоторые умы разрушающее и парализующее действие.

¹ Philipp A. *Einige Bemerkungen über den philologischen Unterricht*. Gießen, 1890. *Revue critique*, 1892. T. I S. 25.

² Pflug-Hartung I. von. *Geschichtsbetrachtungen*. Gotha, 1890.

³ Pflug-Hartung I. von. *Op. cit.* S. 21.

Люди, естественно боязливые, констатируют, что, с какой бы заботливостью они ни относились к критике, обнаружению и классификации документов, у них всегда проскальзывают мелкие ошибки, а между тем полученное ими критическое воспитание внушило им ужас к этим ошибкам. Констатирование подобного рода погрешностей в сделанной ими работе, когда невозможно уже их исправить, причиняет им острое страдание. У них появляется болезненное состояние тоски и беспокойства, мечающее им что бы то ни было делать из боязни возможных ошибок. Суровое испытание (examen rigoureux), налагаемое ими беспрестанно на самих себя, делает их неподвижными. Они подвергают также ему и чужие произведения и доходят до того, что видят в исторических книгах исключительно то, что касается критики, и в самой критике усматривают только ошибки, подлинные исправления.

Придирчивость критики (l'hypercritique). Невоздержанность критики, так же как и грубое невежество, ведет к промахам. Придирчивость критики заключается в применении критических приемов к таким случаям, которые им не подслужны; она находится в таком же отношении к истинной критике, как подозрительность к прозорливости. Некоторым людям везде мерещатся загадки, даже там, где их совсем нет. Они вдаются в излишние тонкости при изучении вполне ясных текстов и, желая очистить их от воображаемых искажений, делают их сомнительными. Они различают следы подлога в самых подлинных документах. Странное состояние ума! Осерегаясь легковерия, начинают относиться подозрительно ко всему. Следует заметить, что чем больше достигает положительных результатов критика текстов и источников, тем более возрастает опасность придирчивости критики. На самом деле, когда критика всех исторических источников будет произведена с должною правильностью (для некоторых периодов древней истории это совершится в ближайшем будущем), то по здравому смыслу дальнейшее ее применение должно бы прекратиться. Но на это никогда не решатся; по-прежнему будут ломать голову, как ломают ее и теперь, над текстами вполне точно установленными, и те, кто будет

этим заниматься, дойдут роковым образом до чрезмерной придирчивости. „Особенность исторических наук и их вспомогательных дисциплин, филологических наук, — говорит Э.Ренан, — заключается в том, что они, едва успев достигнуть относительного совершенства, начинают сами себя разрушать“¹. Причиной этого служит придирчивость критики.

Дилетантизм. Эрудиты по призванию и по профессии имеют тенденцию рассматривать внешнюю критику документов как хитроумную, трудную игру, интересную (подобно шахматной игре) уже в силу одной сложности ее правил. Сущность дела, цели истории, как науки, отступают для них на задний план. Они занимаются критикой ради критики; изящество метода исследования играет в их глазах более важную роль, чем его результаты, каковы бы они не были. Эти виртуозы не задаются никакими идейными целями в своих работах, они не ставят даже себе задачи критиковать, например, систематически все документы, относящиеся к одному какому-нибудь вопросу, чтобы составить о нем понятие, а критикуют безразлично тексты, относящиеся к очень разнообразным вопросам, с одним только условием, чтобы эти документы были сильно искажены. Вооружившись критикой, они переносятся во все исторические области, где какая-нибудь затруднительная загадка требует их вмешательства; раз эта загадка разрешена или, по крайней мере, подвергнута обсуждению, они идут в других местах других загадок. Они оставляют после себя не связанное произведение, а разнообразную коллекцию по всевозможного рода вопросам, похожую, как говорил Карлейль, на антикварную лавку или архипелаг островов.

Дилетанты защищают свой дилетантизм благовидными аргументами. Прежде всего, говорят они, все одинаково важно; в истории нет документа, не имеющего цены. „Всякое научное произведение не бесполезно, всякая истина полезна для науки...; в истории нет мелких вопросов“; отсюда следует, „что ценность труда зависит не от характера изучаемого предмета, а от метода“². В истории важно „не накопление по-

зиций, а гимнастика мозга, умственный навык, одним словом, научный ум“. Предположив даже, что существует иерархия исторических данных, сообразно их значению, никто не имеет права заключать а priori, что такой-то документ „бесполезен“. Что может служить критерием полезности в такого рода вопросах? Сколько документов, оставшихся долгое время в пренебрежении, выдвинулись внезапно на первый план благодаря новым открытиям или изменению точки зрения! „Всякое исключение безрассудно: нет изыскания, которое можно было бы заранее объявить бесплодным. То, что не имеет ценности само по себе, может иметь ее, как необходимое средство“. Может быть, наступит день, когда придется возможность отбросить маловажные документы и факты, основываясь на том, что история станет уже вполне сложившейся наукой; но в настоящее время мы не в состоянии отличать излишнее от необходимого и, по всей вероятности, всегда будет трудно провести между ними демаркационную линию. Этим оправдываются самые специальные и, по-видимому, самые тщетные работы. Да и важно ли, в крайнем случае, если некоторые работы оказываются излишними? „Таков закон научного знания“, как и творчества природы и „всех вообще человеческих дел, выступать вначале смутно, в сопровождении массы излишнего“.

Мы не будем оспаривать всех этих соображений в той мере, как они того заслуживают. Э.Ренан, обсуждавший с одинаковою силою все высказанное за и против по этому вопросу, заключил окончательно спор в следующих выражениях.

„Можно сказать, что есть бесполезные изыскания, в том смысле, что они поглощают время, которое можно было бы лучше употребить на более серьезные предметы... Хотя и нет необходимости, чтобы работник выполнял свою работу с полным знанием дела, тем не менее было бы желательно, чтобы лица, предающиеся специальным работам, имели представление о целом, которое одно только придает цену их исследованиям. Если бы столько усердных тружеников, которым новейшая наука обязана своими успехами, имели философское понимание того, что они делали, сколько было бы сохранено драгоценного времени!.. Эта громадная потеря че-

¹ Renan E. *L'Avenir de la Science*. P. XIV.

² *Revue historique*. LXIII. 1897. P. 320.

ловческих сил, происходящая благодаря отсутствию направления и недостатку ясного сознания имеющейся в виду цели, вызывает живейшее сожаление¹.

Дилетантизм несовместим с известной возвышенностью мысли и известной степенно „нравственного совершенства“, но не отрицает технических достоинств. Некоторые, самые превосходные, критики представляют собою простых практиков, никогда не размышлявших о целях своего искусства. Ошибочно было бы из этого заключать, тем не менее, что дилетантизм не представляет опасности для самой науки. Эрудиты-дилетанты, работающие по воле своей фантазии и „любопытности“, привлекаемые скорее трудностью задач, чем их внутренним значением, не дают историкам (т. е. научным работникам, комбинирующим данные в видах высших целей истории) материалов, в которых последние испытывают самую настоятельную необходимость, а дают им не то, что нужно. Если бы деятельность специалистов по внешней критике применялась исключительно к вопросам настоятельно требующим разрешения, если бы она была дисциплинирована и направляема сверху, она была бы более плодотворной.

Мысль устранить опасности дилетантизма путем рациональной „организации“ „труда“ возникла давно. Уже пятьдесят лет тому назад громко говорили о „контроле“ и „концентрации“ разрозненных сил; мечтали об „обширных мастерских“, организованных по образцу современного крупного производства, где бы выполнялись en grand подготовительные работы по изучению исторических материалов, насколько возможно лучше в интересах науки. И действительно, почти во всех странах правительства (через посредство комитетов и исторических комиссий), академии и ученые общества старались в наше время, как это делали при старом режиме монашеские конгрегации, группировать эрудитов, занимающихся подготовительной критикой исторических материалов, для обширных коллективных предприятий и приводить в соответствие их усилия. Но соединение специа-

¹ Renan E. Op. cit. P. 122, 243. Та же самая мысль не раз высказывалась в других выражениях г. Э. Лависсом (Lavisso E.) в его речи в Парижском студентом: *Questions d'enseignement national*. P. 14, 86 etc.

листов по внешней критике для работ под наблюдением компетентных людей страдает от больших материальных трудностей. Задача „организации научного труда“ стоит еще на очереди дня¹.

II. Как мы уже видели, ученых, занимающихся исследованием исторических материалов, часто упрекали за гордость и чрезмерную резкость в суждениях о работах своих собратьев, видя в этом признак преувеличенной „заботливости о мелочах“; в особенности нападали на них за это личности, подвергшиеся за свои работы суровому осуждению. В действительности есть скромные и благосклонные ученые — это вопрос характера; профессиональная заботливость о мелочах не может в этом отношении изменить природных склонностей. „Добрый г. Дюканж, — как говорили бенедиктинцы, — был скромнее до крайности“; „Нужны только, — говорил он по поводу своих работ, — глаза и пальцы, чтобы сделать столько же и даже больше“; он, по принципу, никогда никого не порицал: „Если я изучаю, то ради удовольствия приобретать знание, а не для того, чтобы причинять страдания другому, равно как и себе“². Не подлежит, однако, сомнению, что большинство эрудитов изобличают перед публикой малейшие ошибки (lapsus) без всякой пощады, иногда грубым и высокомерным тоном, давая доказательство прискорбного усердия. Но, оставя в стороне язвительность и грубость, нельзя не признать, что они правы, действуя таким образом. Они поступают так потому, что, так же как и „ученые“ в собственном смысле этого слова, химики, физики и т. д. дорожат научной истиной и имеют привычку изобличать нарушения метода. И им удается таким способом закрыть доступ к своей профессии неспособным и дельцам, изобиловавшим там еще недавно.

¹ Один из нас (г. Лашлеу) предполагает вложить в другое место подобно все, что сделано за триста лет, и главным образом в XIX столетии, для организации исторических работ в главных странах мира. Некоторые сведения по этому поводу собраны уже Дж. Фрэнклином Джемсоном (Jemson J. F.) в *The expenditures of foreign governments in behalf of history II Annual Report of the American historical Association for 1891*. P. 38—61.

² Feugère L. Op. cit. P. 55, 58.

Среди молодых людей, посвящающих себя изучению истории, есть лица, воодушевленные скорее коммерческим, чем научным духом, грубо стремящиеся к положительным успехам, говорящие себе в душе (in petto): „Для выполнения исторического труда по всем правилам метода необходимы бесконечные предосторожности и старания. Но разве не появляются исторические сочинения, авторы которых делали более или менее серьезные погрешности против правил? Разве эти авторы не пользуются, тем не менее, уважением? Разве наибольшее уважение внушают всегда наиболее добросовестные? Разве знание не может быть заменено умением?“ Если на самом деле знание можно было бы заменить умением, то так как легче работать плохо, чем хорошо, и так как самое важное, по их мнению, иметь успех, они охотно стали бы доказывать, что работать плохо не беда, раз пользуешься успехом. Почему здесь не может быть того же, что встречается в жизни, где успех далеко не обязательно выпадает на долю наиболее достойных? Только благодаря безжалостной строгости ученых подобные рассуждения стали признаваться не только шизоотом, но и гнусным расчетом.

В конце второй империи во Франции не существовало еще просвещенного общественного мнения относительно исторических работ. Плохие книги по исследованию исторических документов издавались безнаказанно, и издатели их пользовались даже незаслуженным почетом. Первые задумались мыслью противодействовать такому порядку вещей основатели „Обзора критики истории и литературы“ (Revue critique d'histoire et de littérature), считавшие его с полным основанием деморализующим. Желая положить ему конец, они подвергали публичному осуждению труды недобросовестных или не придерживавшихся метода ученых. давая им наставления, способные навсегда отбить охоту от внешней критики исторических материалов. Они приступили к достойным бичеваниям некоторых работ не ради удовольствия, но с твердым намерением создать, при помощи террора известный контроль, а следовательно, подворить справедливость в области исторических исследований. Плохие работы подвергались с этого момента преследованию, и если

„Обзору“ не удалось пробудить сознательного отношения к делу в большой публике, то все-таки его критика оказывала воздействие на значительную часть людей, впадая в волей-неволей в головы большинства заинтересованных при привычке к правдивости и уважение к методу. В течение последующих двадцати пяти лет данный им толчок породил результаты, которые превзошли все ожидания.

В настоящее время стало очень затруднительно в области исторической эрудиции, если не вообще вводить в заблуждение, то, по крайней мере, вводить в заблуждение на долгое время. Отныне в исторических науках, как и в науках в собственном значении этого слова, никакое заблуждение не может удержаться долго и никакая истина не может погибнуть. Может пройти несколько месяцев или несколько лет, прежде чем плохо выполненный химический опыт или на скорую руку изданная работа будут признаны таковыми, но истинные выводы, временно принятые за верные, всегда рано или поздно, и в большинстве случаев очень скоро, бывают замечены, указаны и отвергнуты. Теория приемов внешней критики так хорошо обработана, во всех странах существует такое большое число хорошо усвоивших себе ее специалистов, что теперь очень редко случается, чтобы описательный каталог документов, сборник или монография не подверглись тотчас же по выходе в свет самой строгой оценке. Этого никогда не следует забывать. В настоящее время было бы большим неблагоразумием рискнуть выпустить в свет работу по исследованию исторических материалов, не принявши предварительно всех мер, чтобы она была несвязима, так как, в противном случае, она тотчас же подверглась бы нападкам и была бы признана несостоятельной. Впрочем, еще и теперь некоторые наивные люди, не знаящие этого, отваживаются время от времени пускаться в область внешней критики, без достаточной подготовки, преисполненные добрых намерений, с искренним желанием „оказать услуги“ историческому знанию и убежденные, вероятно, что там можно действовать, как и в других областях (например, в области подвиги) по чутью или приблизительному расчету, „те области, для специальных знаний“, им приходится горько рас-

каняться в своем решении. Люди хитрые не пускаются на такой риск: работы по изучению исторических материалов очень трудные и скучные на славу, не сулят им ничего заманчивого; они слишком хорошо знают, что опытные специалисты, вообще не особенно благосклонные к посторонним, приберегают эти работы для себя, и сознают, что в этом направлении им нечего делать. Честная и строгая неподкупность ученых предохраняет их от неприятных вторжений, грозивших еще иногда и теперь историкам в собственном смысле этого слова. На самом деле, плохие научные работники, в поисках за менее требовательной публикой, чем эрудиты, охотно ищут себе прибежища в области исторического изложения. Там правила метода менее очевидны или, выражаясь точнее, менее известны. В то время, как критика текстов и критика источников приняла уже научную форму, синтетические процессы в истории совершаются еще неудачу. Сбивчивость понятий, невежество, небрежность, выступающие с поразительной ясностью в работах по внешней критике источников, в исторических сочинениях маскируются до некоторой степени литературным изложением, и читающая публика, не особенно осведомленная в этих вопросах, не сознает их недостатков¹. Короче говоря, на этой почве есть еще много шансов оставаться безнаказанным. Однако, и эти шансы мало-помалу уменьшаются; настанет время, и оно не особенно далеко, когда поверхностные умы, не способные к правильному синтезу, так же мало будут пользоваться уважением, как не пользуются им теперь недобросовестные или неуклюжие специалисты по внешней подготовительной критике. Разве критика не подточила уже теперь произведений таких знаменитых историков XIX столетия, только что умерших, как Огюстен Тьерри, Ранке, Фюстель де Куланж и др.? Недостатки их методов уже обнаружены, определены и подвергнуты осуждению. Но в особенности должно пока-

¹ Самы специалисты по внешней критике, столь дальновидные, когда дело касается работ по их специальности, позволяют ослеплять себя так же легко, как и все другие, неправильными синтетическими построениями, приемами „общих идей“ и литературными приемами, в тех случаях, когда они не относятся в ригор с презрением ко всякому синтезу.

заться убедительным, — для лиц, не чувствительных к другим соображениям, побуждающим работать честно в историческом — то обстоятельстве, что прошло то время или скоро пройдет, когда можно было, не опасаясь неприятностей, работать плохо.

ОТДЕЛ II

ВНУТРЕННЯЯ КРИТИКА

Глава VI. Критика истолкования (герменевтика)

I. Когда зоолог описывает форму и длину мускула или физиолог объясняет направление движения, их выводы можно принять целиком, потому что известно путем какого метода, каких пособий и какой системы они достигнуты¹; но когда Тацит говорит о германцах: Поля с годами меняя (*Agra reg annos mutat*), то заранее неизвестно, правильно ли он поступил, собирая сведения, а также в каком смысле он употреблял слова *agra* и *mutat*; чтобы удостовериться в этом, нужна предварительная операция², носящая название внутренней критики.

Критика эта имеет целью распознавать, что может быть принято в историческом документе за истину. Документ представляет собою последний результат длинного ряда процессов, подробностей которого автор нам не сообщает. Легко может случиться, что автор не с одинаковой правильностью производил столь различные друг от друга операции, как наблюдение и собиранье фактов, составление фраз и написание слов. Нужно, следовательно, анализировать продукт этой работы автора, чтобы различить, какие процессы были совершены неправильно, и отбросить сделанные на основании их выводы. Итак, анализ необходим для критики; всякая критика начинается с анализа.

Чтобы быть логически полным, анализ должен бы был восстановить все действия автора и рассмотреть их каждое отдельно, с целью убедиться, что оно совершилось правильно. Пришлось бы пересмотреть все последовательные

¹ Науки, основанные на наблюдении, также нуждаются в известном рода критике. Наблюдения первого внутреннего не принимаются без проверки; принимаются только выводы людей, „умевших работать“. Но эта критика производится быстро и касается автора, а не его работ; историческая критика, напротив, вынуждена подробно останавливаться на каждой части документа.

² См. выше. Книга II, глава I, С. 85.

акты, создавшие документ, с того момента, когда автор видел событие, служившее предметом документа, до движения его руки, начертавшей буквы документа, или скорее следовало бы идти, шаг за шагом, в обратном порядке, от движения руки до наблюдения. Этот метод был бы так длинен и так скучен, что ни у кого не хватило бы ни времени, ни терпения его применять.

Внутренней критикой нельзя заниматься как внешней, ради одного удовольствия¹; да она и не доставляет никакого непосредственного удовольствия, потому что не решает окончательно никакой задачи. Ею занимаются только по необходимости и стараются довести ее до минимума. Самые требовательные историки держатся в этом случае сокращенного метода, концентрирующего все операции в две группы: 1) анализ содержания документа и положительная критика толкования (интерпретации) текста, необходимые, чтобы увериться в том, что хотел сказать автор; 2) анализ условий, сопровождавших появление документа, и отрицательная критика, необходимые для проверки заявлений автора. Но и эта двоякая критическая работа применяется только избирательно. Даже историки, работающие по всем правилам метода, имеют естественную склонность читать текст документа с единственной заботой найти в нем непосредственно нужные сведения, не задаваясь мыслью представить себе с точностью, что имелось в уме у автора². Такой образ действия извинятелен, самое большее, по отношению к документам XIX столетия, писанным людьми, говорящими и мыслящими вполне для нас понятно, одним словом, в тех случаях, где возможно только одно толкование. Он делается опасным тотчас же, как только привычка автора выражаться и мыслить расходится с образом мышления и языком историка, читающего документ, или, если смысл текста не представля-

¹ См. выше. С. 128—129.

² Тэн (Taine), по-видимому, поступал так в *Origines de la France contemporaine*. Т. II, *La Révolution*. Он сделал извлечения из неважных документов и поместил их в большом количестве в своем сочинении, но не видел, чтобы он сделал предварительно их методический анализ, с целью определить их смысл.

еся бесспорным и очевидным. Всякий, кто, читая текст, не заботится исключительно о том, чтобы его понять, поневоле читает его сквозь призму своих собственных впечатлений¹; его поражают в документе отдельные фразы и слова, отвечающие его собственным мыслям и согласующиеся с тем представлением, какое он составил себе а priori о фактах; сам того не замечая, он выделяет эти фразы и слова и создает из них воображаемый текст, принимаемый им за действительный текст автора².

¹ На немецком языке есть очень точное слово, обозначающее это явление, — *hineinlesen*; на французском же нет соответственного выражения.

² Фюстель де Куланж очень определенно объясняет сущность такого метода: „Некоторые ученые начинают с того, что составляют себе мнение... и только после этого читают тексты. Они сильно рискуют не понять их или понять wrongly. Дело в том, что между текстом и предубежденным читателем происходит известного рода скромный спор; ум читателя отказывается принимать то, что противоречит его мысли, и обычным результатом такого столкновения бывает не уступка ума очевидности текста, а скорее уступка текста, покоряющегося и применяющегося к предвзятому мнению ума... Такой метод чтения текста через призму своих собственных мыслей субъективен. Изучающий думает рассмотреть какой-нибудь предмет, и рассматривает свою собственную мысль о нем; думает наблюдать факт, а этот факт тотчас же принимает смысл и окраску, желательную для его ума. Думают, что читают текст, а между тем фразы этого текста принимают особое значение, согласно заранее составленному о нем мнению. Этот субъективный метод во всю большую славу в историю эпохи Мерокингов. Мало читать тексты, их следует читать раньше, чем составилось свое убеждение...“ (*Monarchie franque*. P. 31). На том же основании Фюстель де Куланж осуждал чтение одного документа с помощью другого; он прочел оспору против обычной объяснения *Германию Тацита Варварскими законами*. См.: в *Revue des questions historiques*. 1887. T. I, урок о методе (*De l'analyse des textes historiques*), данный по поводу одного комментария к Григорию Турскому, сделанного г. Мано (Menois). „Историк должен начинать свою работу точным анализом каждого документа. Анализ текста состоит в установлении смысла каждого слова, в выделении истинной мысли автора... Вместо того, чтобы искать смысл каждой фразы историка и высказанную в ней мысль, он (г. Мано) комментирует каждую фразу при помощи того, что находится у Тацита или в салических законах. Следует хорошо условиться о том, что такое анализ. О нем много говорят, но мало его применяют. Анализ должен внимательно изучением каждой подробности выяснять все, что есть в тексте, и не должен вводить в него того, чего в нем нет“. Прочитавши эти прекрасные советы, поучительно будет прочесть и ответ г. Мано (в *Revue historique*); из него

II. Здесь, как и везде в истории, метод необходим для сопротивления первому влечению. Нужно прежде всего проникнуться тем очевидным, но часто забываемым принципом, что документ содержит только мысли писавшего его лица, а потому следует принять за правило сначала понять текст сам по себе, а потом уже задаваться вопросом, что можно извлечь из него для истории. Таким образом, приходят к тому главному правилу метода, что изучение каждого документа должно начинаться с анализа содержания, не имея в виду никакой другой цели, кроме выяснения действительной мысли автора.

Такой анализ представляет собою отдельную, независимую предварительную операцию. Здесь, как и при работах по внешней критике¹, опыт предписывает принять систему карт. Каждая карта должна содержать анализ или всего документа, или отдельной его части, или одного эпизода повествования; анализ должен выяснять не только общий смысл текста документа, но также, насколько возможно, цель и образ мыслей автора. Главным образом, хорошо воспроизводить на картах дословно выражения, характерные для мысли автора. Иногда бывает достаточно анализировать текст в уме, обходясь без писания на карте сполна всего анализа и отмечая на ней только те черты, из которых считается возможным извлечь пользу. Но так как опасность принять за текст свое собственное впечатление всегда очень велика, то следует возвести в правило, — как единственно надежную предосторожность, — принуждать себя не делать выдержек из документа и частичных его анализов, прежде чем не сделан анализ документа во всей его совокупности², по крайней мере в уме.

Анализировать документ — значит распознавать и изолировать все мысли, выраженные автором. Таким образом,

можно узнать, что сам Фюстель де Куланж не всегда применял рекомендуемый им метод.

¹ См. выше, С. 114—115.

² За анализ может изыскать специалист; это и бывает при издании сборников и каталогов актов; если труд анализа выполнен правильно составителем сборника, то переделывать его бесполезно.

анализ сводится к критике истолкования (интерпретации) документа (*critique d'interprétation*). Истолкование бывает двоякое: истолкование буквального смысла и смысла действительного (*le sens littéral et le sens réel*).

III. Определение буквального смысла текста есть собственно дело лингвистики, вследствие чего филология (*Sprachkunde*) и составляет одну из вспомогательных наук истории. Чтобы понять текст документа, необходимо прежде всего понимать его язык. Но здесь недостаточно общего знания языка. Для истолкования Григория Турского мало знать вообще латынь; для применения этого общего знания латинского языка к Григорию Турскому необходимо еще специально историческое толкование.

Существует вполне естественное стремление придавать одному и тому же слову один и тот же смысл повсюду, где бы оно не встречалось. Язык принимается инстинктивно за точную систему знаков. Таков, действительно, характер знаков, созданных намеренно для научного употребления, как мы видим в алгебре, в химии; там каждое выражение имеет единственный, абсолютный, неизменный точный смысл: оно выражает анализированное и точно определенное понятие и притом всегда одно и то же, в каком бы месте оно не было употреблено, какой бы автор им не пользовался. Обычный же язык исторических документов очень расплывчат; каждое его слово выражает сложное, неопределенное понятие; оно и то же слово имеет несколько различных значений; оно принимает различный смысл у одного и того же автора, подобно другим окружающим его словам, и, кроме того, меняет смысл у различных авторов и смотря по времени. *Vel* в классической латыни всегда означает или, в некоторые же эпохи средних веков оно означало и; *suffragium*, означающее в классической латыни голос (мнение), в средние века употребляется в смысле помощи (*secours*). Нужно, следовательно, остерегаться объяснять все выражения документа на основании классического или обычного смысла слов. Грамматическое истолкование текста, основанное на общих правилах языка, должно дополняться и истолкованием историческим, основанным на исследовании частного случая.

Метод состоит в установлении специального смысла слов в документе; он полагается на нескольких очень простых основаниях.

1) Язык изменяется благодаря непрерывному развитию. Каждая эпоха имеет свой собственный язык, который нужно рассматривать как специальную систему знаков. Для понимания документа необходимо, следовательно, знать язык данного времени, т.е. смысл слов и оборотов в ту эпоху, когда был написан документ. Смысл слова определяется сопоставлением различных мест текстов, где оно употреблено; почти всегда оказывается налицо такое место, где сопровождаемая слово фраза не оставляет никакого сомнения относительно его смысла¹. Подобными выяснениями занимаются также исторические словари, как „Тезаурус латинского языка“ (*Thesaurus linguae latinae*) или словари Дюканжа; в этих словарях статья, посвященная каждому слову, представляет собою собрание фраз, где встречаются слова, снабженные указанием автора, определяющим эпоху.

В тех случаях, когда язык документа был уже мертвым для его автора и изучен им по сочинениям, — что часто встречается в латинских текстах конца средних веков, — необходимо принимать во внимание, что слова могут быть употреблены в произвольном смысле и вводятся в текст только ради щегольства, например: *consul* (граф), *caric* *sevius* (обочный человек), *agellus* (большое владение).

2) Употребление языка может быть различно в различных местностях; нужно, следовательно, знать язык той страны, где был написан документ, т.е. знать, какой особый смысл придавался словам в данной местности.

3) У каждого автора есть своя личная манера выражаться, а следовательно, нужно изучать язык автора, знать, ка-

¹ Практические образцы такого приема можно найти у Делоща (*Deloche*). *La Trinité et l'antiquité royale*. Paris, 1873 и в особенности у Фюстель де Куланжа. См., в частности, исследование о словах *stata* (*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*. P. 322—356), *mallus* (ib. P. 372—402), *alleu* (*l'Alleu et le domaine rural*. P. 140—170), *portio* (ib. P. 239—252).

кой особый смысл придавал он словам¹. Для этого могут служить пособием лексиконы языка какого-либо автора, вроде „Лексикон языка Цезаря“ (Lexicon Caesarianum) Мезеля (Meusel), представляющий собою сборник всех мест, где автор употребляет каждое слово.

4) Выражение меняет смысл смотря по месту нахождения; ввиду этого не следует толковать в отдельности каждое слово и каждую фразу, а принимать в соображение общий смысл данного отрывка документа (contexte). Это основное правило истолкования, правило контекста (la règle du contexte)². Оно предписывает прочитывать весь текст документа полностью, прежде чем пользоваться какою-либо отдельною его фразою; оно воспрещает подбирать в современном сочинении цитаты, т. е. отрывки фраз, взятые из такого места текста, где не видно специального смысла, придаваемого им текстом документа (контекстом)³.

Если бы строго применять эти правила, то они составили бы точный метод истолкования, не оставляющий почти никакой возможности сделать ошибку, но требующий громадной затраты времени. Сколько нужно потратить труда для выяснения путем специального приема смысла каждого слова в языке известного времени автора и документа! Такая работа необходима для хорошего перевода; ее реше-

¹ Теория и пример такого приема находится у Фюстель де Куланжа *Recherches sur quelques problèmes d'histoire* (p. 189—289), по поводу сообщений Тацита о германцах. См. в особ. с. 263—289 исследование знаменитого места у этого автора о способе возделывания земли у германцев.

² Фюстель де Куланж формулирует его так: „Никогда не следует вырывать два слова из их контекста; таким путем можно только ошибаться в их значении“ (*Monarchie franque*. P. 228, 1, прим.).

³ Вот как осуждает этот прием Фюстель де Куланж: „Я не говорю о ложных ученых, которые цитируют из вторых рук и, самое большое, дают себе труд проверить, действительно ли цитируемая фраза есть в указанном месте. Проперять цитаты совсем не то, что читать тексты, и то, и другое ведет часто к противоположным выводам. (Revue des questions historiques. 1888. T. I.) См. также (*Alleu*... P. 171—198) урок, данный г. Глассопу по поводу теории общинного владения землей, здесь дело идет о 45 цитатах, которые, принимая в соображение контекст, чтобы доказать, что ни одна из них не имеет смысла, приданного ей Глассопом. Можно считать ответ (Glasson M. *Les Communaux et le domaine rural à l'époque franque*. Paris. 1890.

лись выполнить только в применении к некоторым древним даниям древности, представляющим собою в высшей степени ценные литературные памятники; что же касается массы исторических документов, то по отношению к ним, на практике, придерживаются сокращенного приема.

Не все слова одинаково подвержены перемене смысла; большинство слов сохраняют во все эпохи и у всех авторов почти одинаковый смысл. Можно, следовательно, довольствоваться специальным изучением выражений, способных по самой своей природе принимать различные смыслы, а именно: 1) совсем готовых, определенных выражений, не изменяющихся, подобно словам, входящим в их состав, 2) и, главным образом, слов, обозначающих объекты, способные по самой своей природе последовательно развиваться: классы населения (miles, colonus, servus); учреждения (conventus, justitia, iudex); обычай (alleu, bénéfice, élection), чувства, общепользуемые вещи. Неблагоразумно было бы предполагать, что все эти слова имеют всегда неизменный смысл; необходимо прежде всего удостовериться, в каком смысле они употреблены в подлежащем толкованию тексте.

„Изучение смысла слов, — говорит Фюстель де Куланж, — имеет большое значение в исторической науке. Неправильно истолкованное выражение может быть источником больших ошибок¹. Ему достаточно было, на самом деле, применить методически критику толкования к сотне слов, чтобы обновить изучение эпохи Меровингов.

IV. Проанализировав документ и объяснив буквальный смысл фраз, мы не можем еще быть уверенными, что выяснена действительная мысль автора. Очень может быть, что он употребил некоторые выражения в переносном смысле; но самым разнообразным мотивам авторы документов прибегают к аллегориям или символам, шутке или мистификации, намеку или подразумеваемым словам, даже к простым

¹ В критике истолкования текстов и проанализирована преимущественно оригинальная сторона таланта Фюстель де Куланжа; он не выполнял лично ни одной работы по внешней критике, и его критика достоверности и точности источников затруднялась уважением к свидетельствам древних, доходившем до легковерия.

риторическим фигурам (метафорам, гиперболом и фигурам умолчания)¹. Во всех этих случаях нельзя удовлетвориться буквальным смыслом и следует добираться до действительного смысла, скрытого добровольно автором под неточной формой.

Вопрос этот логически очень затруднителен, так как не существует определенного внешнего критерия для верного распознавания инносказательного смысла; самая сущность мистификации, ставшей в XIX столетии литературным родом, в том именно и заключается, чтобы скрыть все следы, могущие изобличить плутку. По опыту установлено, что автор, ставящий себе главной целью быть понятым, никогда не прибегает к выражениям с инносказательным смыслом; мало вероятности встретить их в официальных документах, грамотах и исторических повествованиях. Во всех этих случаях общая форма документа позволяет предполагать, что он написан в буквальном смысле.

Напротив, всегда можно наткнуться на инносказательный смысл, если автор особенно не старался быть понятым или писал для публики, имевшей возможность понимать его намеки и подразумеваемый смысл его слов, или для посвященных, которые должны были понимать его символы и фигуральные выражения. Таким способом написаны духовные тексты, частные письма и все литературные произведения, образующие собою значительную часть документов о древности. Искусство распознавать и объяснять скрытый смысл текстов занимало всегда видное место в теории герменевтики² (это греческое название критики истолкования) и в экзегетике (изъяснении) священных текстов и классических авторов.

¹ Подобную же трудность представляет толкование фигурных изображений (figurés), которые не следует также понимать буквально. На Бехштейнском памятнике Дарий поздравляет ногами побежденных вождей — это метафора. На средневековых миниатюрах мы видим изображения лиц, сидящих на постели с коронами на головах — это символ королевского достоинства. Художник не хотел этим сказать, что они спали в коронках.

² А. Бек (Bosch) изложил в *Encyclopaedie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* (1886) теорию герменевтики, на которую О. Бернгейм удовлетворялся одной ссылкой.

Многочисленные способы скрывать за непосредственным смыслом слов и форм речи смысл инносказательный с трудом разнятся друг от друга и находятся в слишком большой зависимости от индивидуальных условий, в силу чего для выяснения их нельзя установить общих правил. Можно только формулировать одно общее положение, что когда буквальный смысл нелеп, бессвязен или темен, или противоречит мыслям автора и известным о нем фактам, то в нем имеется скрытый смысл.

Для выяснения скрытого смысла следует употреблять те же приемы, как и для исследования языка автора: сравнивать места текста, где находятся фразы, прикрывающие собою скрытый смысл, стараясь отыскать такое место, где бы текст позволял угадать его. Знаменитым примером такого приема служит разоблачение аллегорического смысла „Зверя“ в Апокалипсисе. Но так как не существует верного метода для решения таких затруднений, то не имеют права утверждать, что обнаружены все скрытые намерения или намеки, содержащиеся в тексте, и даже когда думают, что нашли скрытый смысл, то поступают очень хорошо, не делая никаких выводов из вполне гадательного толкования.

Следует также остерегаться искать повсюду аллегорического смысла, как это делали неоплатонцы с произведениями Платона или последователи Сведенборга с Библией. В настоящее время отказались от этой гипергерменевтики, но все-таки еще не находятся в безопасности от аналогичного стремления искать всюду намеков. Такое всегда гадательное изыскание дает скорее удовлетворение самолюбно истолкователя, чем приводит к полезным для истории результатам.

V. Когда истинный смысл текста установлен, процесс положительного анализа считается оконченным. Вывод должен показать построения автора, образы, бывшие в его уме, общие понятия, на основании которых он представлял себе мир. Так узнаются мнения, догматы, знания. Это целый ряд очень важных сведений, составляющих группу таких исторических наук, как: истории различных искусств и литератур, история наук, история философских и нравственных доктрин, мифология и история догматов (носящая неточное

название истории религиозных верований, так как она изучает только официальные доктрины, не исследуя, насколько им верили), история права, история официальных учреждений (поскольку не затрагивается вопрос о их применении на практике), совокупность легенд, традиций, мнений, народных воззрений (называемых источно верованиями), которые соединяют под именем фольклора.

Все эти отрасли знания нуждаются только во внешней критике происхождения и в критике истолкования; они требуют меньшей степени обработки, чем фактическая история, а потому и методическое изучение их установилось быстрее.

Глава VII. Отрицательная внутренняя критика достоверности и точности

I. Анализ и положительная критика истолкования имеют дело исключительно с внутренней умственной работой автора исторического документа и знакомят только с его мыслями, не касаясь непосредственно внешних фактов. Даже в том случае, когда автор мог наблюдать факты, его текст показывает только, как он хотел их передать, а не то, как он видел их в действительности, и еще менее дает понятие о том, как они происходили на самом деле. С одной стороны, автор мог и не высказать того, что думал, потому что он мог лгать; с другой стороны, то, что он думал, не происходило непременно в действительности, так как он мог ошибаться. Основательность этих предположений очевидна. Тем не менее первое, естественное влечение заставляет нас принимать за верное всякое свидетельство, содержащееся в документе, или иными словами, признавать, что ни один автор никогда не лгал и не ошибался; и эта доверчивость, по-видимому, очень велика, потому что она продолжает существовать вопреки ежедневному опыту, убеждающему нас в бесчисленных случаях ошибок и лжи.

Историкам часто приходилось задумываться, встречаясь с документами, явно противоречившими друг другу: виду такого противоречия приходилось волею-неволею сомневаться в достоверности сообщений различных авторов и, после

изучения, признавать ошибку или ложь; таким путем возникает необходимость отрицательной критики для устранения из источников ложных или ошибочных свидетельств. Но врожденная доверчивость человека так упорна, что она мешала до сих пор даже специалистам создать такой правильно обоснованный метод внутренней критики содержащихся в документах свидетельств, какой выработан уже для внешней критики происхождения. Не только историки в своих сочинениях, но даже и теоретики исторического метода¹ остановились в этом отношении на избитых понятиях и расплывчатых формулах, составляющих поразительный контраст с точной терминологией внешней критики источников. Они ограничиваются исследованием, был ли автор современником событий, был ли он их очевидцем, был ли он честен и хорошо осведомлен, знал ли он истину и хотел ли он ее высказать, или даже, резюмируя все в одну формулу, достоин ли он доверия.

Несомненно, что и такая поверхностная критика предпочтительнее полного ее отсутствия; тем, кто ее применяет на практике, она дает даже сознание неоспоримого превосходства перед теми, кто обходится совсем без критики; но она стоит на половине пути между обыкновенной доверчивостью и научным методом. Здесь, как во всякой науке, исходной точкой должно быть методическое сомнение (*le doute méthodique*)². Все, что не доказано, должно считаться временно сомнительным: прежде чем утверждать что-либо, необходимо представить доказательства. В применении к историческим документам методическое сомнение становится методическим недоверием (*défiance méthodique*). Историк должен а priori относиться с недоверием к каждому свидетельству автора документа, так как он никогда не уверен заранее, что оно не окажется лживым или ошибочным. Оно представляет для него только вероятность. Принимать его на

¹ Например, П. де Смед (Smedt P. de), Тардиф (Tardif), Дроузен (Drouzen) и даже Бернгейм (Bernheim).

² Декарт, живший в то время, когда история состояла еще из воспроизведения прежних повествований, не находил возможным применять к ней методическое сомнение; зато он отказался признать ее наукой.

веру и повторять от своего имени, значит заявлять косвенно, что считаешь его за научную истину. Историк не имеет права сделать такого решительного шага без солидных оснований. Но ум человеческий так устроен, что часто такой шаг делают, сами того не замечая (см. выше, кн. II, гл. I). Против такой опасной тенденции у критики есть только один оборонительный прием. Историк не должен ждать, пока противоречия между свидетельствами различных документов наведут его на сомнение, он должен сам начинать с сомнения. Он никогда не должен забывать различия между свидетельством автора, каков бы он ни был, и научно установленной истиной и вполне сознавать ту ответственность, какую он берет на себя, когда воспроизводит чье-либо свидетельство.

Но, даже решив в принципе идти наперекор врожденной доверчивости и проявлять недоверие, мы все-таки инстинктивно стараемся возможно скорее освободиться от этой тяжелой обязанности. По первому влечению мы склонны обыкновенно критиковать целиком всего автора или, по крайней мере, весь документ, разбивать как авторов, так и документы на две категории, отсылая направо овец и налево козлищ, т.е. направо авторов, достойных доверия и хорошие документы, и налево авторов подозрительных и плохие документы. После этого, истощив весь запас недоверия, воспроизводятся уже без рассуждений все свидетельства „хорошего документа“. Соглашаясь относиться с недоверием к Свиде¹ или Аймоину², как к подозрительным авторам, передают как положительную истину все, что сказал Фукидид или Григорий Турский³.

¹ Свидя (правильно — Судя) — название анонимного византийского словаря-энциклопедии конца X в. До недавнего времени византисты, а также за ними и другие специалисты считали, что Свидя (Судя) — имя составителя этого словаря. Такого мнения придерживались и авторы данной книги. *Ред 2004.*

² Аймоин — средневековый монах-летописец из монастыря Св. Бенуа на Луаре (Saint-Benoit-sur-Loire) во Франции, живший в X в. *Прим. ред. [1899].*

³ Сам Фюстель де Куланж не был свободен от этой робости. Из повелу одной речи, приписываемой Хлодвигу Григорием Турским, он говорит: „Без сомнения, нельзя утверждать, что такие слова были действительно произне-

К авторам исторических источников применяется, таким образом, судебная процедура, классифицирующая свидетелей на правоспособных и неспособных; раз допустив свидетелей, считают себя обязанными соглашаться со всеми их показаниями, и если осмеливаются сомневаться в каком-либо их свидетельстве, то только в том случае, когда для этого имеются особенные основания. Инстинктивно берут сторону автора, которого считают достойным доверия, и в конце концов, как и в судах, заявляют, что „обязанность представить улику“ лежит на том, кто отвергает законного свидетеля¹.

Сбивчивость понятий усиливается еще более благодаря заимствованному из юридического языка выражению „подлинный“ (authentique), относящемуся в сущности только к происхождению, а не к содержанию документа; назвать документ „подлинным“ — значит сказать только, что происхождение его не подлежит сомнению, но отсюда не следует, что и содержание его заслуживает доверия. Однако, „под-

линный. Но не следует также идти против Григория Турского и смело утверждать, что они не были произнесены... Самое разумное признать текст Григория“ *Monarchie franque*. P. 66. Самое разумное, или скорее, самое научное признать, что неизвестно ничего о словах Хлодвига, потому что Григорий сам не знал их.

¹ Один из наиболее искусных в критике историков древности, Эд. Мейер (Meyer E.) (*Die Entstehung des Judenthums*, Halle, 1896) недавно еще высказал этот же странный юридический аргумент в пользу повествований Иосифа. Буше-Леклерк (Bouché-Latréac) в замечательном труде *Le regne de Séleucus II Callinique et la critique historique (Revue des Universités de Midi, 1897. Avr.-juin.)* склоняется к аналогичному взгляду в противовес чрезмерно придирчивой критике Нибура и Дройзена. „Из страха впасть в совершенное неведение, являющееся для исторической критики своего рода самоубийством, или дать волю личной фантазии, она должна возмещать некоторую веру в свидетельства, которых она не может контролировать, если она не опровергается другими свидетельствами одинаковой с ними ценности“. Буше-Леклерк прав в отношении историка, который, „не признавая ничего из своих сандеделей, имеет привычку заменить их и видит их главным образом не то, что видели они сами“. Но когда свидетельства недостаточны для научного знания факта, то единственно приемлемым является „догматизм“, т.е. привычка в своем изложении; мы не имеем права уклоняться от этого привычки на том основании, что случайно исчезли документы, противоречащие этим свидетельствам.

лишность" документа вызывает к нему известное уважение и побуждает принимать без рассуждений и его содержание. Сомневаться в свидетельстве подлинного документа кажется самоподеяшностью и считается, по крайней мере, обязательным выждать подавляющих улик, прежде чем "сложить о подлоге" авторского свидетельства. Сами историки употребляют это выражение, заимствованное, по несчастью, из юридического языка.

II. Необходимо методическое сопротивление таким естественным влечениям. Документ (а тем более авторское произведение) не представляет собою однородного целого; он состоит из множества независимых друг от друга свидетельств, из которых одни могут быть лживыми и ошибочными, между тем как другие точными и достоверными (и обратно), потому что каждое является продуктом целого ряда процессов, из которых одни могут быть правильными, другие неправильными. Ввиду этого недостаточно исследовать документ весь целиком (*en bloc*), нужно усмотреть в отдельности каждое содержащееся в нем свидетельство; критика может производиться только с помощью анализа.

Итак, внутренняя критика сводится к двум главным видам:

1) Научная истина не устанавливается на основании одного лишь свидетельства, самого по себе взятого. Чтобы что-либо утверждать, нужно иметь специальные доказательства истинности этого утверждения. Возможно, что в некоторых случаях свидетельство автора окажется достаточным доказательством для признания истины, но этого нельзя знать заранее. Следовательно, нужно принять за правило исследовать всякое свидетельство с целью удостовериться, есть ли достаточные основания ему верить. 2) Критиковать документ полностью нельзя. Нужно принять за правило анализировать документ по его составным элементам, чтобы выделить все входящие в него самостоятельные свидетельства и исследовать каждое отдельно. Часто одна фраза содержит несколько свидетельств; необходимо их изолировать друг от друга и критиковать каждое отдельно. Например, в актах о продаже нужно различать время, место, про-

двела, покупателя, предмет, цену, каждое из условий договора.

На практике такого рода критика и анализ ведутся одновременно и, исключая документов, написанных грудным языком, они могут вестись одновременно с анализом и критикой истолкования. Появилась фраза, ее тотчас же анализируют и критикуют каждый из входящих в ее состав элементов. Критика, следовательно, логически состоит из большого числа операций. Описывая их насколько нужно подробно, чтобы объяснить их смысл и механизм, мы придадим им вид слишком медленного для применения на практике приема. Такое впечатление производит неизбежно всякое описание сложного практического действия. Сравните время, нужное для описания движения при фехтовании, и время, необходимое для его выполнения; сравните длину грамматики и словаря с быстротою чтения. Как всякое практическое искусство, критика состоит в привычке к некоторым действиям; во время обучения, пока не приобретен навык, приходится обдумывать отдельно каждый акт, прежде чем его выполнить, и выполнять в отдельности каждую операцию, вследствие чего дело подвигается медленно и трудно; но когда приобретен навык, действия, ставшие инстинктивными и бессознательными, делаются легкими и быстрыми. Пусть, следовательно, читателя не беспокоят относительно медленности приемов критики: ниже они увидят, как они сокращаются на практике.

III. Итак, задача критики такова: перед нами свидетельство, исходящее от человека, приемы работы которого нам неизвестны, между тем как ценность свидетельства зависит исключительно от того, каким способом оперировал этот человек; требуется определить, правильно ли он действовал.

Самая постановка задачи показывает, что нельзя надеяться на какое-либо прямое окончательное решение: недостаток существенных данных — как оперировал автор. Критика останавливается, стало быть, на косвенных и временных решениях, ограничиваясь доставлением данных, требующих окончательной обработки.

Природный инстинкт побуждает нас судить о ценности

свидетельств по их форме. Обыкновенно думают, что можно с первого взгляда убедиться в достоверности показаний автора и точности повествования, на основании так называемой „искренности тона“ и „впечатления правдивости“. Это почти неотразимое впечатление, но, тем не менее, оно представляет собою не что иное, как иллюзию. Не существует никакого внешнего критерия достоверности и точности. „Искренность тона“ — это кажущаяся убежденность оратора, актер, привычный лжец легче достигнут ею, обманывая публику, чем застенчивый человек, глубоко верящий в то, что он говорит. Смелость утверждения не всегда доказывает силу убеждения, а только ловкость и бесстыдство¹. Точно так же обилие и точность подробностей, хотя и производят впечатление на поверхностных читателей, тем не менее, не гарантируют точности фактов²: они знакомят только с фантазией автора в том случае, если он правдив, и с его бесстыдством, если он лжет. Об обстоятельных повествованиях часто слышится мнение: „Такого рода вещи не могут быть вымыслом“. Действительно, они не могут быть вымыслом, но они легко переносятся с одной личности на другую, а также из одной страны и эпохи в иные страны и эпохи. Никакой внешний характер документа не избавляет его от критики.

Ценность заявлений автора зависит исключительно от условий, при которых он работал. У критики нет другого средства, кроме исследования этих условий. Но нет необходимости восстанавливать все эти условия, достаточно ответить только на один вопрос: правильно оценировал автор или нет? К этому вопросу можно приступить с двух сторон.

¹ Мемуары Рета (Retz) дают в этом отношении убедительный пример: это — анекдот о принцессах, встреченных Ретем и Тюреннем. Издатель Рета, А. Фейлле (Feillet A. *Collection des Grands Écrivains de la France*) доказал (T. I. P. 192), что эта, так живо рассказанная история, есть ложь от начала до конца.

² Хорошим примером обилия, которое производит обаятельное рассказ, служит легенда о происхождении союза трех древнейших швейцарских кантонов (Гестер и заговорщики долины Фюлян), сфабрикованная в XVI в. Чуди (Tschudi), ставшая классической со времени появления „Вильгельма Телля“ Шиллера, которую пришлось искоренить с таким трудом. См.: Риллие (Rilliet), *Origines de la Confédération suisse*. Genève, 1869.

1) Благодаря критике происхождения источников часто бывают известны общие условия, в которых действовал автор. Очень вероятно, что какое-нибудь из них оказывало влияние на каждое из его отдельных действий. Нужно, следовательно, начинать с изучения имеющихся сведений об авторе и составлении документа, стараясь отыскать в привычках, чувствах, личном положении автора или в обстоятельствах, сопровождавших творчество, все мотивы, могущие склонить его поступать неправильно, или, наоборот, с исключительной правильностью. Чтобы заметить эти возможные мотивы, необходимо заранее обратить на них внимание. Тут действителен только один прием, а именно: составление общих вопросных пунктов (*questionnaire général*) о причинах неправильности действий автора. Применяя эти вопросные пункты к общим условиям составления документа, обнаруживают, какие из условий могли делать приемы автора неправильными и исказить его выводы. Но, действуя таким образом, даже в исключительно благоприятных случаях, когда условия происхождения хорошо известны, получают только общие указания, недостаточные для критики, потому что она всегда должна рассматривать каждое отдельное свидетельство.

2) Критика отдельных свидетельств может производиться только при помощи одного, до крайности парадоксального приема, а именно — исследования всеобщих условий (*conditions universelles*) составления документов. Те сведения, которых не дает общее изучение автора, можно найти в знании необходимых процессов деятельности человеческого ума, так как эти процессы, будучи всеобщими, должны присутствовать и в каждом частном случае. Известно, например, в каком случае человек склонен вообще добровольно искажать или извращать факты. Нужно рассмотреть, не делалось ли каждое показание при таких именно условиях, когда можно предполагать, согласно обычным наклонностям человечества, неправильность процесса творчества. Практический прием и здесь заключается в составлении вопросных пунктов согласно обычным причинам неправильности. Таким образом, вся критика сводится к составлению и заполне-

нию двойного ряда вопросных пунктов — один ряд имеет целью выяснить общие условия составления документов, откуда вытекают общие мотивы доверия или недоверия, другой — дать возможность представить себе специальные условия возникновения каждого отдельного свидетельства из которых вытекают специальные мотивы доверия или недоверия. Этот двойной ряд вопросов должен быть составлен заранее так, чтобы направлять методически исследование документа вообще и каждого отдельного свидетельства, в частности; а так как вопросные пункты одинаковы для всех документов, то полезно установить их раз навсегда.

IV. Критический вопросник (questionnaire) допускает два ряда вопросов, соответствующих двум рядам процессов, путем которых слагается документ. Критика толкования выясняет только то, что хотел сказать автор; остается выяснить: 1) что он действительно думал, потому что он мог быть неискренен; 2) что он действительно знал, потому что он мог ошибаться. Можно, следовательно, различать критику достоверности (*critique de sincérité*), должную выяснять, не лгал ли намеренно автор, и критику точности (*critique d'exactitude*), цель которой определить, не ошибался ли он.

На практике редко встречается надобность знать то, что думал автор; автор не интересуется непосредственно исследователя, если только не имеется в виду специального изучения его характера; вообще же он служит посредником, при помощи которого имеется в виду добраться до сообщаемых им внешних фактов. Цель критики — выяснить, точно ли передал эти факты автор. Если он сообщил неточные сведения, то безразлично, сделал ли он это, желая солгать или в результате заблуждения; стараться выяснить это — значило бы бесполезно осложнять исследование. Почти нет никакого повода заниматься отдельно критикой достоверности и можно сократить труд, соединив в одном и том же списке вопросных пунктов все мотивы неточности; но вопросы, требующие ответа, для большей ясности следует все-таки располагать отдельно в двух сериях.

Первая серия вопросов поможет выяснить, есть ли ка-

кой-нибудь повод не доверять искренности свидетельства. Задаются вопросом, не находился ли автор в одном из таких положений, которые побуждают обыкновенно человека быть неискренним. Нужно искать, каковы эти условия, вообще для всей совокупности документа, и в частности для каждого отдельного свидетельства. Ответ дан опытом. Причиной как мелкой, так и крупной лжи служит особое намерение автора произвести на своего читателя желательное впечатление. Таким образом, вопросные пункты сводятся к списку намерений, могущих вообще побудить автора солгать. Вот самые важные случаи:

1-й случай. Автор старается обеспечить себе практическую выгоду; он хочет обмануть читателя документа с целью побудить его на какой-либо поступок или, напротив, отклонить от того или иного поступка; он умышленно сообщает ложное сведение, потому что ложь в его интересах. С таким случаем приходится встречаться в большинстве официальных актов. Даже в документах, составленных без практического побуждения, всякое корыстное свидетельство может оказаться ложным. Чтобы выяснить, какие свидетельства подозрительны, следует задаться вопросом, какова могла бы быть вообще цель автора при написании документа в его целом, и в частности при составлении каждого отдельного свидетельства, входящего в состав документа. Отыскивая, какая выгода могла быть автору солгать, надо остерегаться, как бы не впасть в заблуждение и не приписать автору того интереса, какой мы сами имели бы на его месте; следует, напротив, стараться выяснить, какую выгоду автор сам видел в своей лжи, а для этого нужно выявить его вкусы и идеалы. С другой стороны, не следует вдаваться в крайность и принимать в расчет только личную выгоду автора; нужно предусматривать, что автор мог дать ложное свидетельство в видах коллективной выгоды. Здесь-то и кроется одно из затруднений для критики.

Автор является одновременно членом многих групп: семьи, провинции, отчества, религиозной секты, политической партии, общественного класса — групп, имеющих зачастую противоположные интересы; нужно, следовательно,

уметь выделить группу, наиболее интересовавшую автора, для которой он работал.

2-й случай. Автор был поставлен в положение, вынуждавшее его лгать. Это случается каждый раз, когда автор, будучи поставлен в необходимость составить документ согласно установившимся законам или привычкам, находится в условиях, в чем-нибудь им противоречивших; ему приходится тогда утверждать, что он действовал в нормальных условиях, а следовательно, делать ложное заявление по всем пунктам, где он не соблюдал узаконенных форм. Почти в каждом протоколе есть некоторая незначительная ложь относительно дня или часа, относительно места, относительно числа или имен присутствовавших. Мы все были свидетелями, если только не принимали в них сами участия, некоторых из таких мелких фальсификаций. Но мы совсем забываем о них, когда дело идет о критике документов прошлого. Признание подлинности документа содействует поддержанию иллюзии; подлинность инстинктивно принимается за синоним достоверности. Строгие правила, предписываемые при составлении всякого подлинного документа, какутся гарантией его достоверности; но они являются, напротив, поощрением лжи, не относительно сущности фактов, но относительно второстепенных обстоятельств. Из того, что какое-нибудь лицо подписывает акт, можно заключить, что оно с ним согласно, но нельзя заключать, что оно действительно присутствовало в тот час, когда акт указывает на его присутствие.

3-й случай. Автор питал симпатию или антипатию к какой-либо группе людей (нации, партии, секте, провинции, городу, семье) или к совокупности доктрин и учреждений (религии, философии, политической секте), побуждающую его извращать факты ради того, чтобы выставить в благоприятном свете своих друзей и в неблагоприятном своих противников. Это общие настроения, действующие на все свидетельства автора; к тому же они настолько очевидны, что древние дали даже им специальные названия (*studium in obliquo*); с древности у историков стало общим местом уверение, что они избежали и того и другого.

4-й случай. Автор был вызван на ложь личным или групповым тщеславием, с целью преувеличить значение своей личности или своей группы. Он делал заявления, способные, по его мнению, произвести на читателя впечатление, что он и его группа обладают достойными уважения качествами. Нужно, ввиду этого, исследовать, не лежит ли в основании свидетельства автора тщеславие; но при этом не следует судить о тщеславии автора со своей собственной точки зрения или с точки зрения наших современников. Предмет тщеславия не везде один и тот же; надо, следовательно, выяснить, на что направлено было тщеславие автора; очень может быть, что он лжет с целью приписать себе и своим поступки, могущие показаться нам позорными. Карл IX хвалился ложно тем, что подготовил Варфоломеевскую ночь. Однако, есть свойственная всем причина тщеславия, а именно желание казаться занимающим высокое положение и играющим важную роль. Нужно, следовательно, всегда относиться с недоверием к свидетельству, приписываемому автору или его группе значительное положение в обществе¹.

5-й случай. Автор хотел нравиться публике или, по крайней мере, старался не произвести неприятного на нее впечатления. Он выражал чувства и мысли, согласные с нравственностью или обычаями своей публики; он искажал факты, вопреки своему личному представлению о них, применительно к ее страстям и предрассудкам. Самыми яркими типами такой лжи служат формы церемониала, торжественные слова, заявления, предписываемые этикетом, торжественные приветствия, официальные формулы вежливости. Содержащиеся в них свидетельства так подозрительны, что из них нельзя извлекать никаких сведений о передаваемых фактах. Мы все хорошо это знаем, когда дело касается современных формул, употребляющихся ежедневно на наших глазах, но часто забываем при критике документов, в особенности относящихся к эпохам, бедным свидетельствами. Никому, конечно, не придет в голову искать проявления ис-

¹ Поразительные примеры лжи ради тщеславия изложил мемуары Салля и Рена.

тинных чувств человека в уверениях в уважении приписываемых им в конце писем. Между тем долгое время верили в смирение некоторых средневековых духовных сановников, потому что в день их избрания они начинали с отказа от предложенного сана, заявляя, что недостойны принять его, пока не убедилась, наконец, путем сравнения, что такой отказ был простым требованием приличия. И теперь еще есть ученые, склонные искать, подобно бенедиктинцам XVIII столетия, в официальных формулах канцелярий какого-либо государя сведений о его благочестии или щедрости¹.

Чтобы распознать эти уверения, требовавшиеся приличиями, необходимо двоякого рода исследование: одно, относящееся к автору и имеющее целью выяснить, к какой публике он обращался, так как в каждой стране есть несколько публик, стоящих одна над другою или тесно сплоченных между собою, из которых у каждой есть свой кодекс морали и правил приличия; и другое, относящееся к публике и имеющее целью определить, в чем состояли ее мораль и обычаи.

6-й случай. Автор старался понравиться публике, пользуясь известными литературными ухищрениями; он извращал факты, стараясь сделать их более прекрасными, согласно своему представлению о красоте. Чтобы остерегаться мест, искаженных согласно этому идеалу, надо изучить привычки автора и его времени. Можно, впрочем, заранее наметить обычные роды литературных искажений. Ораторское искажение состоит в приписывании действующим лицам благородных положений, поступков, чувств, и в особенности благородных речей; это естественное стремление молодых людей, начинающих упражняться в писательском искусстве, и

¹ Даже сам Фюстель де Куланж видел в формулах надписей в частях императоров доказательство, что население любило императорский режим. „Пусть читают надписи: в них всегда проявляется чувство уважения и признательности... Просмотрите сборник д'Орелли. Всегда чаще встречаются там такие выражения...“ Перечисление титулов, выражающих уважение к императорам, заканчивается таким, приводящим в замешательство, афоризмом: „Думать, что во всем этом нет ничего, кроме лестного значило бы плохо знать человеческую натуру“. Это даже и не лестно, это только формулы.

подушечки еще писателей; это общий недостаток всех средневековых летописцев¹. Эпическое искажение прикрашивает повествование, пополняя его живописными подробностями, речами и цифрами и иногда даже именами действующих лиц; такое искажение очень опасно, потому что обилие подробностей создает иллюзию правдивости². Драматическое искажение заключается в группировке фактов с целью увеличить их драматизм, сосредоточивая его на одном моменте, на одном лице или одной группе разбросанных фактов. Это самое опасное искажение — искажение историков, художников, Геродота, Тацита, итальянцев эпохи Возрождения. Лирическое искажение преувеличивает чувства и ощущения автора и его друзей с тем, чтобы придать им большую интенсивность; его нужно принимать в соображение при исследованиях, имеющих целью восстановить психологию того или иного лица.

Литературное искажение мало коснулось архивных документов (хотя с ним и приходится встречаться в большей части грамот XI в.), но оно глубоко проникло во все литературные памятники, в том числе и в повествования историков. Между тем человек по природе больше склонен верить талантливым писателям и легче соглашается со свидетельством, выраженным в красивой форме. Критик должен противодействовать этой склонности, придерживаясь парадоксального правила, что с тем большим недоверием следует относиться к свидетельству, чем больший интерес оно представляет с художественной точки зрения³. Ко всякому очень картинному и вместе с тем очень драматическому повествованию, где действующие лица принимают благородные положения или обнаруживают слишком возвышенные чувства,

¹ Образцом может служить Сугерий (Suger) в *Жизни Людовика VI* (*Vie de Louis VI*).

² Поразительным примером является *Хроника Гельвеции* (*Chronicon Helveticum*) Чуди (Tschudi).

³ Два разительных примера той силы, с какою великие писатели поддаются критике и вносят смуту в знание фактов, представляют Аристофан и Демосфен. Только в конце XIX в. историки являли, наконец, смелость признавать, что свидетельства этих авторов далеко не достоверны.

нужно относиться с большою осторожностью.

Только что намеченный первый ряд вопросов даст предварительный результат, указывающий, какие свидетельства имеют шансы быть ложными.

V. Второй ряд вопросов поможет исследовать, есть ли повод не доверять точности свидетельства. Не находится ли автор в условиях, вовлекающих человека в ошибку? Здесь, как и в вопросе о достоверности, следует рассмотреть эти условия вообще для всей совокупности документа, и в частности для каждого из отдельных его свидетельств.

Опыт экспериментальных наук показывает нам условия точного знания фактов. Для знания факта существует только один научный прием — наблюдение (observation); необходимо, следовательно, чтобы каждое свидетельство прямо или косвенно основывалось на наблюдении и чтобы само наблюдение было произведено правильно.

Вопросные пункты относительно поводов к ошибке могут быть составлены на основании опыта, выясняющего нам самые обычные случаи ошибок.

1-й случай. Автор занимал положение, дававшее ему возможность наблюдать факт, и вообразил себе, что он действительно его наблюдал; но ему помешала сделать это какая-нибудь внутренняя причина, которой он не сознавал: галлюцинация, иллюзия или простой предрассудок. Бесплезно (да сверх того было бы и невозможно) определить, какая именно из этих причин действовала; достаточно выяснить только, склонен ли был вообще автор плохо наблюдать. Распознать, было ли известное показание результатом галлюцинации или иллюзии — совершенно невысказано. В некоторых исключительных случаях удается самое большее узнать, путем сравнений или справок, что у автора имеется общая склонность к такого рода заблуждениям.

Существует гораздо больше шансов распознать, не является ли известное показание продуктом предрассудка. В жизни или произведениях автора всегда остается след его господствующих предрассудков; критикуя каждое отдельное свидетельство автора, следует задаваться вопросом, не есть ли оно продукт его предвзятого взгляда на известный род

людей или известный род фактов. Это исследование сливается отчасти с исследованием о причинах лжи: корысть, тщеславие, симпатия или антипатия порождают предубеждения, столь же вредящие истине, как и сознательная ложь. Здесь, следовательно, можно ограничиться теми же вопросами, какие ставились для выяснения достоверности свидетельств, содержащихся в исторических документах. Их нужно пополнить только одним лишним вопросом, а именно: не был ли автор вызван невольно на искажение при формулировке известного показания в силу того, что ему приходилось отвечать на заранее поставленный вопрос? Это относится ко всем свидетельствам, добытым путем следствия, допроса, истязания. Даже помимо тех случаев, когда допрашиваемый старается угодить допрашивающему, отвечая то, что, по его мнению, должно быть последнему приятно, всякий вопрос сам по себе подсказывает ответ или, по крайней мере, делает необходимым ввести факты в заранее намеченную рамку кем-то, не выдавшим самих фактов. Нужно, следовательно, подвергать специальной критике каждое показание, полученное путем допроса, рассматривая, как был поставлен вопрос и какое предубеждение он мог породить в уме того, кому приходилось на него отвечать.

2-й случай. Автор находился в невыгодном для наблюдения положении. Наука выяснила уже условия правильного наблюдения: наблюдатель должен находиться в таком положении, чтобы видеть верно, не должен руководиться никакими практическими соображениями, никаким желанием достигнуть заранее намеченного вывода, никакой предвзятой мыслью о выводе. Он должен отмечать свои наблюдения в тот самый момент, когда они совершаются, по точно установленной системе и должен в точности указать свой метод наблюдения. Эти условия, предписываемые опытными науками, никогда не выполнялись вполне авторами исторических документов.

Бесплезно, следовательно, и спрашивать, были ли шансы на неправильность наблюдения: они есть всегда (этим именно и отличается свидетельство документа от наблюдения). Историка приходится только исследовать оче-

видные причины ошибки при известных условиях наблюдения: 1) когда наблюдавший был в таком месте, откуда он не мог хорошо видеть или слышать (например, низший служащий, который берется рассказать о тайных совещаниях совета сановников); 2) когда внимание наблюдавшего сильно отвлеклось необходимостью действовать (например, на поле битвы) или 3) когда он следил недостаточно внимательно за происходившим, потому что наблюдавшееся факты его не интересовали; 4) когда наблюдавшему не доставало специальной опытности или общего развития для понимания фактов; 5) когда он плохо анализировал свои впечатления и смешивал различные факты. Главным же образом необходимо следить за тем, когда он отмечал то, что видел или слышал. Это самый важный пункт; единственно точным наблюдением является то, которое заносится немедленно же; впечатление, записанное позднее, представляет собою уже не наблюдение, а воспоминание, имевшее массу шансов перепутаться в памяти с другими воспоминаниями. Мемуары, писавшиеся много лет спустя после событий, а нередко даже в конце жизни автора, вносили в историю бессмысленные заблуждения. Следует поставить себе за правило опираться к мемуарам с особым недоверием, как к второстепенным свидетельствам, несмотря на то, что они имеют вид свидетельств современников.

3-й случай. Автор утверждает о фактах, которые он мог бы наблюдать, но не дал себе труда на них посмотреть. По лености или небрежности он, основываясь на предположении или на авось, сообщил сведения, оказавшиеся очень ложными. Такая причина искажения, встречающаяся очень часто, хотя этого и не предполагают, может быть заподозрена во всех случаях, когда автор был вынужден для выполнения плана добыть мало интересовавшие его сведения. К такого рода искажениям относятся все ответы на запросы властей (достаточно только посмотреть, как составляется в наши дни большинство официальных исследований) и подробные повествования о публичных церемониях или актах. Искупление составить такое повествование согласно заранее известной программе или по обычному порядку совершения

акта очень велико. Сколько отчетов о всевозможного рода заседаниях печатается репортерами, не присутствовавшими ни на одном из них! Аналогичные вымыслы подозревают и считают даже доказанными у средневековых летописцев¹. Должно, следовательно, принять за правило не доверять повествованиям, чересчур согласным с формулами.

4-й случай. Утверждаемый факт по своей природе таков, что не может быть познан только путем наблюдения. Таков скрытый факт (например, тайна алькова), внутреннее состояние которого нельзя видеть, чувство, побуждение, душевное колебание. Таков факт коллективный, очень растянутый и продолжительный, например, действие, общее целой армии, обычай, свойственный целому народу или целому столетию, статистическая цифра, добытая сложением бесчисленных единиц, общее мнение о характере человека, группы, обычая, события. В данном случае мы имеем дело с итогами или следствиями наблюдений: автор не мог получить их непосредственно и пришел к ним, исходя из данных наблюдений, обработанных путем логических процессов, абстракции, обобщения, рассуждения, вычисления. Здесь нужно ответить на два вопроса: работал ли автор, имея в своем распоряжении достаточные данные? Не оперировал ли он над своими данными неправильно?

Относительно вероятных погрешностей автора можно иметь общие сведения; изучая его произведение, можно видеть, как он оперировал, умел ли он абстрагировать, рассуждать, обобщать и какие сделал он ошибки. Для выяснения достоинства данных следует критиковать каждое показание отдельно: нужно вообразить себе условия, в которых находился автор, и задать вопросом, мог ли он добыть себе данные, нужные для его показания. Осторожность необходима по отношению ко всем большим числам и всем описаниям народных обычаев, потому что всегда есть вероятность, что автор получил свою цифру при помощи гадательного исчисления (обычный случай для числа сражавшихся или

¹ Например, повествование об избрании Оттона I в *Истории Оттона* (*Gesta Ottonis*) Витукенда.

мертвых) или соединяя отдельные цифры, далеко не все точные; есть также вероятность, что он распространил на целый народ, на целую страну, на целый период то, что было верно только относительно небольшой известной ему группы¹.

VI. Перечисленные выше две первые серии вопросов о достоверности и точности свидетельств документа предполагают, что автор сам наблюдал факт. Это общее условие наблюдений во всех экспериментальных науках. Но в истории бедность непосредственных наблюдений, даже несовершенным образом выполненных, так велика, что приходится извлекать пользу из документов, которыми не захотела бы пользоваться никакая другая наука². Возьмите наудачу повествование, даже современника, и вы увидите, что наблюдавшиеся автором факты образуют всегда только часть целого. Почти в каждом документе большая часть показаний исходит не непосредственно от автора, а воспроизводит свидетельства другого. Генерал, рассказывая даже о сражении, которым сам руководил, сообщает не свои собственные наблюдения, а наблюдения своих офицеров: его рассказ является уже в значительной мере „документом из вторых рук“³.

Для критики подобного рода свидетельств недостаточно исследовать только условия, сопровождавшие работу автора документа, так как автор является в данном случае лишь передаточным орудием; истинный автор утверждения тот, кто

¹ Например, цифры о населении, торговле и богатстве европейских стран, сообщенные венецианскими посланцами XVI в., и описания обычаев германцев в *Германии* Тацита.

² Интересно посмотреть, что бы осталось от римской истории и истории Мероитов, если бы относительно их стали пользоваться только документами, представляющими непосредственное наблюдение.

³ Этим объясняется, почему мы не определяли и не изучали отдельные свидетельства из первых рук. Дело в том, что вопрос был плохо поставлен историками. Различие должно бы относиться к показаниям, а не к документам. Существуют показания из первых, вторых и третьих рук, а не документы. То, что называют „документом из первых рук“, почти всегда состоит отчасти из свидетельства, полученного из вторых рук относительно фактов, которых сам автор не знал. Документом из вторых рук, называли такой, в котором не содержится ничего из первых рук, такой, например, Тит Ливий; но это очень грубое различие, недостаточное для того, чтобы руководить критикой свидетельств.

дал ему то или иное сведение. Нужно, следовательно, переменить почву критики и задаться вопросом, правильно ли оперировало лицо, доставившее сведение; а если оно добыло свое сведение от третьего лица, что случается всего чаще, то необходимо переходить от одного посредника к другому в поисках за первым лицом, пустившим в свет данное показание, и задаться вопросом, было ли это лицо исправным наблюдателем.

Логически такой розыск наблюдателя источника (observateur-source) не представляется немислимым; древние сборники арабских преданий дают, например, ряд последовательных ручательств за достоверность передачи этих преданий; но на практике почти всегда недостает данных, позволяющих добраться до наблюдателя; наблюдатель остается анонимом. Тогда на сцену выступает общий вопрос: как производить критику анонимного показания? Дело касается не только „анонимных документов“, составленных прямо неизвестным автором, но также и известного автора с целью выяснения неизвестного источника его утверждений.

Критика действует, мысленно воспроизводя условия труда автора; имея же дело с анонимным свидетельством, ей почти не за что ухватиться. Она может воспользоваться только одним приемом: изучить общий характер документа. Можно рассмотреть, нет ли черты, общей всем показаниям документа, указывающей, что все они исходят от людей, обладающих одинаковыми предрассудками или одинаковыми страстями; в этом случае передача фактов, которой придерживается автор, носит известную „окраску“; предание, записанное Геродотом, носит афинский и дельфийский отпечаток. В данном случае, относительно каждого факта нужно задаваться вопросом, не был ли он искажен из расчета, тщеславия или благодаря предрассудкам известной группы. Можно также задаться вопросом, не принимая даже во внимание автора, был ли какой-либо повод для искажения или, наоборот, какой-нибудь повод наблюдать правильно, свойственный всем людям известного времени или страны, где должно было производиться наблюдение, например, каковы были у греков пути для получения сведений и предрассудки

относительно скифов во времена Геродота.

Из всех этих общих справок самая полезная относится к передаче анонимных свидетельств, называемых преданием (tradition). Всякое свидетельство, исходящее из вторых рук, представляет ценность только постольку, поскольку оно воспроизводит свой первоначальный источник; все то, что оно к нему добавляет, представляет собою искажение и должно быть устранено; точно так же все посредствующие источники имеют значение только как концы оригинального свидетельства, явившегося непосредственным результатом наблюдения. Критике необходимо знать, сохранили ли эти последовательные передачи в неприкосновенности или искажили первоначальное свидетельство, и в особенности было ли передаваемое документом предание писаное или устное. Письмо закрепляет свидетельство и делает передачу его верной: напротив, устное свидетельство остается впечатлением, подверженным искажению даже в памяти самого наблюдателя, путем смешения с другими впечатлениями; переходя устно от одного лица к другому, оно искажается при каждой новой передаче¹ и, так как оно искажается по самым разнообразным причинам, нет возможности ни выяснить значения искажения, ни выправить его.

Устное предание, по самой своей природе, является непрерывным искажением; ввиду этого экспериментальные науки не признают иной передачи, кроме писаной. У историков нет основательной причины поступать иначе, по крайней мере, когда дело касается установления частного факта. А потому следует отыскивать в писанных документах свидетельства, дошедшие путем устной передачи, чтобы держать их в подозрении. Получить на этот счет сведения прямым путем очень трудно, потому что авторы, черпавшие сведения из устных преданий, неохотно в этом признаются². Прихо-

¹ Искажение угрожает в меньшей степени впечатлениям, облеченным в правильную или разительную форму, стихам, правилам, пословицам.

² Об этом предупреждает иногда форма фразы, когда среди подробных повествований, очевидно легендарного происхождения, встречается короткое и сухое уломяваие, написанное летописным стилем, явно скопированное с писаного документа. На это можно наткнуться у Тита Ливия (см.:

дятся прибегать к косвенным путям, а именно: констатировать, что в известный момент не могло быть писаной передачи данного факта, после чего станет ясно, что факт мог дойти до автора только путем устного предания. Ввиду этого приходится задаваться вопросом: существовал ли обычай записывать подобного рода факты у людей данной эпохи? Если ответ получится отрицательный, то это будет значить, что факт дошел до автора путем устной передачи.

Самую разительную форму устного предания представляет легенда. Она возникает в группе людей, не владеющих другим способом передачи, кроме слова, в варварских обществах или мало культурных классах, среди крестьян, солдат. Тогда вся совокупность фактов передается устно и принимает легендарную форму. У каждого народа в начале существования есть легендарный период: в Греции, в Риме, у всех германских и славянских народов самые отдаленные воспоминания образуют ряд легенд. В цивилизованные эпохи народ продолжает иметь свою народную легенду о поразивших его событиях¹. Легенда исключительно устное предание.

Даже после того, как народ выйдет уже из легендарного периода и начнет записывать события своей жизни, устное предание не перестает существовать; но область его суживается, оно ограничивается только незаписанными фактами: либо тайными по своему характеру, либо такими, которые не стоит труда записывать: интимными делами, словами, подробностями событий. Это уже анекдот; его прозвали „легендой цивилизованных“. Он складывается, как и легенда, из обиходных воспоминаний, намсков, ошибочных толкований,

Nitzsch. *Die römische Annalistik*. Leipzig, 1873) и у Григория Турского (см.: Loebell. *Grego von Tours*. Leipzig, 1868).

¹ События, поражающие воображение народа и передающиеся путем легенды, обыкновенно не относятся к тем, которые кажутся нам самыми важными. Герои „Песен о деяниях“ (*Chansons de gestes*) едва известны историкам. Эпические бретонские песни относятся не к крупным историческим событиям, как заставлял думать сборник Вильмаркс (Villemarqué), а к некоторым местным эпизодам. То же самое можно сказать и о скандинавских сагах или отчасти, в большинстве случаев, к спорам между поселениями Исландия или Оркнейских островов.

всевозможного происхождения вымыслов, относящихся к некоторым личностям или событиям.

Легенды и анекдоты являются по существу народными воззрениями, приписанными произвольно историческим лицам; они составляют часть фольклора, но не истории¹. Необходимо, следовательно, энергично противостоять искушению рассматривать легенду как смешение точных и ошибочных фактов, из которого путем анализа можно выделить „частицы“ исторической истины. Легенда представляет собою смесь, где есть, быть может, некоторая частица истины; можно даже анализировать ее составные элементы, но нет никакого средства распознать, взяты ли эти элементы из действительности или созданы воображением. Это, по выражению Нибура, „мираж, порождаемый невидимым предметом, согласно неизвестному закону преломления“.

Самый примитивный прием анализа заключается в удалении из легендарного рассказа подробностей, кажущихся невозможными, чудесными, противоречивыми или абсурдными и признании за историческое разумных остатков. Так поступали протестанты-рационалисты в XVIII в. с библейскими рассказами, так же следовало бы отбросить чудесное из волшебной сказки, уничтожить кога в сапогах и сделать таким путем из маркиза Карабаса историческую личность. Более утонченный, но не менее опасный метод состоит в сличении различных легенд, с целью выяснить их общее историческое основание. Грот², изучая греческие сказания, доказав невозможность извлечь каким бы то ни было методом из легенды какое-либо верное сведение³. Нужно примириться со взглядом на легенду как на продукт народного воображения; на основании ее можно знакомиться с воззрениями

¹ Теория легенды — одна из самых разработанных частей критики Э. Бернгейм (Nethheim E. Op. cit. S. 380—390) хорошо ее резюмирует и дает ее библиографию.

² Grote. *Histoire de la Grèce*. Trad. fr. T. II. Можно сравнить: Renan E. *Histoire du peuple d'Israël*, T. I. Paris, 1879. *Introduction*

³ Это не помешало Нибуру составить на основании римской легенды целую теорию о борьбе патрициев с плебеями, от которой пришлось отказаться, а также Курциусу искать, двадцать лет спустя после Грота, исторических фактов в греческой легенде.

народа, но не с внешними фактами, сошедшими перед глазами последнего. Итак, при изучении истории должно считаться правилом устранение всякого свидетельства легендарного происхождения; при этом нельзя ограничиваться только повествованиями легендарной формы; следует отбрасывать также и повествования по виду исторического характера, но основанные по легендарным данным, вроде первых глав Фукидиды.

В случае писаной передачи приходится выяснить, воспроизвел ли автор свой источник без искажения. Такое исследование входит в критику источников¹, насколько возможно воспользоваться сравнением текстов, но когда источник исчез, возможна лишь одна внутренняя критика. Прежде всего ставится вопрос: мог ли иметь автор точные сведения, так как в противном случае его свидетельство лишено всякого значения. Затем нужно удостовериться, была ли у него вообще привычка искажать источники и в каком смысле, и в частности, относительно каждого отдельного из заимствованных свидетельств следует убедиться, есть ли оно точное воспроизведение или переработка. Узнается это по форме: место, не подходящее по стилю к стилю автора и выделяющееся благодаря этому из всей совокупности текста, представляет собою отрывок из более раннего документа; чем буквальнее воспроизведение, тем драгоценнее отрывок, потому что может содержать в себе точные сведения только такие, которые были в его источнике.

VII. Несмотря на все эти исследования, критике никогда не удается установить происхождения всех сведений, чтобы иметь возможность сказать, кем наблюдался каждый факт и даже кем он был отмечен. В большинстве случаев в результате свидетельство признается анонимным.

Таким образом, мы стоим лицом к лицу с фактом, неизвестно кем и как наблюдавшимся и неизвестно когда и как записанным. Ни одна из других наук не признает фактов при таких условиях, без возможности контроля и с неисчислимыми шансами на ошибку. Но история может извлекать из

¹ См. выше. С. 106 и след.

них пользу, потому что ей нет надобности, как другим наукам, добираться до трудно констатируемых фактов.

Познание факта (*notion de fait*), определяемое с точностью, сводится к установлению сведений о внешней действительности. Приемы, приводящие к этому результату, отличаются большей или меньшей трудностью, и шансы ошибиться бывают более или менее велики, смотря по природе требующих констатирования фактов действительности и степени точности, какую желают придать формуле. Химики и биологи приходится иметь дело с трудно уловимыми фактами, быстрыми движениями, переходящими состояниями и измерять их в точных цифрах. История может оперировать с гораздо более грубыми фактами, очень долговременными или очень распространенными (существование обычая, человека, группы, даже народа), грубо выраженными неясными словами, без точного измерения. По отношению к этим фактам, легче доступным наблюдению, она может быть не особенно требовательной и насчет условий наблюдения. Она возмещает несовершенство своих приемов для собиранья данных (*procédés d'information*) способностью довольствоваться легче добываемыми справками.

Документы почти всегда дают плохо констатированные факты, и историку всегда грозит большая вероятность наткнуться на ложь или ошибку. Но есть факты, относительно которых очень трудно солгать или ошибиться. Последний ряд вопросов, какие должна ставить себе критика, имеют целью распознать, на основании самой природы фактов, те из них, которые, имея мало шансов быть искаженными, могут считаться с очень большою вероятностью точными. В общем известно, какого рода факты находятся в таких благоприятных условиях, а следовательно, можно составить общие вопросы пункты и применять их к каждому отдельному факту документа, задаваясь вопросом, подходит ли он к одному из предусмотренных случаев.

1-й случай. Факт такого свойства, что ложь невероятна. Лгут, желая производить впечатление, а потому нет основания лгать по такому вопросу, где всякое ложное впечатление считается бесполезным или всякая ложь недействитель-

ной. Чтобы узнать, находился ли автор в таком положении, нужно задать несколькими вопросами: 1) Не находится ли утверждаемый факт в очевидном противоречии с тем впечатлением, какое хотел произнести автор? Противоречит ли он интересу, честолюбию, чувствам, литературным вкусам автора или его группы, а также мнению, которое он старался издать? Тогда достоверность становится вероятной. Но пользоваться этим критерием очень опасно; им часто злоупотребляли двояким образом: принимали за признание то, что было простым хвастовством (пример: Карл IX, заявлявший, что он подготовил Варфоломеевскую ночь), или верили, не проверяя, афишашину, дурно отзывавшемуся об афишанах, протестанту, обвинявшему других протестантов. Между тем автор мог иметь иное понятие, чем мы, о своем интересе и своей чести¹ или, кроме того, он мог желать оклеветать соплеменников другой партии или единоверцев другой секты, чем он. Таким критерием нужно пользоваться умеренно, исключительно в тех случаях, когда точно известно, какое действие считал полезным произвести автор и интересовавшая его группа.

2) Был ли утверждаемый факт настолько очевидно известен публике, что автор, даже склонный лгать, воздержался от лжи из страха быть намеренно уличенным? Этот случай относится к фактам, которые легко проверить, к материальным фактам, близким во времени и пространстве, долговременным и распространенным, в особенности, если в интересах общества было контролировать эти факты. Но боязнь контроля не всегда действует сдерживающим образом; ее действие ослабевает каждый раз, когда у автора есть какой-нибудь повод обмануть; кроме того, она действует неодинаково на различные умы: сдерживая очень сильно людей образованных и спокойных, имеющих ясное представление о своей публике, и слабо действуя в варварские времена и на страстные натуры². Ввиду этого подобный критерий следует

¹ См. выше, С. 165—166.

² Часто говорит: „Автор не осмелился бы написать этого, если бы это не было верно“. Такое рассуждение неприменимо к малоцивилизованным

применять только тогда, когда известно, как автор представлял себе свою публику и имел ли он достаточно хладнокровия, чтобы с нею считаться.

3) Был ли утверждаемый факт настолько безразличен для автора, что у него не было ни малейшего искушения его исказить? Это относится к общим фактам, обычаям, учреждениям, предметам, лицам, отмечаемым автором случайно. Даже лживое повествование не может состоять исключительно из ложных сообщений; чтобы локализовать свои факты, автору приходится обставить их точными данными. Эти последние не интересовали его: их знали все его современники. Но для нас они поучительны и верны потому, что автор не старался нас обмануть.

2-й случай. Факт по самому своему свойству делает ошибку невероятной. Как бы ни были многочисленны шансы ошибки, существуют такие „крупные“ факты, что их трудно видеть не такими, как они есть в действительности. Надо, следовательно, решить вопрос, легко ли было констатировать факт: 1) очень ли долго он продолжался, так что его часто видели (например, памятник, человек, обычай, продолжительное событие?) 2) Был ли он настолько распространен, что его видело много людей (битва, война, обычай целого народа?) 3) Выражен ли он в столь общих чертах, что достаточно самого поверхностного наблюдения, чтобы его схватить (существование вообще человека, города, народа, обычая?) Это те простые факты, которые образуют прочно обновляемую часть исторического знания.

3-й случай. Факт такого свойства, что самое сообщение о нем служит ручательством за его точность. Человек не утверждает, что он видел или слышал неожиданный факт, противоречащий его привычкам, иначе как под давлением наблюдения. Факт, кажущийся очень невероятным тому, кто о нем сообщает, имеет много шансов быть точным. Надо, следовательно, ответить на вопрос, был ли подтверждаемый факт в противоречии с другими понятиями автора, было ли

обществом. Людовик VII осмелился написать, что Иоанн Безземельный был осужден судом своих пэров.

это явление неизвестного автору рода, действия, обычая, казавшийся ему непонятным, или слова, значение которых было выше его понимания (как слова Христа в Евангелии или ответы Жанны д'Арк на допрос во время суда). Тут нужно только остерегаться смешения своих собственных понятий с понятиями автора; когда люди, привыкшие верить в чудесное, говорят о чудовищах, ведьмах, колдунах, то это для них не неожиданные факты, и указанный выше критерий к ним не применим.

VIII. Наше описание критических приемов закончилось; оно было длинно потому, что приходилось описать одну за другой операции, совершающиеся на практике одновременно. В действительности критика производится следующим образом.

Если текст сомнительного толкования, то исследование делится на две части; первая часть состоит в чтении самого текста с целью выяснить его смысл, прежде чем извлекать из него какое-либо сведение; критическое изучение фактов, содержащихся в документах, составляет вторую часть исследования. В отношении документов, смысл которых очевиден, можно при первом же чтении приступать к критическому исследованию, за исключением мест со спорным смыслом, подлежащих отдельному изучению.

Сначала собираются общие сведения о документе и авторе, причем стараются выяснить условия, которые могли оказывать воздействие на составление документа: время, место, цель, перипетия творчества; общественное положение автора, его родину, партию, секту или семью, интересы, страсти, предрассудки, особенности языка, приемы труда, средства осведомления, образование, способности и недостатки авторского ума, характер и форму передачи фактов. Все эти сведения уже подготовлены критикой происхождения; их собирают, следя мысленно за своими общими критическими вопросными пунктами; последние следует усваивать себе заранее, потому что необходимо будет их иметь в уме в продолжение всех операций.

Подготовившись таким образом, приступают к документу. По мере его чтения, производится мысленно анализ, раз-

рушающий все комбинации автора, устраняющий все его литературные формы, чтобы добраться до факта, который нужно формулировать себе простым, точным языком. Таким образом, освобождаются от художественного благоговения и подчинения авторским понятиям, способным сделать невозможной всякую критику.

Анализируемый таким способом документ превращается в длинный ряд авторских понятий и свидетельств о фактах. Относительно каждого из этих показаний задаются вопросы, не было ли поводов для лжи или заблуждения, или исключительных побуждений быть правдивым и точным, следя по критическим вопросам пунктам, составленным для отдельных фактов. Эти вопросы нужно всегда иметь в уме. Вначале это покажется, быть может, обременительным и даже педантичным, но так как их придется применять более ста раз на одной странице документа, то в конце концов такая работа будет выполняться бессознательно; при чтении текста все мотивы доверия или недоверия будут выступать разом, соединенные в одно цельное впечатление.

Когда анализ и критические вопросы сделаются инстинктивными, приобретется методически аналитическое направление ума, недоверчивое и непочтительное, обозначаемое часто мистическим термином „критический склад ума“ и в сущности представляющее собою только бессознательную привычку к критике.

Глава VIII. Определение частных фактов

Критический анализ приводит лишь к констатированию идей и свидетельств, сопровождаемых замечаниями о вероятной достоверности утверждаемых фактов. Остается исследовать, каким путем можно извлечь отсюда частные исторические факты для исторического знания. Идеи и свидетельства представляют собою двоякого рода результаты, которые должно рассматривать двумя различными методами.

I. Всякая идея (conception), выраженная в рукописи или в фигурном изображении, есть достоверный, окончательно

определенный факт. Самое выражение идеи указывает на то, что она была постигнута (если не автором, воспроизводителем, может быть, формулу, не понимая ее, то, по крайней мере, творцом формулы). Одного случая выражения идеи достаточно, чтобы знать о ее существовании, одного документа достаточно, чтобы ее доказать. Поэтому довольно анализа и обоснования для составления инвентаря фактов, служащих материалом для истории искусств, наук, доктрин¹.

Обязанность внешней критики локализовать эти факты, указав эпоху, страну, автора каждой мысли. Вопрос о продолжительности во времени, географическом протяжении, происхождении, разветвлении идей является делом исторического синтеза. Для внутренней критики нет здесь места, факт извлекается непосредственно из документа.

Можно подвинуться еще на шаг. Идеи сами по себе представляют только психологические факты; но воображение не создает само предметов, оно берет их элементы из действительности. Описания воображаемых фактов делаются на основании внешних фактов, которые автор видел вокруг себя. Можно попытаться выделить эти запасы знания. Изучая периоды и такого рода факты, относительно которых сохранилось мало документов, как, например, древность и обычаи частной жизни, пытались прилечь к делу литературные произведения, эпические поэмы, романы, театральные пьесы. В этом приеме нет ничего неправильного, но под условием соблюдения нескольких ограничений, о которых сплошь и рядом забывают.

1) Такой прием неприменим к внутренним социальным фактам, к нравственности, к художественному идеалу; нравственные или эстетические понятия документа выражают,

¹ См. выше, С. 153. Точно так же частные факты, служащие материалом для истории форм (палеография, лингвистика), употребляются непосредственно анализом документа.

² Периодическая Греция изучалась по гомеровским поэмам. Средневековая частная жизнь была восстановлена, главным образом, по „Песням о деяниях“ (*Chansons des gestes*) (См.: Lugeois Ch.-V. *Les Travaux sur l'histoire de la Société française au moyen âge d'après les sources littéraires* // *Revue historique* 1897. Mars — avril).

самое большее, личный идеал автора; они еще не дают право выводить заключения о нравственности или эстетическом вкусе его времени. Следует, по крайней мере, отличать раз личных авторов того же времени.

2) Даже описание материальных фактов может быть личной комбинацией автора, созданной его воображением; вполне реальны в нем только одни элементы; можно, следовательно, утверждать только отдельное существование неразлагасмых элементов, формы, материи, цвета, числа. Когда поэт говорит о золотых воротах или серебряных щитах, нельзя считать за достоверное, что существовали золотые ворота или серебряные щиты; верно только, что существовали ворота, щиты, золотого и серебра. Анализ должен, следовательно, простирается до элемента, поневоле взятого автором из опыта (вещи, их назначение, общеупотребительные действия).

3) Понятие о вещи или о действии доказывает только их существование, но ничего не говорит о их распространенности; вещь или действие могут быть единственными в своем роде или, по крайней мере, ограниченными очень небольшим кругом; поэты и романисты охотно избирают себе образцы в исключительном мире.

4) Факты, узнаваемые путем такого приёма, не локализируются ни во времени, ни в пространстве: автор мог их взять не из современной ему эпохи и не в своей стране.

Все эти ограничения могут быть резюмированы следующим образом: прежде чем брать из литературного произведения какое-либо сведение об обществе, в котором жил автор, нужно спросить себя: какую ценность для изучения наших нравов представило бы такого же характера сведение, заимствованное у одного из наших современных романистов.

Добытые таким путем внешние факты, как и понятия, могут устанавливаться одним документом; но пользоваться ими, благодаря тому, что они очень ограничены и плохо локализируются, можно только после сопоставления их с другими подобными же фактами, что является уже делом свидетельства.

К фактам, вытекающим из понятий, можно приравнять

те факты, маловажные и очень простые, упомянутые в тексте почти бессознательно. Логически мы не имеем права признавать их за достоверные, потому что сеть людей, ошибающихся даже относительно самых простых фактов и способных даже относительно маловажных фактов. Но эти случаи настолько редки, что нет большого риска признавать факты такого рода, установленные только одним документом, за достоверные; на практике так и поступают для мало известных эпох. Учреждения галлов и германцев описываются по одному только тексту Цезаря или Тацита. Такие, легко констатируемые, факты должны были импортироваться на автора описаний подобно тому, как импортируют на поэта явления природы.

П. Совершенно обратно, свидетельство одного документа о внешнем факте (*fait extérieur*)¹ никогда не может считаться достаточным для установления такого факта. В данном случае есть много шансов наткнуться на ложь или ошибку, и условия, влиявшие на свидетельство, слишком мало известны, чтобы быть уверенным, что оно избежало всех этих опасностей. Критическое исследование не даст в таком случае окончательного решения; будучи необходимым для устранения ошибок, оно не приводит, тем не менее, к истине.

Критика не может доказать ни одного факта, она определяет только вероятность фактов. Путем критики каждый документ разлагается на отдельные свидетельства, снабженные указаниями насчет их вероятной ценности: свидетельства, не имеющие никакой ценности, свидетельства подозрительные (в большей или меньшей степени), свидетельства вероятные или очень вероятные, свидетельства неизвестной ценности. Из всех этих разнородных выводов окончательный только один: свидетельство автора, который не мог быть осведомлен об утверждаемом им факте — недействительно, его нужно отбрасывать, как отбрасы-

¹ Внешним фактом здесь называется, в противоположность идее (прежде выходящей собой внутренний факт) всякий факт, происходящий в объективной действительности.

пают подложный документ¹.

В данном случае критика только опровергает живые сведения и не дает со своей стороны достоверных. Неопровержимыми результатами критики служат только одни отрицательные результаты. Все положительные результаты остаются сомнительными; они, в сущности, говорят только: „есть шансы за и против истинности того или иного утверждения“. Шансы и только шансы, так как сомнительное показание может оказаться точным, показание вероятное может оказаться ложным; подобные примеры повторяются беспрестанно, и мы никогда не знаем с достаточной полнотой условий наблюдения авторов исторических свидетельств, чтобы решить, правильно ли оно было произведено.

Для того, чтобы прийти к окончательному выводу, нужно проделать еще одну последнюю операцию. После критической разработки свидетельства представляются вероятными или невероятными, но даже самые вероятные из них, взятые отдельно, так и остались бы простыми вероятностями; решительный шаг, который должен превратить их в научное положение, еще не сделан; научное положение есть неоспоримое утверждение, данные же критики не таковы. Во всякой экспериментальной науке принято за общее правило не делать научного заключения по единичному наблюдению, прежде чем утверждать какое-либо положение, ждут обыкновенно, чтобы факт был констатирован целым рядом независимых друг от друга наблюдений. История, со своими несовершенными приемами осведомления, менее, чем всякая другая наука, имеет право уклоняться от этого правила. Историческое свидетельство, даже в самом благоприятном случае, представляет собою посредствующим путем полученное наблюдение и нуждается в подтверждении другими наблюдениями. Всякое научное знание складывается из сопоставления целого ряда наблюдений: научные факты суть не

¹ Большая часть историков, прежде чем отбросить легенду, ждет, пока будет доказана ее ложность, и если, случайно, не сохранилось противоречащего ей документа, они временно ее признают; это, например, делается еще для пяти первых столетий римской истории. Такой прием, к несчастью пользующийся еще общим распространением, мешает истории стать наукой.

что внос, как пункты, относительно которых согласуются различные наблюдения¹. Каждому отдельному наблюдению грозит опасность ошибки, устранить которую вполне нельзя; но если целый ряд наблюдений согласуется между собою, то это сходство не может явиться результатом повторения одной и той же ошибки; самой вероятной причиной сходства служит то, что наблюдатели видели одну и ту же действительность и все описали ее точно. Личные ошибки склонны различаться — согласуются же точные наблюдения. В применении к истории этот принцип ведет к последнему ряду операций, составляющему посредствующее звено между часто аналитической критикой и процессами синтеза: сравнением свидетельств.

Прежде всего классифицируют выводы критического анализа, собирая свидетельства об одном и том же факте. На практике работа эта облегчается применением карточек (будет ли отмечаться каждое свидетельство на особой карточке, будет ли существовать для каждого факта только одна карточка, на которой будут отмечаться различные свидетельства об этом факте по мере того, как они будут встречаться — это безразлично). Сопоставление выясняет состояние наших знаний о факте; окончательный вывод зависит от отношений между различными свидетельствами. Следует изучить особенно могущие представиться случаи.

III. Всего чаще, за исключением современной истории, мы находим в документах относительно одного какого-либо факта только одно свидетельство. Все другие науки, кроме истории, придерживаются в подобном случае неизменного правила: изолированное наблюдение не входит в науку, его цитируют (с именем наблюдателя), но не делают на основании его заключений. У историков нет никакого основательного повода поступать иначе. Когда у них имеется для установления факта свидетельство только одного человека, как

² О логическом оправдании этого принципа в истории, см.: Seignobos Ch. // *Revue philosophique*. 1887. Juillet—août. Полная научная достоверность зависит только от согласия наблюдений, получаемых путем различных методов; она находится в пункте пересечения двух различных путей знания.

бы ни был он честен, они должны бы были не существование этого факта, а ограничиваться, как делают натуралисты, упоминанием сведения (Фукидид утверждает, Цезарь говорит, что...) — это все, на что они имеют право. В действительности, все сохранили средневековую привычку утверждать существование фактов, основываясь на авторитете Фукидида или Цезаря; многие доводят свою наивность до того, что утверждают даже существование таких фактов от своего лица. Не чувствуя стеснения, налагаемого точными науками, историки, в силу свойственной человеку доверчивости, доходят до того, что признают за истину, на основании недостаточно вероятного единственного документа, всякое свидетельство, не опровергаемое другим документом. Странным последствием такого отношения к делу является то обстоятельство, что история более утвердительна и кажется лучше установленной в отношении мало известных периодов, от которых уцелел какой-нибудь один писатель, чем в отношении фактов, известных из тысячи противоречивых документов. Мидийские войны, описанные одним Геродотом, приключения Фредегонды, рассказанные одним только Григорием Турским, менее подвергаются оспариванию, чем события Великой французской революции, переданные сотнями современников. Чтобы вывести историю из такого позорного положения, нужен переворот в умах историков.

IV. Когда относительно одного и того же факта существует много свидетельств, то они или противоречат друг другу, или согласуются между собою. Для того, чтобы быть уверенным в том, что свидетельства действительно противоречат друг другу, следует, прежде всего, убедиться, что они касаются одного и того же факта: два показания, по-видимому противоречивые, могут быть на самом деле только параллельными; они могут не относиться в точности к одним и тем же моментам, одинаковым местам, одинаковым лицам и эпизодам события и могут быть вместе с тем оба точными. Из этого не следует, однако, заключать, что они подтвер-

¹ Этот случай разобран на хорошем примере Э. Берштейном. См. *Op. cit.* S. 421.

являются одно другим; каждое относится к категории единичного свидетельства.

Если между свидетельствами замечается прямое противоречие, то несомненно, что одно из них, по крайней мере, ложно. Естественная склонность к примирению побуждает в таком случае искать компромисса, средства для устранения противоречия. Этот примирительный дух составляет противоположность научному духу. Если один говорит, что $2 \times 2 = 4$, а другой, что $2 \times 2 = 5$, то не следует говорить, что $2 \times 2 = 4\frac{1}{2}$; нужно расследовать, кто из двух прав: это долг критики. Почти всегда, по крайней мере, одно из таких противоречивых показаний сомнительно: его нужно устранить, если другое, противоположное ему, очень вероятно. Если другое также сомнительно, то не следует делать заключения; точно так же надо поступать, если несколько сомнительных свидетельств согласуются между собою против одного несомнительного.

V. Когда имеется налицо несколько согласных между собою свидетельств, все-таки не следует поддаваться естественной склонности думать, что факт доказан. По первому побуждению человек склонен считать всякий документ за источник сведений. Из действительной жизни известно, однако, что люди склонны копировать друг друга, что один и тот же рассказ служит часто источником для многих повествователей, что многим газетам случается печатать одну и ту же корреспонденцию, многим репортерам соглашаться предоставить составление какого-либо отчета одному из своей среды. Таким образом, получается несколько документов, даже несколько свидетельств об одном и том же событии, но имеется ли столько же наблюдений? Очевидно, нет. Свидетельство, являющееся воспроизведением другого свидетельства, не представляет собою нового наблюдения, и даже в

Едва ли есть надобность предупреждать против наивного приема, заключающегося в подсчитывании числа документов, составленных в одном и том же смысле и решении вопроса по большинству; утверждение одного автора, хорошо осведомленного о факте, очевидно, более ценно, чем сто показаний лиц, ничего о нем не знающих. Уже давно формулировано правило: *Non numerantur, sed ponderantur.* (Следует не считать, а взвешивать).

том случае, если одно наблюдение воспроизведено сотней различных авторов, это только сто копий, свидетельствующих все-таки об одном наблюдении. Считать их за сто самостоятельных наблюдений было бы равносильно тому, как если бы мы вздумали считать за сто документов сто печатных экземпляров одной и той же книги. Но уважение к историческим документам¹ иногда пересиливает очевидность. Одно и то же свидетельство, повторяемое во многих отдельных документах различными авторами, создает иллюзию существования нескольких свидетельств; один и тот же факт, рассказанный в десяти различных документах, тотчас же кажется установленным десятью согласными между собою наблюдениями. Не следует поддаваться такому впечатлению. Сходство служит доказательством только тогда, когда согласные показания передают независимые друг от друга наблюдения. Прежде чем делать какой-либо вывод на основании сходства, нужно рассмотреть, есть ли это сходство между самостоятельными наблюдениями; вопрос этот решается с помощью следующих двух операций.

1) Прежде всего стараются выяснить, самостоятельны ли свидетельства и не служат ли они воспроизведением одного и того же единичного наблюдения. Отчасти это дело внешней критики источников¹; но критика источников изучает только отношения между писаными документами; она ограничивается выяснением того, какие места документа заимствованы одним автором у другого. Заимствованные места бесспорно подлежат исключению. Остается выполнить ту же работу над свидетельствами, не принявшими письменной формы. Нужно сравнивать свидетельства об одном и том же факте с целью выяснить, исходят ли они от различных наблюдателей или, по крайней мере, представляют ли они собою результат различных наблюдений?

Принцип этой работы аналогичен с принципом критики источников. Подробности социального факта настолько сложны и существует так много различных способов видеть один и тот же факт, что два самостоятельных наблюдателя не

¹ См. выше. С. 106—107.

имеют никакой вероятности сойтись во всех пунктах; когда для свидетельства сообщают одинаковые подробности в одном и том же месте, это означает, что они явились результатом одного общего наблюдения; различные наблюдения все-гда расходятся в нескольких пунктах. Часто можно решить вопрос a priori: если факт был такого характера, что не мог быть наблюдаем и сообщен иначе как одним наблюдателем, значит все источники происходят от этого единственного наблюдения. Эти принципы¹ позволяют распознавать много случаев различных наблюдений и еще большее число случаев воспроизведенных наблюдений.

Остаются в большем количестве сомнительные случаи. Обыкновенно их склонны считать за самостоятельные свидетельства, но с научной точки зрения было бы правильнее обратное, а именно: пока самостоятельность свидетельств не доказана, мы не имеем права признавать, что их сходство убедительно.

Только установивши предварительно отношение между различными свидетельствами, их можно считать действительно различными и исследовать, согласны ли они между собою. Здесь также нужно действовать осторожно: сходство действительно убедительное отнюдь не состоит в полном совпадении двух повествований, как естественно могло бы казаться с первого взгляда; оно заключается в скрещивании двух различных повествований, похожих друг на друга только в некоторых пунктах. Обыкновенно склонны считать сходство за подтверждение тем более убедительное, чем оно полнее; между тем следует, наоборот, признать то парадоксальное правило, что сходство доказывает больше, когда оно ограничено небольшим числом совпадений. Сходные пункты разнородных свидетельств и составляют собственно научно установленные исторические факты.

2) Прежде чем покончить с критикой, остается удостовериться, вполне ли самостоятельны различные на-

¹ Здесь невозможно останавливаться на специальных случаях применения означенных принципов на практике: когда автор, стараясь скрыть свое заимствование, ввел различия с целью сбить с толку читателей; когда автор скопировал подробности двух различных наблюдений.

блюдения одного и того же факта; дело в том, что они могли действовать одно на другое в такой степени, что первое обусловило все последующие и тогда их сходство не может уже быть убедительным. Надо остерегаться следующих случаев:

1-й случай. Различные наблюдения сделаны одним автором, записавшим их или в одном и том же документе, или в различных документах; в данном случае требуются специальные основания допускать, что автор действительно несколько раз наблюдал один и тот же факт, а не ограничился повторением единичного наблюдения.

2-й случай. Было несколько наблюдателей, но они поручили одному из своей среды составить единственный документ; этот случай относится к протоколам собраний. Здесь нужно удостовериться, представляет ли документ только показание редактора, или и другие наблюдатели контролировали его редакцию.

3-й случай. Несколько наблюдателей записали свое наблюдение в различных документах, но при одинаковых условиях; следует применить к документам критические вопросы пункты, чтобы выяснить, не действовали ли на всех них одни и те же причины, заставляющие лгать или ошибаться (одинаковый интерес, одинаковое тщеславие, одинаковые предрассудки и т.д.).

Несомненно, самостоятельные наблюдения содержатся только в различных документах, написанных различными авторами, принадлежащими к различным группам и действовавшими в различных условиях. Из этого следует, что случаи вполне убедительного сходства очень редки, исключая новейших периодов.

Возможность доказать исторический факт зависит от числа сохранившихся независимых друг от друга документов относительно этого факта; сохранились или нет нужные документы, зависит вполне от случая, этим и объясняется роль случая в составлении истории.

Легче других возможно установить факты, распространенные и долговременные (называемые иногда общими фактами, faits généraux): обычаи, верования, учреждения, крупные события; их было легче наблюдать и легче доказать

Однако, исторический метод нельзя считать самого по себе бессильным и для установления быстро проходящих и ограниченных в пространстве фактов (называемых фактами частными, faits particuliers), каковы, например, слово, поступок, длившийся одно мгновение. Достаточно, чтобы несколько лиц присутствовало при факте, отметило его и чтобы их свидетельства дошли до нас. Так, например, известна фраза, произнесенная Лютером на вормском сейме; известно также, что он сказал не то, что ему приписывает предание. Такое стечение благоприятных условий становится все чаще и чаще, по мере распространения газет, введения стенографических отчетов и организации хранилищ документов.

Историческое знание древности и средних веков ограничивается общими фактами, благодаря недостатку документов. В современный период оно может все более и более распространяться на частные факты. Публика представляет себе обратное; она не доверяет современным фактам, видя, что относительно их циркулируют противоречивые повествования, и без колебания верит фактам древности, которых никто не оспаривает. Максимум ее доверия выпадает на долю той области истории, которую нет средств знать; ее скептицизм возрастает по мере увеличения способов знания.

VI. Сходство между документами не приводит еще к вполне окончательным выводам. Для пополнения и подкрепления выводов остается изучить согласие между фактами.

Несколько фактов, недостаточно доказанных, если их рассматривать отдельно, могут подтверждать друг друга, давая уверенность в целом. Факты, представляющиеся в документах изолированными друг от друга, в действительности были иногда достаточно близкими между собою, чтобы их можно было связать одни с другими. К такого рода фактам относятся последовательные действия одного и того же человека или одной и той же группы, привычки одной и той же группы в смежные эпохи или похожих групп в одну и ту же эпоху. Каждый из этих фактов мог, правда, происходить отдельно от другого, и уверенность в том, что один из них произошел, не позволяла бы еще утверждать о существовании

другого. Между тем, согласование нескольких таких фактов, из которых каждый в отдельности недостаточно доказан, дает некоторого рода уверенность; в строгом смысле они не доказываются одни другими, но подтверждают друг друга¹. Сомнение, тяготившее над каждым из них порознь, рассеивается, достигается известного рода уверенность, производимая сцеплением (связью) фактов. Так, путем согласования сомнительных еще заключений, получается правдивое убеждение в достоверности целого. В маршруте государственных и места проезда подтверждаются друг другом, когда они согласуются одни с другими, образуя связанное целое. Обычай или учреждение какого-либо народа устанавливается согласием сведений, относящихся до различных мест или моментов, в отдельности представляющихся только вероятными.

Применение этого метода сопряжено с большими трудностями. Согласие — понятие гораздо более неопределенное, чем сходство. Невозможно вообще определить с точностью, какие факты достаточно связаны между собою, чтобы образовать целое, в котором согласие отдельных частей будет убедительно, а также определить заранее продолжительность и протекучесть того, что составляет одно целое. Факты, взятые за полстолетия и на сто миль расстояния, могут подтверждать друг друга, давая возможность установить обычай народа (например, германцев); но они ничего не доказали бы, если бы были взяты в разнородном обществе, где быстро совершается эволюция (например, французское общество в 1750 и 1800, в Эльзасе и Провансе). Здесь нужно изучать отношения между фактами. Это уже начало исторического построения; так совершается переход от аналитических процессов к процессам синтетическим.

VII. Но нам остается еще рассмотреть случай разногласия между фактами, установленными при помощи документов, и другими, установленными иным способом. Ступается, что факт, добытый путем исторического заключения, оказывается в противоречии со всей совокупностью истори-

¹ Мы ограничиваемся здесь лишь указанием принципа метода подтверждения фактов (*la méthode de confirmation*); изучение его применения потребовало бы слишком много времени.

чески известных фактов, или со всей совокупностью наших знаний о человечестве, основанных на непосредственном наблюдении, или, наконец, с научным законом, установленным правильным методом точной науки. В первых двух случаях факт находится в противоречии только с историей или психологией и социологией, все еще плохо установившимися науками, и называется только неправдоподобным (*invraisemblable*), если же он противоречит выводам точной науки, он становится чудом (*miracle*). Как следует поступать с неправдоподобным или чудесным фактом? Следует ли принимать его после исследования документов или отбрасывать, как невозможный, по предварительному рассмотрению?

Неправдоподобность — не научное понятие, оно изменяется, смотря по индивидууму: каждый находит неправдоподобным то, что он не привык видеть; для крестьянина телефон гораздо более неправдоподобен, чем привидение; один сиамский король отказался поверить в существование льда. Нужно, следовательно, с точностью определить, кому казался факт неправдоподобным. Быть может, массе, незнакомой с наукой? Для нее научная истина более неправдоподобна, чем чудо, физиология, более неправдоподобна, чем спиритизм, ее понятие о неправдоподобном не имеет никакой цены. Казалось ли это неправдоподобным научно-образованному человеку? Тогда дело идет о неправдоподобности для научного ума, и было бы точнее сказать, что факт противоречит данным науки, так как обнаруживается разногласие между непосредственными наблюдениями ученых и косвенными показаниями документов.

Как должно разрешаться это столкновение? Вопрос не имеет большого практического интереса; почти все документы, сообщающие о чудесных фактах, подозрительны уже по другим причинам и были бы и без того устранены правильной критикой; но вопрос о чудесном так волновал умы, что все лишнее указывать, как представляется он историкам¹.

¹ П. де Смедт (*Smedt P. de*) посвятил этому вопросу часть своих *Principes de la critique historique*. Paris, 1887.

Общераспространенная вера в чудеса наполнила чудесными фактами исторические документы почти всех народов.

Историческое существование дьявола гораздо более доказано, чем существование Писистрата; до нас не дошло ни одного слова современника о том, что он видел Писистрата, а между тем тысячи „очевидцев“ заявляют, что видели дьявола; мало найдется исторических фактов, подтверждаемых таким громадным числом самостоятельных свидетелей. Тем не менее, мы не колеблясь отрицаем теперь существование дьявола и признаем существование Писистрата; это потому, что существование дьявола противоречит законам всех точных наук.

Для историка решение противоречия очевидно¹. Наблюдения, содержащиеся в исторических документах, никогда не могут иметь такого значения, как наблюдения современных ученых (мы уже говорили почему). Косвенный метод истории стоит несравненно ниже прямых методов наук, основанных на наблюдении. Если выводы истории не согласуются с выводами этих последних, то уступать приходится ей; она не может иметь притязания, располагая своими несовершенными способами исследования, контролировать, опровергать или подтверждать выводы других наук; она должна, напротив, пользоваться их выводами для проверки своих собственных. Успехи опытных наук изменяют иногда историческое толкование; факт, установленный непосредственным наблюдением, приносит пользу для понимания и критики исторических документов: случаи язв (stigmata) и нервной анестезии, доказанные путем научного наблюдения, заставили признать исторические повествования об аналогичных фактах

¹ Иначе этот вопрос разрешается для наук, пользующихся непосредственным наблюдением, например, для наук биологических. Наука не знает возможного и невозможного, она знает только факты, подверженные правильному или неправильному наблюдению; явления, объявленные сначала невозможными, признаны были за несомненные. Само понятие о чуде относится к области метафизики; оно предполагает известное общее мировоззрение, выходящее за пределы наблюдения. См.: Wallace, *Les miracles et le spiritualisme moderne*. Paris, 1887.

некоторых святых, бесноватые из Лудена (Loudun)¹. Но история не может приносить пользу успехам положительных наук. Косвенные способы исследования удерживают историю в отдалении от действительности, и ей приходится принимать законы, выработанные науками, находящимися в непосредственном соприкосновении с действительностью. Для опровержения одного из таких законов потребовались бы новые непосредственные наблюдения. Такой переворот может осуществиться, но только в центре; история не в силах взять на себя в этом инициативу.

Относительно фактов, стоящих в противоречии лишь со всею совокупностью исторических знаний или с зародившимися науками о человеке, решение менее ясно. Оно зависит от того, какого мы мнения о значении этих наук. Можно, по крайней мере, считать за правило, что для того, чтобы опровергать историю, психологию или социологию, необходимо иметь очень солидные документы; а такого случая почти никогда не бывает.

¹ Луден — небольшой французский городок в департаменте Вьенны (Vienne), в 54 км к с.в. от Пуатье, возникший в средние века вокруг укрепленного замка, построенного в конце X века. Прим. ред. [1899].

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава I. Общие условия исторического построения

Критика документов даст только изолированные факты. Чтобы сгруппировать эти факты в научное целое, нужен целый ряд синтетических процессов. Изучение этих приемов исторического построения образует вторую часть методологии.

В основу построения не может быть положен идеальный научный план, который мы пожелали бы начертать; оно зависит от находящегося в нашем распоряжении материала. Было бы химерой задаваться планом, не имея необходимого для его выполнения материала, — это значило бы стремиться построить Эйфелеву башню из песка. Существенный недостаток философии истории в том и заключается, что она забывает об этой практической необходимости.

I. Рассмотрим сначала материалы истории. Каков их характер и форма? Чем они отличаются от материалов других наук?

Исторические факты устанавливаются путем критического анализа сохранившихся документов и получаются после него разбитыми на элементарные свидетельства; одна фраза документа содержит иногда несколько отдельных показаний, причем критика принимает часто одни из них и отвергает другие; каждое из таких свидетельств составляет факт.

Исторические факты имеют то общее свойство, что они все заимствуются из документов; но отличаются вместе с тем большим разнообразием.

1) Исторические факты представляют собою явления очень различного свойства. Из одного и того же документа заимствуются данные относительно письма, языка, стиля, верований, обычаев, событий. Надпись Меша дает сведения о письме и языке моавитян, о вере в бога Хамоса, о культе этого бога, факты из войны моавитян с израильянами. Все

факты получаются нами, таким образом, беспорядочно, без различия по их свойству. Эта смесь разнородных фактов составляет одну из особенностей, отличающих историю от других наук. Экспериментальные науки сами намечают себе факты для изучения и систематически ограничиваются наблюдением над однородными фактами. Науки, черпающие свои сведения из документов, получают готовые факты из рук авторов документов, сообщающих свои наблюдения в беспорядке. Чтобы извлечь их из этого беспорядка, нужно сортировать и группировать их по родам; для этого необходимо прежде всего точно знать, что собственно составляет в истории род (espèce) фактов и на основании какого принципа должна производиться классификация исторических фактов. Между тем, относительно этих двух капитальных вопросов историкам не удалось еще формулировать точных правил.

2) Существуют очень различные степени общности исторических фактов, начиная от фактов очень распространенных, свойственных целому народу и длившихся целые века (учреждения, обычаи, верования) и кончая самыми кратковременными действиями одного человека (слово или движение). В этом заключается еще одно отличие истории от экспериментальных наук, которые правильно отправляются от частных фактов и методически работают над их обобщением. Чтобы образовать группы фактов, нужно привести факты к одной и той же степени общности, для чего необходимо выяснить, какой степени общности можно и должно ограничивать различные роды фактов. Относительно этого историкам не могут еще придти между собою к соглашению.

3) Исторические факты локализованы; они существуют в данную эпоху и в данной стране; если отнять от них указания о времени и месте, где они совершались, они теряют исторический характер и могут быть утилизированы только для общего знания человечества (как это случается с фактами фольклора, неизвестного происхождения). Такая необходимость локализации неизвестна общим наукам; она ограничена только областью описательных наук, изучающих географическое распределение и эволюцию явлений. Исто-

рии она ставит в обязательство изучать отдельно факты различных стран и различных эпох.

4) Факты, добытые путем критического анализа из документов, сопровождаются критическим указанием на их достоверность¹.

Всякий раз, когда критика не убедилась в полной достоверности факта, когда факт только вероятен и тем более когда факт сомнителен, критика передает его историку с указанием на эти его качества, которого историк не имеет права отбросить и которое мешает факту перейти в область положительного знания. Даже факты, вполне установленные, после сопоставления их с другими фактами, все-таки проходят через это временное состояние, как клинические случаи, скопляющиеся в медицинских обозрениях, прежде чем будут достаточно доказаны для того, чтобы стать научными фактами.

Итак, историческое построение должно совершаться при помощи несвязной массы мелких фактов, ненужных подробностей. Это все разнородные материалы, отличающиеся друг от друга по своему предмету, положению, по степени своей достоверности и общности. Для их классификации практика историков не выработала метода; история, будучи иначе известным родом литературы, осталась и поныне наименее методической из наук.

II. Во всякой науке, ознакомившись с фактами, систематически задаются вопросами²; всякая наука образуется из ряда ответов на ряд методических вопросов. Во всех экспериментальных науках, даже когда об этом не думали заранее, установленные наблюдением факты подсказывают вопросы и заставляют их выяснять. Но у историков нет этой выработки; привыкнув подражать художникам, многие из историков не думают даже задаваться вопросом о том, чего они собственно доискиваются: они берут из документов поразившие их черты, часто по личному побуждению, воспроизводят их

¹ См. выше. С. 185—186.

² Гипотеза в экспериментальных науках есть форма вопроса, сопровождаемого предварительным ответом.

меня язык, и добавляют к этому всевозможного рода размышления, приходящие им на ум.

История, из опасения запутаться в обилии сбивчивых своих материалов, должна поставить себе за правило всегда оверифицировать с помощью вопросов, как и другие науки¹. Но как ставить вопросы в науке, столь отличной от других наук? Это основная задача метода. Ее можно разрешить, только начав с определения существенного характера исторических фактов, отличающего эти факты от фактов других наук.

Экспериментальные науки имеют дело с реальными и цельными предметами. Наука, самая близкая к истории по своему предмету, описательная зоология, действует, исследуя реальное и целое животное. Организм животного видят во всей его совокупности, затем рассекают, чтобы разложить на составные части, а рассечение — это анализ в истинном смысле этого слова (*divulser* значит „расчленять“). Сверх того, можно вновь собрать вместе все отдельные части организма, чтобы видеть строение целого, — это реальный синтез. Можно рассмотреть далее реальные движения, составляющие функционирование органов, чтобы наблюдать взаимодействие частей организма. Наконец, можно сравнивать реальные единицы и видеть, чем они походят друг на друга, получая, таким образом, возможность классифицировать их сообразно их действительным сходствам. Наука есть объективное знание, основанное на реальном анализе, синтезе и сравнении; непосредственный вид предметов руководит ученым и подсказывает ему, какие нужно ставить вопросы.

В истории ничего подобного. Часто говорят, что история есть „видение“ (*vision*) фактов прошедшего и что она действует путем „анализа“; это две опасные метафоры, если позволить ими себя обмануть². В истории не видят ничего

¹ Фюстель де Куланж предвидел эту необходимость. В предисловии к *Recherches sur quelques problèmes d'histoire* (Paris, 1885) он заявляет, что даст свои изыскания „в первоначальной форме всех моих работ, т. е. в форме вопросов, которые я себе станю и старюсь разъяснить“.

² Фюстель де Куланж, кажется, сам обманывался на этот счет. „История — наука: она не выдумывает, она только видит“ (*Monarchie française*).

реального, кроме исписанной бумаги и иногда памятников и предметов производства. Историк не может действительным образом анализировать никакого предмета; он не может ничего ни разложить на составные части, ни вновь воссоздать. Исторический анализ не более реален, чем вид исторических фактов: он представляет собою абстрактный процесс, чисто интеллектуальный процесс.

Анализируя документ, отыскивают мысленно содержащиеся в нем сведения, чтобы критиковать их поодиночке. Анализируя факт, распознают мысленно различные детали данного факта (эпизоды события, свойства учреждения), сосредоточивая последовательно внимание на каждой из отдельных подробностей; это-то и называется исследованием различных „сторон“ факта; еще одна метафора. Первоначально ум, по самому своему свойству, получает только сбивчивые впечатления; для выяснения их необходимо задаться вопросом, из каких частных впечатлений складывается впечатление целого, чтобы определить их с точностью, рассматривая одно за другим. Это неизбежная операция, но не следует преувеличивать ее значения. Это не объективный метод, заставляющий открывать реальные предметы, а метод субъективный, позволяющий усмотреть отвлеченные элементы, образующие наши впечатления¹. По самому свойству своих материалов история есть строго субъективная наука. Незаконно было бы распространять на этот интеллектуальный анализ субъективных впечатлений правила реального анализа реальных вещей.

История должна, следовательно, защищаться от соблазна подражать методу биологических наук. Исторические факты так отличны от фактов других наук, что для изучения

1) „История, как и всякая наука, состоит в констатировании фактов, анализе их, союставлении и объяснении их связи... Историк... ищет и получает факты путем кропотливого наблюдения над текстами, подобно тому, как химик констатирует свои факты с помощью кропотливо проводимых опытов“ (Ibid. P. 39).

² Субъективный характер истории очень сильно подчеркнул философ Г. Зиммель (Simmel G.) в *Die Probleme der Geschichtsphilosophie*. Leipzig 1892.

их необходим совершенно особый метод.

III. Документы, единственный источник исторического знания, дают сведения о трех категориях фактов.

1) Живые существа и материальные предметы. — Документы сообщают о существовании человеческих существ, материальных условий, предметов производства. Все эти факты были материальными явлениями, которые автор документа познавал путем чувственных восприятий. Но для нас они уже только интеллектуальные явления, факты, видимые „через призму авторского воображения“, или, выражаясь точнее, образы, воспроизводящие впечатления автора, образы, создаваемые нами по аналогии с его образами. Иерусалимский храм был материальным предметом, видимым для современников, но мы не можем уже его видеть, мы можем только создать себе мысленно его образ, аналогичный тем, какой был у людей, его видевших и описавших.

2) Человеческие действия. — Документы сообщают о действиях (и словах) некогда живших людей, которые также были материальными фактами, виденными и слышанными авторами, но сделались теперь для нас только авторскими воспоминаниями, переданными посредством субъективных образов. Удар князя, полученный Цезарем, в свое время видели, слова его убийц слышали; но для нас это только образы. Действия и слова, записанные авторами документов, были действительно действиями и словами индивидуумов; воображение может представлять себе только индивидуальные действия по образу тех, какие мы воспринимаем путем непосредственного наблюдения. Так как эти действия суть дело людей, живущих в обществе, то большинство из них совершалось одновременно несколькими индивидуумами, и некоторые были даже рассчитаны на достижение одного общего результата и представляют собою коллективные действия, но для воображения, как и для непосредственного наблюдения, они сводятся всегда к сумме индивидуальных действий. „Социальный факт“, в том смысле, как признают его многие социологи, есть философское построение, а не исторический факт.

3) Мотивы и понятия. — Причины человеческих действий

вий лежат не в них самих; каждое действие вызывается каким-либо мотивом. Это неопределенное слово означает одновременно побуждение (Impulsion), заставляющее совершить действие, и сознательное представление о действии, бывающее в момент его выполнения. Мы не можем себе представить побуждение иначе как в мозгу человека в форме неопределенных внутренних представлений, аналогичных с теми, какие мы имеем о наших собственных внутренних состояниях; мы не можем выражать их иначе, как словами, обыкновенно метафорическими. Это психические факты (называемые попросту чувствами и идеями). Документы показывают нам такого рода психические факты: 1) побуждения и понятия, выраженные авторами; 2) побуждения и идеи, приписанные авторами документов своим современникам, поступки которых они видели; 3) побуждения, руководящие, как мы можем сами предположить, действиями, рассказанными в документах, которые мы представляем себе по образцу наших собственных действий.

Материальные факты, индивидуальные и коллективные человеческие действия, психические факты — вот все предметы исторического знания; историк не наблюдает их непосредственно, а воспроизводит при помощи воображения. Историки почти все, сами того не сознавая и думая, что наблюдают реальности, имеют всегда дело только с образами.

IV. Как же вообразить себе факты, которые не были бы вполне вымышленными? Воображаемые историком факты строго субъективны; это служит одним из оснований отказывать истории в научном характере. Но субъективное не есть синоним нереального. Воспоминание есть не что иное, как образ, но это не химера, а представление прошедшей реальности. Правда, историк, работая над документами, не имеет в своем распоряжении личных воспоминаний, но он создает себе образы на основании своих воспоминаний. Он предполагает, что исчезнувшие факты (предметы, действия, побуждения), наблюдавшиеся некогда авторами документов, были похожи на современные факты, видимые им самим и сохранившиеся в его воспоминании. Это постулат всех наук

строющихся на основании документов. Если бы быстрое человеческое не походило на настоящее, то в документах нельзя было бы ничего понять. Исходя из этого сходства, историк составляет себе картину исторических фактов прошлого, подобную его собственным воспоминаниям о виденных им фактах.

Эта работа, выполняющаяся бессознательно, служит одной из главных причин заблуждения в истории. Факты прошлого, которые нужно себе вообразить, не вполне сходны с фактами настоящего, которые можно видеть; мы не видали ни одного человека, тождественного с Цезарем или Хлодвигом, и мы не переживали тех же самых внутренних состояний, какие переживали они. В экспериментальных науках также приходится оперировать с фактами, наблюдавшимися другими наблюдателями, и представлять себе их по аналогии; но эти факты выражены точными терминами, указывающими, какие неизменные элементы должны входить в представление о них. Даже в физиологии понятия настолько точно установлены, что одно и то же слово вызывает у всех натуралистов сходное представление об органе или движении. Это происходит оттого, что каждое понятие, обозначенное известным словом, образовалось при помощи метода наблюдения и абстракции, с точностью определившего и описавшего все черты, свойственные этому понятию.

Но по мере того, как знание подходит ближе к невидимым внутренним фактам, понятия становятся менее ясными и язык менее точным. Нам не удастся выразить человеческие действия, даже самые простые, социальные условия, побуждения, чувства иначе как самыми неопределенными терминами (король, воин, сражаться, избирать). По отношению к более сложным явлениям язык отличается такой неопределенностью, что невозможно даже прийти к соглашению насчет необходимых элементов явления. Что такое племя, армия, производство, рынок, революция? Здесь история имеет сходство по неопределенности со всеми гуманитарными науками, психологическими и социальными. Но естественный прием представления путем образов делает эту неопределенность еще более опасной. Наши исторические

образы должны были бы воспроизводить хотя существенные черты образов, бывших в уме непосредственных наблюдателей фактов прошлого: между тем, выражения, которыми они передали свои образы, никогда не объясняют нам точно, каковы были их существенные элементы.

Итак, вот данные истории: это факты, которых мы не видели, описанные в выражениях, не позволяющих нам представить их себе точно. Историк, вынужденный, однако, представлять себе образы фактов, обязан постоянно заботиться о том, чтобы создавать свои образы из точных элементов, стараясь воображать себе факты так, как если бы он мог их видеть и наблюдать сам¹. Но для создания образа ему нужно больше элементов, чем дают документы. Пусть по-стараясь представить себе сражение или церемонию по данным рассказа: как бы он ни был подробен, тотчас же окажется, сколько черт необходимо к нему прибавить. Эта необходимость очень чувствительна при восстановлении памятников, основанном на описании (например, восстановление иерусалимского храма), когда пишется картины, имеющие притязание представить исторические сцены, при составлении рисунков иллюстрированных журналов.

Всякий исторический образ содержит, стало быть, значительную долю вымысла. Историк не может от этого освободиться, но он может знать, какие реальные элементы входят в его образы и делать свои построения только на основании этих последних, т.е. элементов, заимствованных им из документов. Если ему нужно, чтобы понять борьбу между Цезарем и Ариовистом, вообразить себе их армии, то он должен тщательно стараться не делать никаких заключений из общего вида этих армий, созданного его воображением, а рассуждать только на основании реальных подробностей, содержащихся в документах.

V. Задача исторического метода выяснилась, наконец, таким образом: на основании черт, рассеянных по документам, мы создаем образы. Некоторые из этих черт, чисто ма-

¹ Это высказано в красноречивой форме Карлейлем и Мишле. Тот же смысл содержится в знаменитых словах Ранке: „Я хочу сказать, как это было в действительности“ (wie es eigentlich gewesen).

териального свойства, доставляемые вещественными памятниками, представляют непосредственно одну из реальных сторон прошедшего. Большинство же — сюда относятся все изображения психических фактов — составлены на основании сходства изображений, нарисованных в старину, и современных фактов, наблюдавшихся нами самими. Факты прошлого походили только отчасти на факты настоящего, а между тем интерес истории именно и заключается в этих различиях. Как же представить себе отличительные черты фактов прошедшего, не имея их образца? Мы не видели войска, похожего на франкских воинов, не переживали лично чувств Хлодвига, отирающего воевать с вестготами. Как представить себе эти факты так, чтобы они согласовались с былою действительностью?

На практике происходит вот что. Как только прочитана фраза документа, в нашем уме тотчас создается образ прошлого путем самопроизвольного процесса, управлять которым не в наших силах. Этот образ, являющийся продуктом поверхностной аналогии, бывает обыкновенно совершенно ложным. Каждый из нас может, вероятно, припомнить, как велепо он представлял себе вначале сцены и лица далекого прошлого. Работа истории состоит в постепенном исправлении наших первоначальных образов, при помощи замены ложных черт чертами точными. Мы видели людей с рыжими волосами, приты и франциски¹ (или рисунки этих вещей); мы сопоставляем эти черты, стараясь исправить созданный нами первоначально образ франкских воинов. Таким образом, исторический образ является в конце концов комбинацией черт, заимствованных из различных опытов.

Недостаточно представлять себе только изолированные события и действия. Люди и поступки составляют часть целого, общества и его эволюции; нужно, следовательно, представлять себе также отношения между людьми и действиями (нации, правительства, законы, войны).

Но чтобы представить себе отношения, нужно вообра-

¹ Франциска — род секиры с короткой рукояткой; она употреблялась у франков в качестве метательного оружия или в рукопашном бою. *Прим. ред. перевод.*

зять общую картину, а между тем документы дают нам только отдельные черты. Здесь историк еще раз вынужден прибегать к субъективному приему. Он воображает себе общество или эволюцию и включает в эти воображаемые рамки черты, заимствованные из документов. Таким образом, в то время, как биологическая классификация руководится объективно наблюдаемым реальным рядом явлений, историческая классификация может совершаться только согласно субъективно воображаемому ряду явлений.

Прошедшую реальность мы не наблюдаем; мы знаем ее только по ее сходству с существующей реальностью. Чтобы представить себе, при каких условиях совершались факты прошлого, надо изучать, путем наблюдения современного человечества, при каких условиях происходит аналогичные факты настоящего. История должна была бы, таким образом, являться применением описательных наук о человечестве (описательной психологии, социологии или социальной науки), но все это еще науки плохо определившиеся, и их слабость замедляет превращение истории в науку.

Тем не менее, существуют столь необходимые и столь очевидные условия человеческой жизни, что для установления их достаточно самого простого наблюдения. Это условия, общие всему человечеству; они порождаются физиологической организацией, создающей материальные потребности человека, или психологической (organisation psychologique), создающей привычки его поведения. Их можно предусмотреть и составить общие вопросные пункты, пригодные для всех случаев. Подобно исторической критике и в силу той же невозможности непосредственного наблюдения, историческое построение также вынуждено пользоваться методом вопросных пунктов (questionnaire).

Человеческие действия, составляющие предмет истории, различаются между собою по времени и месту, как различались люди и общества, и эти-то именно различия и есть настоящий предмет изучения истории. Если бы люди всегда имели одно и то же правительство или говорили одним и тем же языком, то не было бы надобности изучать историю правительственных учреждений или историю языков. Но эти

различия заключены в пределы общих условий человеческой жизни; они суть не что иное, как разновидности известных способов действий и существования, свойственных всему человечеству или, по крайней мере, громадному большинству людей. Нам неизвестно заранее, какое правительство или какой язык был у того или иного народа; дело истории установить эти факты. Но заранее и для всех случаев можно предвидеть, что народ имел язык и правительство.

Составляя список основных явлений, которые можно найти в жизни всякого человека, всякого народа, получают общий список вопросов, правда, не особенно полный, но достаточный для классификации массы исторических фактов в известное число естественных групп, каждая из которых образует специальную отрасль истории. Этот общий план группировки дает канву для исторического построения.

Общий ряд вопросов касается только обычных явлений; нельзя предвидеть тысячи местных или случайных фактов, составляющих жизнь человека или нации; недостаточно, следовательно, поставить все вопросы, на которые должен ответить историк, чтобы получить полную картину прошлого. Подробное изучение фактов потребует более детальных вопросов, различных смотря по свойству фактов, людей и общества, подлежащих изучению. Чтобы формулировать их, можно начать отмечать частные вопросы, возникающие при самом чтении документов; но для классификации этих вопросов и часто даже для пополнения их перечня необходимо прибегать к приему методического исследования. Между различными, хорошо известными (путем ли точного наблюдения или из истории) родами фактов, личностями и обществами, отыскивают такие, которые похожи на факты, лица или общество, подлежащие изучению. Анализируя готовые уже рамки (cadres) знания для этих известных случаев, видят, какие нужно ставить себе вопросы по поводу аналогичного изучаемого случая. Само собою разумеется, что выбор плана-образца (cadre-modèle) должен быть сделан со знанием дела; к варварскому обществу не следует применять программы исследования (вопросных пунктов), составленной по образцу изучения цивилизованных наций, не следует стре-

миться, например, исследовать, какие агенты в феодальном домене соответствовали нашим министрам, как это Бутарик (Boutaric) в своей работе об управлении Альфонса графа Пуату.

Такой вопросный метод, благодаря которому все историческое построение покоится на приеме *a priori*, был бы недопустим, если бы история была действительно экспериментальной наукой; быть может, его найдут даже смелым по сравнению с апостериорным методом естественных наук. Но оправдание его очень просто: это единственно применимый метод в истории, да другого никогда и не существовало. Как только историк пожелает привести в порядок факты, содержащиеся в документах, он прежде всего создает, на основании имеющегося у него знания человеческих поступков, план изложения (*cadre d'exposition*), что равносильно формулировке ряда вопросных пунктов, или же принимает план кого-нибудь из своих предшественников, выработанный путем такого же приема. Когда эта работа совершается бессознательно, план получается неполный и сбивчивый. Таким образом, дело идет не о том, чтобы решить, как нужно оперировать — с помощью или без помощи *a priori* выработанного ряда вопросов, потому что без него нет возможности обойтись, — выбор приходится делать между бессознательным, сбивчивым и неполным рядом вопросов, с одной стороны, и сознательным, полным и точным, с другой.

VI. Теперь можно наметить план исторического построения, определить ряд синтетических процессов, необходимых для возведения научного здания.

Критический анализ документов дает материалы для исторического построения в виде разрозненных исторических фактов. Историк сначала воображает их себе по образцу фактов настоящего, предполагая последние аналогичными фактам прошлого. Он старается, комбинируя отдельные черты, заимствованные из реальности, получить образ, наиболее похожий на тот, какой даю бы непосредственное наблюдение факта прошедшего времени. Это первый синтетический процесс, неразрывно связанный с самым чтением документов. Мы отказались от намерения посвятить ему особую гла-

ву, думая, что достаточно здесь выяснить его характер¹.

Полученные указанным выше путем факты группируются согласно плану, созданному по образцу совокупности явлений, наблюдаемой в действительности, предполагая, что совокупность явлений настоящего аналогична с совокупностью явлений прошлого. Это второй процесс; он выполняется с помощью ряда вопросов и приводит к выделению из массы разнородных исторических фактов однородных частей, пока все исторические факты прошлого не будут сгруппированы в одну цельную картину. После того, как все факты, извлеченные из документов, бывают размещены соответственным образом, всегда оказываются очень значительные пробелы, даже огромные для всех частей истории, не изобилующих сохранившимися документами. Историк пытается заполнить некоторые из этих пробелов в рядах фактов посредством умозаключений (*raisonnements*), исходя из достоверно известных фактов. Это третий синтетический процесс, увеличивающий массу исторических знаний путем логической работы.

Но и после этой работы получается только масса фактов, расположенных в известном порядке. Их нужно свести к некоторым формулам, чтобы попытаться далее выяснить общие признаки отношения. Это четвертый процесс. Он приводит к окончательным выводам и венчает историческое построение с научной точки зрения.

Так как передача другим исторического знания, крайне сложного и громоздкого по своей природе, отличается исключительной трудностью, то остается еще отыскать приемы изложения результатов исторической работы.

VII. Не трудно понять, что указанный ряд процессов никогда не выполнялся в совершенстве. Этому мешали материальные трудности, не принимаемые во внимание методологическими теориями, трудности, которым нужно, однако, взглянуть прямо в лицо, чтобы посмотреть, насколько они непреодолимы.

Исторические операции, начиная от нахождения доку-

¹ См. выше, с. 204—207.

мента до конечного формулирования вывода, так многочисленны и требуют таких тщательных предосторожностей, таких природных способностей и столь разнообразных навыков, что один человек не может выполнить всей работы своими единичными усилиями ни по одному вопросу. История, менее чем всякая другая наука, может обходиться без разделения труда, а между тем она менее всех других наук прибегает к нему. Случается, что ученые, специалисты по отдельным отраслям исторических знаний, пишут общие истории, сочиняя факты по воле своего воображения¹, и лица, занимающиеся историческими построениями, оперируют с материалами, не удостоверившись предварительно в их ценности². Это происходит от того, что разделение труда предполагает соглашения между работниками, а в исторической науке такого соглашения не существует. Каждый, исключая подготовительных операций внешней критики, поступает по своему личному вдохновению, не руководясь общим методом и не заботясь о всей совокупности работы, среди которой должен занять место и его личный труд.

Ни один историк не может с полной уверенностью воспользоваться выводами другого историка, как это делают ученые, занимающиеся точными науками, потому что он не знает, при помощи каких приемов добыты эти выводы. Наиболее добросовестные доходят до того, что, прежде чем согласиться с каким-либо выводом, продлевают сами всю необходимую работу над документами; так поступал Фуостель де Куланж. Такая чрезмерная требовательность может быть удовлетворена, да и то с трудом, когда дело касается очень плохо известных периодов исторической жизни, относительно которых сохранилось лишь незначительное число документов, содержащихся в нескольких томах, а между тем, возвели в догмат, что историк никогда не должен работать из

¹ Курциус в своей *Греческой истории*, Моммсен в своей *Римской истории* (до времен империи), Лампрехт в своей *Истории Германии*.

² Достаточно указать на Огюстена Тьерри, Мишле и Карлейля.

вторых рук¹. Однако последнее делается необходимостью, когда документы слишком многочисленны и не могут быть все прочитаны; об этом, впрочем, не говорится из боязни скандала.

Лучше было бы откровенно сознаться в действительном положении дела. Такая сложная наука, как история, где прежде, чем формулировать вывод, приходится, обыкновенно, накапливать факты миллионами, не может основываться на подобном вечном пачизации снова. Историческое построение не делается прямо по документам, точно так же как история „не пишется по рукописям“ на одном и том же основании — ради сбережения времени. Чтобы двигать вперед науку, нужно комбинировать выводы, добытые тысячами частных работ.

Как же, однако, быть, если заранее известно, что метод, примененный в большинстве работ, сомнителен, если не прямо неправилен? Чрезмерная доверчивость так же неизбежно привела бы к ошибке, как чрезмерное недоверие приводит к бессилию. Самое лучшее, в данном случае, читать работы историков с теми же самыми критическими предосторожностями, с какими читают документы. Природный инстинкт побуждает искать в этих работах главным образом выводы и принимать последние, как установленные истины; следует же, наоборот, при помощи беспрерывного анализа, искать в них факты доказательства, отрывки документов, короче сказать — материалы. Вся работа автора будет, таким образом, проделана вновь, но гораздо скорее, потому что всего больше тратится времени на собиранье материалов; что же касается выводов, то из них будут приняты только те, которые окажутся доказанными.

Глава II. Группировка фактов

Историк, очутившемуся лицом к лицу с хаосом исторических фактов, является прежде всего необходимым огра-

¹ См. у П. Гиро (Guiraud P.) *Fistel de Coulanges* (Paris, 1896. P. 164). (Русск. перевод: М., 1898. Прим. ред. [1899]), очень справедливые замечания относительно такого призывания.

ничить поле своих изысканий. Какие факты выберет он для изучения в океане всемирной истории? Затем, в выбранной массе фактов ему придется различать группы и отделы. Наконец, в каждом отделе придется подбирать факты один к одному. Таким образом, всякое историческое построение должно начинаться с отыскания принципа для выбора, приведения в порядок и включения в известные рамки исторических фактов. Принцип этот можно искать или во внешних условиях, при которых совершались факты, или во внутренней природе самих фактов.

Классификация на основании внешних условий самая простая и легкая. Каждый исторический факт происходит в определенное время и в определенном месте и относится к одному лицу или к целой группе лиц — вот удобные рамки для разграничения и классификации фактов. Таким путем является на свет история какого-либо периода, страны, нации, человека (биография); историки древности и эпохи Возрождения не прибегали ни к какой другой классификации. Подразделения в этом общем плане производятся на основании того же самого принципа, и факты подбираются в порядке времени, места или групп. Что касается выбора фактов, подлежащих классификации по этим планам, то это производили долгое время, не руководствуясь никаким определенным принципом: историки выбирали, по своему личному усмотрению, из фактов, совершившихся в известный период времени, в известной стране или у известного народа все, что казалось им интересным и любопытным. Тит Ливий и Тацит рассказывали внееремжку с войнами и революциями о наводнениях, эпидемиях и рожденьях уродов. Классификация на основании природы фактов ввелась весьма поздно и привилась очень медленно; она зародилась вне истории, в специальных отраслях изучения некоторых сторон человеческой деятельности: языка, литературы, искусств, права, политической экономии, религии, которое сначала было догматическим и мало-помалу стало историческим. На основании руководящего принципа этой классификации выбираются и группируются вместе факты, относящиеся к одному роду действий, причем каждая из таких групп становится мате-

риалом для специальной отрасли истории. Совокупность фактов распределяется, таким образом, по общим рубрикам (саяет), которые могут быть построены a priori, рассматривая в целом всю человеческую деятельность, и представляют собою ту общую программу вопросов (questionnaire), о которой говорилось в предыдущей главе.

Помещаемая ниже таблица представляет собою попытку общей классификации исторических фактов¹, основанной на характере условий и проявлений человеческой деятельности.

I. Материальные условия. 1) Изучение организма. А. Антропология (этнология), анатомия и физиология, аномалии и патологические особенности. В. Демография (количество населения, пол, возраст, рождаемость, смертность, болезни). 2) Изучение среды. А. Естественная географическая среда (рельеф, климат, воды, почва, флора и фауна). В. Искусственная среда (культура растений, постройки, пути сообщения, орудия и т.п.).

II. Духовный быт. 1) Язык (словарь, синтаксис, фонетика, семиотика), Письменность. 2) Искусства: А. Пластические искусства (условия творчества, понятия, приемы, произведения). В. Изобразительные искусства, музыка, танцы, литература. 3) Науки (условия научной работы, методы, выводы). 4) Философия и нравственность (понятия, правила, действительное применение). 5) Религия (верования, обряды)².

III. Материальный быт. 1) Материальная жизнь: А. Питание (питательные продукты, приправы, возбуждаю-

¹ Классификация г. Лакomba (Lacombe) (*De l'histoire considérée comme science*, Chap. VI), основанная на побудительных причинах действий и потребностях, которым они должны удовлетворять, с философской точки зрения очень справедлива, но не отвечает практическим нуждам историков; она покоится на отвлеченных психических категориях (мотивы экономический, половой, симпатический, мотив чести) и сваливает в одно целое очень отдаленно друг от друга проявлятели человеческой деятельности (военные учреждения рядом с экономической жизнью).

² Религиозные учреждения составляют часть правительства; в немецких учебниках „Древностей“ они фигурируют между учреждениями, между религия относится в них к искусствам.

шие вещества). В. Одежда и украшения. С. Животноводство и домашняя утварь. 2) Частная жизнь: А. Превращение времени (туалет, уход за телом, принятие пищи). В. Общественный церемониал (похороны, свадьба, празднества, этикет). С. Развлечения (спорт и охота, зрелища и игры, собрания, путешествия).

IV. Экономический быт. 1) Добывающая промышленность: А. Земледелие и разведение домашнего скота. В. Разработка минеральных богатств. 2) Промышленность обрабатывающая. Транспорт и разные виды промышленности¹ (технические приемы, разделение труда, пути сообщения). 3) Торговля: обмен и продажа, кредит. 4) Распределение: режим собственности, переход из одних рук в другие, договоры, распределение продуктов.

V. Общественные учреждения. 1) Семья: А. Организация, власть, положение женщин и детей. В. Экономическая организация². Семейная собственность, право наследования. 2) Воспитание и образование (использование, личный состав). 3) Общественные классы (принцип деления, отношения между ними).

VI. Государственные учреждения. 1) Политические учреждения: А. Верховная власть (личный состав, процедура). В. Администрация, ведомства (военное, судебное, финансовое) и т.д. С. Выборные власти, собрания, избирательные корпорации (полномочия, процедура). 2) Духовные учреждения (те же вопросы). 3) Международные учреждения: А. Дипломатия. В. Война (военные обычаи и военное искусство). С. Частное право и международная торговля.

Группировка фактов по их характеру соединяется с группировкою по времени и месту, где они происходили, так, чтобы в каждой серии были отделы хронологические, географические или национальные. История одного какого-либо рода явлений (языка, живописи, правительства) подраз-

¹ Транспорт относится часто в рубрику торговли, но в действительности составляет один из видов промышленности.

² Собственность — учреждение смешанное: экономическое, общественное и политическое.

деляется на историю отдельных периодов, стран, наций (история греческого языка в древности, история французского правительства в XIX веке).

На основании тех же самых принципов устанавливается порядок, в котором размещаются факты. Необходимость располагать факты один за другим принуждает принять за правило методическую последовательность (*une règle méthodique de succession*). Можно излагать последовательно или все факты, происшедшие в одно и то же время, или в одной и той же стране, или все факты одного и того же рода. Всякий исторический материал может быть распределен согласно трем различным порядкам: порядку хронологическому (порядок времени), порядку географическому (порядок местностей, часто совпадающий с порядком наций) и порядку по родам действий, называемому обыкновенно порядком логическим. Придерживаться исключительно одного какого-нибудь из этих порядков невозможно: в каждом хронологическом изложении приходится делать отступления в сторону географического или логического порядка, переходить от одной страны к другой, от одного рода фактов к другому и обратно. Но всегда следует решать заранее, какой порядок классификации будет господствующим, в отношении которого другие будут только подразделениями.

Выбор между этими тремя порядками очень затруднителен; делая его, нужно принимать во внимание предмет исследования и род публики, для которой оно предназначается.

II. Как только начинают сортировать исторические факты для классификации, тотчас же наталкиваются на вопрос, вызывающий горячие споры.

Каждый человеческий акт по своему свойству есть индивидуальный, преходящий факт, совершающийся в один только момент и в одном месте, так что каждый факт единственный в своем роде. Но каждый акт человека походит на другой акт его же самого или других людей той же группы, и часто сходство бывает настолько велико, что эти действия смешивают и обозначают одним наименованием; такие сходные акты, непреодолимо группирующиеся в человеческом уме, называют привычками, обычаями, учреждениями.

Все это не что иное, как умышленные построения, но они с такою силою навязываются человеческому уму, что многие становятся обязательными правилами; привычки эти представляют собою коллективные факты, обладающие известной прочностью и известной распространенностью. Исторические факты можно, следовательно, рассматривать с двух противоположных точек зрения, отмечая, что есть в каждом факте индивидуального, частного, преходящего или что имеется в нем коллективного, общего, продолжительного. В первом понимании история есть непрерывное повествование о происшествиях с людьми прошлого; во втором — это картина последовательно изменяющихся привычек человечества.

На этой почве велась, в особенности в Германии, борьба между сторонниками истории цивилизации (Culturgeschichte)¹ и историками по профессии, остававшимися верными старинной традиции; во Франции велась борьба между историей учреждений, нравов и идей и историей политической, которую ее противники презрительно называли „военной историей“ (l'histoire-bataille).

Это несогласие объясняется разницей в документах, которыми обыкновенно пользовались историки этих двух партий. Историки, занимавшиеся, главным образом, политической историей, видели индивидуальные и скоропреходящие действия правителей, где очень трудно уловить какую-либо общую черту. В специальных историях, наоборот (исключая истории литературы), документы свидетельствуют только об общих фактах, о форме языка, о церковном обряде, о юридическом законе; нужно особое усилие воображения, чтобы представить себе человека, произнесшего это слово, совершавшего этот обряд, применявшего этот закон.

В этом споре нет надобности становиться на чью-либо сторону. Полное историческое построение предполагает изучение фактов с обеих указанных точек зрения. Картина духовного и материального быта людей составляет, очевидно,

¹ Для ознакомления с историей и библиографией этого движения см. Bernheim E. Op. cit. S. 45—55.

важную часть истории. Но тем не менее, если бы соединить все действия всех индивидуумов, с целью вывести заключение, что в них есть общего, у нас всегда бы остался остаток, который мы не имели бы права отбросить, потому что он представлял бы собою часто исторический элемент; остаток этот и объясняется тем, что некоторые действия бы действиями одного человека или одной группы людей в определенный момент. В плане исторического построения, ограниченном одними общими фактами политической жизни, не было бы места для фарсальской победы или для взятия Ватлинии, как фактов случайных, скоропреходящих, но без них история римских или французских учреждений не была бы понятной.

Таким образом, история вынуждена соединять изучение общих фактов с изучением некоторых частных. Она имеет смешанный характер, средний между знанием общих явлений и повествованием о происшествиях. Трудность отнести эту повесть к одной из категорий человеческой мысли часто выражалась в рсбическом вопросе: есть ли история искусство или наука?

III. Общий план классификации, изложенный нами выше, может служить для установления всех родов привычки (обычаев, учреждений), историю которых можно пытаться изучить. Но прежде чем применить этот общий план к какой бы то ни было группе исторических привычек: языку, религии, частным обычаям или политическим учреждениям, нужно всегда разрешить один предварительный вопрос: кто собственно придерживался тех привычек, которые имеются в виду изучать? Они были свойственны большому числу индивидуумов, и это собрание индивидуумов с одними и теми же привычками мы называем группой. Первым условием для изучения привычки является, следовательно, определение придерживавшейся ее группы. Здесь нужна большая осторожность, так как малейшая оплошность при определении группы может повредить всему историческому построению.

Существует естественная склонность представлять себе человеческую группу по образцу групп животных, как сово-

кулность совершенно похожих друг на друга людей. Бедот группа, соединенную очень поверхностным признаком: нацию, связанную одним официальным правительством (римляна, англичан, французов), народ, говорящий одним языком (греков, германцев), и производят изучение, как будто бы все члены таких групп во всех отношениях походили друг на друга и имели одинаковые обычаи.

На деле, ни одна реальная группа, даже централизованное общество, не представляет собою однородного целого. Для большей части человеческой деятельности — языка, искусства, науки, религии, экономической жизни — группа остается подвижной. Что такое группа людей, говорящая по-гречески, христианская группа, группа новейшей науки? Даже группы, установленные официальной организацией, — государства и церкви — представляют собою только кажущееся единство, в действительности же состоят из разнородных элементов. В состав английской нации входят валлийцы, шотландцы, ирландцы; католическая церковь состоит из верующих, рассеянных по всему миру и отличающихся друг от друга во всем, кроме религии. Не существует такой группы, все члены которой имели бы одинаковые привычки во всех отношениях. Один и тот же человек является одновременно членом многих групп и в каждой группе различается от своих товарищей. Француз из Канады представляет собою одновременно члена: британского государства, католической церкви и группы людей, говорящих на французском языке. Таким образом, группы перемешиваются одни с другими, делая невозможным деление человечества на вполне различные, рядом стоящие общества.

Встречающиеся в исторических документах наименования групп, употреблявшиеся современниками, в большинстве случаев основываются только на поверхностном сходстве. Прежде чем принимать их, следует поставить себе за правило их критиковать и определять с точностью характер и размер группы, задаваясь вопросами: из каких людей группа состояла? какие узлы их соединяли? какие у них были общие привычки и какими родами деятельности они отличались друг от друга? Только тогда станет ясно, для каких форм бы-

та данная группа может обозначать рамки исследования, причем придется выбирать род группы сообразно роду изучаемых фактов. Для изучения интеллектуальных привычек (языка, религии, искусства, науки) придется брать за образец не являющуюся как политическое целое, но группу людей, придерживавшихся сообща этих привычек; для изучения экономических фактов — группу, связанную общностью экономических условий; политическую группу придется прибегать для изучения социальных и политических фактов, раса¹ же будет устранена вполне.

Если в известных отношениях группа и является однородной, то никогда этого не замечается вполне; она разделяется на подгруппы, члены которых отличаются друг от друга некоторыми второстепенными привычками; язык делится на наречия, религия на секты, нация на народности. И обратно, одна группа может походить на другие и приближаться к ним по многим своим качествам; в общей классификации можно распознавать „семьи“ языков, искусств, народов. Нужно, следовательно, задаваться такими вопросами: как подразделялась группа? часть какого целого она составляла?

Тогда становится возможным изучать методически привычку или даже совокупность привычек в данное время и в данном месте, следуя приведенному выше списку. Со стороны метода дело не представляет никаких трудностей для всех родов фактов, являющихся в форме индивидуальных и произвольных привычек, каковы: язык, искусство, наука, понятия, частные обычаи; тут достаточно констатировать, в чем состояла каждая привычка. Следует только стараться различать персонал, создававший или поддерживавший привычки (художников, ученых, философов, творцов моды) и перени-

¹ Нет необходимости доказывать бесполезность понятия „раса“ (race). Оно применялось к неопределенным группам, образованным нацией или языком, потому что расы историков (греческая, римская, германская, кельтская, славянская) не имели ничего общего, кроме названия, с расою в антропологическом смысле, представляющей группу людей, наделенных по существу одинаковыми признаками. Она была приведена к абсурду, благодаря злоупотреблению со стороны Тэнна. Хорошую критику понятия расы можно найти у Лакomba (Lacombe P. Op. cit. Chap. XVIII) и у Робертсона (Robertson, *The Scythian and the Celt*, London, 1897).

маншую их массу.

Но когда приходится изучать социальные или политические привычки (называемые учреждениями), то встречаются новые условия, создающие неизбежную иллюзию. Члены одной и той же социальной или политической группы имеют не только привычку к сходным действиям, но действуют друг на друга посредством взаимных действий: они поведывают друг друга, принуждают и содействуют один другим. Привычки становятся отношениями между членами группы; если они древнего происхождения, формулированы в официальные правила, признаны обязательными фактической властью и за выполнением их следит специальный персонал, то они занимают такое место в жизни, что производят на людей, их выполняющих, впечатленье внешних реальностей. Сами люди, специализировавшиеся на выполнении известных занятий или обязанностей, ставших господствующими привычками их жизни, кажутся сгруппированными в различные категории (классы, корпорации, церкви, правительства), и эти категории кажутся реальными существами или, по меньшей мере, органами, на каждый из которых возложена определенная обязанность в реальном существе, представляющем собою общество. По аналогии с телом животного описывают „строение“ (structure) и „функционирование“ общества или даже его „анатомию“ и его „физиологию“. Это, конечно, только метафоры. Структура общества — это обычай и правила, распределяющие занятия, пользовавшиеся благами и обязанности между людьми; функционирование — это обычные действия, при помощи которых каждый человек вступает в сношения с другими людьми. Если находят удобным употреблять эти термины, то следует помнить, что за ними скрываются только привычки.

Тем не менее, изучение учреждений обязывает задаваться специальными вопросами о личностях и лежащих на них обязанностях.

При изучении общественных учреждений и экономических условий быта следует исследовать, каково было в действительности разделение труда и разделение на классы; какие существовали профессии и классы, как они составлялись

в каких отношениях находились между собою члены различных профессий и классов. При изучении политических учреждений, освященных обязательными законами и фактической властью, выдвигается два новых ряда вопросов: 1) Каков был персонал, облеченный властью? Когда власть разделена, нужно исследовать распределение функций, анализировать персонал по его различным группам (высший и подведомственный, центральный и местный) и различать специальные учреждения. Для каждого рода правящих лиц нужно задаваться вопросом: как они набирались? Какова была их официальная власть и их способы действия? 2) Каковы были официальные постановления? Их форма (обычай, повеления, закон, прецеденты)? Их содержание (предписания права)? Способ их применения (процедура)? И в особенности, как выполнялись эти постановления на практике (злоупотребления властью, эксплуатация, столкновения между агентами власти, не соблюдавшими постановления)?

Выяснив все факты, дающие картину жизни одного общества, остается только перенести это общество в совокупность обществ одной и той же эпохи. Это дало бы возможность изучить международные учреждения, интеллектуальные, экономические, политические (дипломатию, военные обычаи); здесь пришлось бы ставить те же вопросы, как и при изучении политических учреждений. Это изучение следовало бы дополнять исследованием привычек, общих многим обществам, и отношений, не принимающих официальных форм. Но это одна из частей исторического построения, всего менее подвинувшихся вперед.

IV. Вся эта работа позволяет воспроизвести картину человеческой жизни в известный момент; она знакомит с состоянием общества (по-немецки Zustand). Но история не ограничивается изучением одновременных фактов, взятых в состоянии покоя (часто говорят — в статическом состоянии). Она изучает также состояния общества в различные моменты и констатирует различия между этими состояниями. Привычки человечества и условия его материальной жизни изменяются в различные эпохи; даже тогда, когда они кажутся сохранившимися в прежнем виде, они все-таки не

остаются вполне тождественными. Нужно исследовать эти изменения, и это значит — изучать факты в их последовательности.

Для исторического построения наиболее интересны те из этих изменений, которые совершаются в одном и том же смысле¹, так что путем постепенных изменений обычай или состояние общества преобразуется в иной обычай или различное от первоначального состояние или, выражаясь точнее, люди одной эпохи придерживаются привычек, сильно отличающихся от привычек их предшественников, но пережив никакого внезапного переворота. Это — эволюция.

Эволюция совершается во всех человеческих привычках. Для исследования ее достаточно ответить на вопросы, прилагавшиеся к воспроизведению картины общества. В отношении всех фактов, условий, обычаев, персонала, облеченного властью, официальных постановлений ставится вопрос: какова была эволюция данного факта?

При изучении эволюции какого-либо факта требуется: 1) установить факт, эволюцию которого имеют в виду изучить; 2) определить время, в течение которого она совершалась; период времени должен быть выбран так, чтобы преобразование было очевидным и чтобы вместе с тем оставалась связь между точкою отправления и конечною точкою исследования; 3) установить последовательные моменты эволюции; 4) исследовать, каким способом она совершалась.

V. Содержание истории не может быть исчерпано даже полным рядом состояний всех обществ и всех их эволюций. Остаются единичные факты, без которых нельзя обойтись, потому что они объясняют происхождение обществ и начало эволюций. Как изучать учреждения и эволюцию Франции, не говоря ничего о покорении Галлии Цезарем и о нашествии варваров?

Эта необходимость изучения единичных фактов послужила поводом к утверждению, что история не может быть наукою, потому что предметом всякой науки должны быть

¹ Относительно того, какое место должно быть отведено в истории изменениям в противоположном смысле, т.е. колебаниям, приводящим ход вещей обратно к точке отправления, существует разногласие.

не частные, а общие явления. В данном случае история имеет сходство с геологией, космографией, наукой о видах животных: она не есть отвлеченное знание отношений между фактами, а объяснительное изучение (étude explicative) действительности; действительность же эта существовала только один раз. Была одна только эволюция земли, животной жизни, человечества. В каждой из этих эволюций факты, следовавшие один за другим, были не продуктом абстрактных законов, а продуктом стечения в каждый данный момент многих различного рода фактов. Это стечение обстоятельств, называемое иногда случаем, производило ряд происшествий, которые определили собой особый ход эволюции¹. Чтобы понять эволюцию, нужно изучить эти случайности; здесь история оказывается в одинаковом положении с геологией и палеонтологией.

Таким образом, научная история может обратиться к случайностям (accidents), собранным основанной на предании историей по литературным соображениям, потому что они поражали воображение авторов, и утилизировать их при изучении эволюции. Можно, следовательно, изыскивать факты, действовавшие на эволюцию каждой из человеческих привычек; каждый случай займет место в свое время в эволюции, на которую он воздействовал. Затем достаточно будет собрать всевозможные роды происшествий и классифицировать их в порядке географическом и хронологическом, чтобы иметь общую картину эволюции.

Поступая таким образом, мы получим сверх специальных историй, где факты подобраны по чисто отвлеченным категориям (искусство, религия, частная жизнь, политические учреждения), общую конкретную историю, которая соединит различные специальные истории, показав эволюцию целого, господствовавшую над всеми специальными эволюциями. Каждый из различных родов фактов, изучаемых отдельно (религия, искусство, право, государственное устройство), не образует собою замкнутого мира, где факты

¹ Теория случайности обработана положительным образом Курно (Сурно) в *Considerations sur le marche des idées et des événements dans les temps modernes*. 2 t. Paris. 1872.

развивались бы последовательно, при помощи известного рода внутренней силы, как склонны воображать специалисты. Эволюция обычая или учреждения (языка, религии, церкви, государства) есть не что иное, как метафора: обычай — это абстракция; абстракция не развивается последовательно; развиваются последовательно (эволюционируют), в собственном смысле этого слова, только конкретные существа (*êtres*)¹. Если обнаруживается изменение в обычае, то это значит, что придерживавшиеся его люди переменялись. Люди же не делятся на непроницаемые отделы (религиозные, юридические, экономические), где происходили бы внутренние изолированные явления; случай, меняющий их положение (*état*), изменяет одновременно и самые разнородные их привычки.

Вторжение варваров оказало одновременно влияние на язык, частную жизнь, политические учреждения. Нельзя следовательно, понятие эволюции, замкнувшись в специальной отрасли истории; наоборот, специалист, желающий написать полную историю только своей отрасли, должен заглядывать за пределы своей специальности в область общих событий. В том-то и состоит заслуга Тэна, что он заявил, по поводу английской литературы, что литературная эволюция зависит не только от литературных событий, но и от общих фактов (*faits généraux*).

Общая история единичных фактов сложилась раньше специальных историй. Она представляет собою собрание всех фактов, не занявших места в специальных историях, и сокращается по мере того, как создаются и выделяются из нее специальные отрасли исследования. Так как общие факты имеют, главным образом, политический характер и так как их труднее организовать в специальную отрасль, то общая история оказалась в сущности смешанной с политиче-

¹ Лампрехт (*Lamprecht*) в пространной статье *Was ist Kulturgeschichte*, напечатанной в *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (*Neue serie* Bd. I. 1896) пытался обосновать историю цивилизации на теории коллективной души общества, которая будто бы производит «социально-политические» явления, свойственные целому обществу и различные в каждый отдельный период. Это не более как метафизическая гипотеза.

ской историей (*Staatengeschichte*)¹. Таким образом, политические историки были вынуждены становиться пионерами в деле разработки общей истории и сохранять в своих историях все общие факты (переселения народов, религиозные реформации, изобретения и открытия), необходимые для понимания эволюции.

Чтобы написать общую историю, нужно отыскать все факты, которые могут объяснить либо состояние общества, либо одну из его частных эволюций, потому что они произвели в нем перемены. Факты эти должны быть самого разнородного характера, они должны касаться перемещения населения, художественных, научных, религиозных, технических нововведений, смены правящего персонала, революций, войн, открытий новых стран.

Важно, чтобы факт имел решающее действие. Ввиду этого не следует поддаваться естественной склонности делить факты на крупные и мелкие. Странно как-то допускать, что ничтожные причины могут порождать важные следствия, что погреб Клеопатры мог оказывать влияние на судьбу Римской империи. Но отвращение это не имеет никакого реального основания и происходит от предвзятого взгляда на управление миром. Во всех науках, изучающих явления эволюции, встречаются частные факты, служащие исходною точкою целого ряда великих преобразований. Табун лошадей, вывезенный испанцами, населил всю Южную Америку. Во время наводнения ствол дерева может преградить течение потока и изменить вид долины.

В эволюции человечества встречаются великие преобразования, не имеющие другой понятной причины, кроме одного частного случая².

Англия в XVI столетии три раза меняла религию вследствие смерти государя (Генриха, Эдуарда, Марии)³. Важ-

¹ Наименование истории национальной, введенное благодаря патристическим тенденциям, обозначает то же самое; история наций на деле совпадает с историей государства.

² См.: Compt. Op. cit. T. I. P. IV.

³ Авторами допущена определенная неточность. Первая смена религии в Англии произошла не после смерти Генриха VIII (1547 г.), а при его жизни.

ность событий должна измеряться не значением начального факта, но значением фактов, явившихся его следствием. Нельзя, следовательно, а priori отрицать действия отдельных личностей и устранять частные факты. Нужно исследовать, находилась ли личность в положении, дававшем ей возможность оказывать сильное воздействие. Этого можно ожидать в двух случаях: 1) когда действие лица служило примером для массы людей и создало традицию, — случай, часто встречающийся в искусстве, науке, религии и технике; 2) когда лицо обладало властью отдавать приказания и давать направление массе людей, как случается с главами государства, армии, церкви. В таких случаях эпизоды из жизни одного человека становятся важными фактами.

Таким образом, в плане истории нужно уделять место личностям и событиям.

VI. При всяком изучении последовательных фактов является необходимость определить себе начальный и конечный пункты работы, чтобы иметь возможность вычлени из огромной массы фактов известные хронологические пласты; эти пласты составляют периоды; построение их так же старо, как сама история. В них чувствуется потребность не только в общей истории, но и в специальных историях, как только изучается достаточно продолжительное время, чтобы эволюция была чувствительна. Средство для разграничения периодов дают события.

В специальных историях, религии, какие изменения привычек должны считаться за самые глубокие, признают эти изменения за обозначающие собою дату в эволюции и затем исследуют, какое событие их произвело. Событие, производящее образование или изменение привычки, становится началом или концом периода. Эти краевольные события бывают иногда однородными с теми фактами, эволюция ко-

ни. В 1534 г. он провел Реформацию, в результате которой на смену католицизму пришло англиканство. Католицизм снова стал господствующей религией в Англии в 1553—1554 гг. после смерти сына Генриха VIII Эдуарда VI, когда королевой стала его сестра Мария. После смерти Марии (1558 г.) к власти пришла Елизавета I, восстановившая в 1559 г. англиканство. *Ред.* 2004.

торых изучается, т. е. фактами литературными в истории литературы, фактами политическими в политической истории. Но всего чаще они принадлежат к фактам другого рода, и специальная история бывает вынуждена заимствовать их из всеобщей истории.

Во всеобщей истории периоды должны определяться сообразно с эволюцией многих родов фактов; приходится отыскивать события, обозначающие период одновременно в нескольких отраслях человеческой деятельности (вторжение варваров, Реформация, Великая французская революция). Тогда является возможность построить периоды, общие нескольким отраслям эволюции, для которых началом и концом служит одно и то же событие. Так производилось традиционное деление всемирной истории. Выделение подпериодов (*sous-périodes*) достигается с помощью того же самого приема, принимая за их границы события, произведшие второстепенные изменения. Построенные, таким образом, на основании событий периоды бывают неодинаковой продолжительности. Этот недостаток симметрии не должен внушать беспокойства: период не должен представлять собою определенного количества лет, но время, потраченное на отдельную часть эволюции. Эволюция же не представляет собою правильного движения: проходит долгий ряд лет без всякого значительного изменения, затем наступают моменты быстрого преобразования. Это различие послужило поводом Сен-Симону для деления периодов на органические (с медленным изменением) и критические (с быстрым изменением).

Глава III. Рассуждение при историческом построении

I. Документы никогда не доставляют всех исторических фактов, необходимых для заполнения всего плана исторического построения; имеющиеся налицо факты не дают прямого ответа на многие вопросы, часто недостает необходимых черт для того, чтобы нарисовать полную картину состояния общества, эволюции или отдельных событий. Чувствуется непреодолимая потребность пополни эти пробелы.

Когда недостает какого-либо факта в известном ряду в науках, основанных на непосредственном наблюдении, то его стараются установить путем нового наблюдения. В истории, не располагающей этим средством, пытаются увеличить знание, прибегая к рассуждению (*raisonnement*). Исходя из фактов, известных по документам, стараются вывести заключение о новых фактах. Такой способ знания законен, если рассуждение ведется правильно.

Но опыт показывает, что из всех приемов исторического знания всего труднее вести правильно рассуждение и что смутно именно обязаны своим происхождением наиболее важные ошибки в истории. Рассуждением нужно пользоваться, лишь приняв заранее все меры предосторожности, чтобы никогда не терять из виду опасности.

1) Никогда не следует смешивать рассуждение с анализом документа; когда позволяют себе вводить в текст документа то, что не высказано прямо автором, то пополняют автора, заставляя его говорить то, чего он не хотел сказать¹.

2) Никогда не следует смешивать факты, добытые непосредственно из документов, с результатами рассуждения. Когда утверждают факт, известный только путем рассуждения, не должны давать повода думать, что он найден в документах, а обязаны предупреждать, при помощи какого приема он добыт.

3) Рассуждение должно вестись всегда сознательно, иначе оно легко может быть неправильным. Достаточно принудить себя вести рассуждение согласно правилам логики; в неправильном рассуждении обшая посылка бывает обыкновенно достаточно чудовищной, чтобы заставить отступить от дальнейшей работы.

4) Если рассуждение оставляет хоть малейшее сомнение, не следует пытаться делать вывод; процесс должен оставаться в форме предположения, ясно отличающейся от окончательных приобретенных выводов.

5) Никогда не следует возвращаться к предположению и

¹ Выше, на с. 146, мы уже указывали на эту погрешность против мето-

пытаться превратить его в уверенность. Наибольшими шансами на точность обладает первое впечатление; размышляя над предположением, осваиваются с ним и в заключение находят его более обоснованным, чем вначале, между тем как в действительности только больше к нему привыкают. Неудачные заключения свойственны людям, долго размышляющим над незначительным числом текстов.

Существует два способа вести рассуждение: один отрицательный, другой положительный; рассмотрим каждый из них в отдельности.

II. Отрицательное рассуждение, называемое также „аргументом молчания“ (*argument du silence*), отправляется от отсутствия указания на факт¹. Из того обстоятельства, что факт не был упомянут ни в каком документе, делают заключение, что он не существовал; это доказательство применяется ко всякого рода фактам, всякого рода обычаям, эволюциям, событиям. Оно основывается на впечатлении, выражающемся в жизни в простом изречении: „если бы это случилось, об этом бы знали“; оно предполагает положение, которое должно бы формулироваться так: „если бы факт существовал, то был бы указывающий на его существование документ“.

Чтобы иметь право так рассуждать, нужно было бы, чтобы всякий факт наблюдался и отмечался письменно и чтобы все указания на него сохранились; между тем, большинство написанных в свое время документов затерялось и большинство происходящих фактов не записывается. Рассуждение было бы ложным в большинстве случаев; нужно, следовательно, ограничить его только теми случаями, где предполагаемые им условия осуществлены.

1) Документ, упоминающий о факте, должен отсутствовать не только в настоящее время, но и в прошлом. Если документы утрачены, то нельзя делать никаких выводов. Довод молчания (*argument du silence*) должен, следовательно, упот-

¹ Обсуждение этого аргумента, бывшего некогда в большом ходу в исторической религии, сильно занимало древних авторов, писавших о методологии, и теперь еще занимает большое место у Smeit P. de *Principes de la critique historique*.

рбляться тем реже, чем больше затерялось документов, он может гораздо меньше служить для древности, чем для XIX столетия. Чтобы избавиться от этого ограничения, была сделана попытка признать, что утраченные документы держали ничего интересного; если они затерялись, говор некоторые, то это означает, что не стоило труда их охранять. На деле, всякий рукописный документ находится во власти малейшей случайности: от случая зависит, сохранится он или затеряется.

2) Нужно, чтобы факт был такого свойства, что его по неволе должны были наблюдать и отметить. Из того, что факт не был отмечен, не следует еще, что его не видели. Как только организуется собиране какого-либо рода фактов, всегда констатируют, насколько эти факты повторяются чаще, чем думали, и сколько случаев проходили незамеченными или оставались незаписанными. Такой участи подвергались случаи землетрясений, бешенства и т.п. Сверх того, много фактов, даже хорошо известных современникам, остаются неотмеченными, потому что официальные власти мешают их разглашать; это всего чаще случается в отношении тайных правительственных действий и жалоб низших классов населения. Такое ничего не доказывающее молчание производит сильное впечатление на недалёковидных историков; оно служит началом сильно распространенного софизма о „добром старом времени“. Ни один документ не разоблачает злоупотреблений должностных лиц или жалоб крестьян: это значит, что все шло правильно и никто не страдал. Прежде чем выводить следствие из молчания, следовало бы задать себе вопрос: мог ли неупомянутый факт пройти незамеченным для авторов находившихся в нашем распоряжении документов? Доказательно не отсутствие всякого документа о факте, но молчание о нем в документе, где он должен был быть упоминается.

Отрицательное рассуждение ограничено, таким образом, ясно определенными случаями: 1) автор документа, где факт не упомянут, хотел систематически отмечать все факты такого рода и должен был все их знать. (Тацит старался перечислить все народы Германии; „Достоверные замечания“

(*Notitia dignitatum*) указывают все провинции империи; отсутствие в этих списках одного народа или одной провинции доказывает, что они тогда не существовали). 2) Если бы факт существовал, то он настолько импонировал бы воображению автора, что поневоле вошел бы в его представления. (Если бы существовали правильные народные собрания у франков, то Григорий Турский не мог бы представить себе и описать жизнь франкских королей, не упомянув о них).

III. Положительное рассуждение отправляется от факта (или отсутствия факта), установленного документами, чтобы сделать вывод о другом факте (или его отсутствии), не указанном в документах. Оно является применением основного принципа истории, аналогии настоящего человечества с прошлым человечеством. В настоящем наблюдается, что человеческие факты связаны между собою. Когда происходит известный факт, то за ним следует также и другой, или потому, что первый служит причиной второго, или потому, что он является его следствием, или потому, что оба они служат следствиями одной и той же причины. Признается, что и в прошлом подобные факты таким же образом были связаны между собою, и эта вероятность укрепляется непосредственным изучением прошлого по документам. Из одного факта прошлого можно, следовательно, вывести заключение, что происходили и другие, связанные с ним факты.

Такое рассуждение применяется ко всякого рода фактам, обычаям, преобразованиям, частным случаям. Отправляясь от всякого известного факта, можно попытаться сделать вывод о неизвестных фактах. Человеческие же действия, имеющие все свою причину в одном общем центре, которым является человек, все связаны между собою, причем связь существует не только между однородными, но и между самыми разнородными фактами. Существует связь не только между отдельными фактами в области религии, нравов, политики, но и между фактами из области религии и фактами из области искусства, политики, нравов, так что из фактов одного какого-либо рода можно делать вывод о фактах всех других родов.

Исследовать связь между фактами, которые могут слу-

жить базисом для рассуждений, значило бы нарисовать картину всех известных отношений между человеческими актами, т.е. перечислить все установленные эмпирически законы социальной жизни. Это такая обширная работа, что ее хватило бы на целую книгу¹. Мы ограничимся здесь указанием общих правил рассуждения и тех предосторожностей, какие следует принимать против самых обычных ошибок.

Рассуждение покоится на двух положениях: одном — общем, заимствованном из хода человеческих дел; другом — частном, заимствованном из документов. На практике приходится начинать с частного положения, т.е. с исторического факта. Например: Саламин носит финикийское название. Затем идут общую посылку. Язык наименования города есть язык народа, основавшего город. Отсюда — вывод: Саламин, город с финикийским наименованием, был основан финикийцами.

Чтобы заключение было верно, необходимы два условия:

1) Общее положение должно быть точно; два факта предполагаемые им стоящими в связи друг с другом, должны действительно находиться в такой зависимости один от другого, чтобы второй никогда не происходил без первого. Если бы это условие было действительно выполнено, то получался бы закон в научном смысле этого слова; но в области фактов из жизни человечества, исключая материальные условия существования, законы которых установлены точными науками, приходится оперировать только с эмпирическими законами, добытыми путем довольно грубых констатирований целой совокупности фактов без анализа отдельных фактов, дающего возможность выделить их причины. Такие эмпирические законы бывают почти точными только в тех случаях, когда они касаются совокупности многочисленных фактов, потому что не вполне хорошо известно, в какой мере каждый из них необходим, чтобы вызвать следствие. Объяснение языка наименования города слишком мало обосновано, что-

¹ Эту именно работу пытался выполнить Моисеес в *Духе законов*. В одном из курсов, читанных в Сорбонне, я пытался наметить эскиз этой картины. (Ш.Сеньобос).

бы быть всегда точным. Петербург — немецкое наименование. Сиракузы в Америке — название греческое. Нужно знать другие условия, чтобы быть уверенным, что наименование было связано с национальностью основателей. Итак, следует оперировать только с обоснованным положением.

2) Для того, чтобы общее положение было обоснованным, самый частный исторический факт должен быть известен подробно; так как только установивши его, можно искать общий эмпирический закон, необходимый для рассуждения. Нужно, следовательно, начинать с изучения частных условий известного явления (положения Саламина, привычек греков и финикийцев) и оперировать не над подробностью, а над целым.

Таким образом, в историческом рассуждении должны быть налицо: 1) точное общее положение, 2) обстоятельное знание фактов прошлого. Нельзя хорошо оперировать, допустив ложное общее положение, позволив себе думать, например, как Отюстен Тьерри, что всякая аристократия имеет своим началом завоевание. Нельзя также оперировать хорошо, начав рассуждать, отправляясь от изолированной подробности (названия города). Самое свойство происходящих отсюда ошибок указывает на необходимые предосторожности.

1) Самопроизвольно мы берем за базис рассуждения «истины здравого смысла», составляющие еще почти все наше знание остальной жизни; но большинство из них отчасти ложно, потому что знание социальной жизни еще не выработалось. В особенности эти истины опасны тем, что мы употребляем их бессознательно. Самой надежной предосторожностью в этом случае служит постоянная формулировка явного закона, на основании которого имеется в виду построить рассуждение: всякий раз, когда происходит такой-то факт, наверно произойдет и другой. Если это предположение очевидно ложно, то это сейчас же будет замечено; если оно очень общее, то будет видно, какие нужно к нему добавить новые условия, чтобы оно стало точным.

2) Самопроизвольно мы стараемся выводить заключения из малейшего отдельного факта (или скорее, представление о

каждом факте пробуждает в нас тотчас же, по ассоциации, представление о других фактах). Это естественный прием литературной истории. Каждая черта жизни автора дает материал для размышлений; путем предположения выясняют себе все влияния, каким он мог подвергаться, и признают, что он им подвергался. Все отрасли истории, изучающие факты одного какого-нибудь порядка, изолированного от других порядков (языка, искусства, частного права, религии), подвержены той же опасности, потому что они видят только обрывки человеческой жизни, а не всю ее совокупность.

Между тем положительными выводами могут быть только выводы, основанные на совокупности явлений. Нельзя давать диагноз на основании одного симптома: необходима совокупность симптомов. Ради предосторожности не следует оперировать над изолированной подробностью или отвлеченным фактом. Следует представлять себе людей среди главных условий их жизни.

Нельзя ожидать, чтобы условия, необходимые для верного умозаключения, часто оказывались налицо; мы слишком мало знаем законы социальной жизни и слишком редко нам бывает известны точные подробности исторического факта. Вследствие этого большинство умозаключений дают только вероятность, но не уверенность. Но в отношении умозаключений можно сказать то же, что и в отношении документов¹. Когда многие вероятности совпадают между собою по смыслу, они подтверждают друг друга и порождают законную уверенность. История пополняет часть своих пробелов накоплением умозаключений. Остаются сомнения о финикийском происхождении многих греческих городов, но не остается сомнения относительно присутствия финикийцев в Греции.

Глава IV. Построение общих формул

I. Если бы были классифицированы по методическому плану все исторические факты, установленные анализом до-

¹ См. выше, С. 194—195.

кументов и путем умозаключений, то получилось бы ясное, обоснованное описание всей истории; труд, касающийся установления фактов, был бы окончен. Но должна ли успокоиться на этом история? Вопрос этот вызвал оживленные споры и решения; его нельзя избежать, потому что это практический вопрос.

Эрудиты, привыкшие собирать все факты, не отдавая лично ни одним из них предпочтения, склонны требовать, главным образом, полного, точного и объективного собирания фактов. Все исторические факты имеют одинаковое право на место в истории: сохранять одни из них, как более важные, и устранять другие, как менее важные, значило бы делать субъективный выбор, зависящий от личного уменения; история не должна жертвовать ни одним фактом.

Этому очень рациональному пониманию можно противопоставить только одну материальную трудность, а именно невозможность создать и передать другим полное знание. Но этого практического соображения, играющего роль во всех науках, впрочем, вполне достаточно. История, в которой не был бы опущен ни один факт, должна бы была содержать в себе все действия, все мысли, все приключения всех людей, во все различные моменты. Это было бы полное знание, которого никто не мог бы охватить не за недостатком материалов, но за недостатком времени. На такую участь обречены уже слишком многотомные сборники документов; так, например, сборники парламентских дебатов содержат в себе всю историю собраний, но на то, чтобы отыскать ее там, не хватило бы человеческой жизни.

Всякая наука должна принимать в соображение практические условия жизни, но крайней мере постольку, поскольку они предназначаются стать действительным знанием, знанием, доступным изучению. Всякий взгляд, затрудняющий знание, мешает развиваться науке.

Наука есть экономия времени и усилий, достигнутая при помощи приема, делающего факты доступными быстрому изучению и понятными; она состоит в медленном собирании множества частных фактов и подведении их под удобные и неоспоримые формулы. Истории, изобилующей подробно-

стями более, чем всякая другая отрасль знания, приходится выбирать одно из двух: быть полной, но недоступной для изучения, или быть доступной для изучения, но неполной. Все другие науки избрали второе: они сокращают и излагают сжато свои данные, предпочитая подвергаться риску изувечить и произвольно комбинировать факты, чем наверняка не быть в состоянии ни понять их, ни передать другим. Эрудиты предпочли замкнуться в древних периодах истории, где случай, уничтоживший почти все источники, избавил их от ответственности за выбор фактов, не оставив им почти никаких способов их узнать.

История, чтобы стать наукою, должна обрабатывать факты, предоставляемые ей в виде сырого материала. Она должна сжать их в описательные качественные и количественные формулы. Она должна отыскать связь между фактами, образующую последний вывод всякой науки.

II. Сложные и разнообразные факты человеческой жизни не могут быть сведены к нескольким простым формулам, как химические факты. История, как и все науки о жизни, нуждается в описательных формулах для выражения свойства различных явлений.

Формула должна быть краткой, чтобы удобно было ею пользоваться; она должна быть точной, чтобы давать верное понятие о факте. Между тем, точность знания о фактах человеческой жизни достигается только путем изучения характерных подробностей, потому что только они одни дают возможность понять, чем один факт отличался от других и что в нем было своеобразного. Таким образом, является противоречие между потребностью сокращать, ведущей к отыскиванию конкретных формул, и необходимостью оставаться точным, ставящей в обязанность брать подробные формулы. Слишком краткие формулы делают науку неясной и обманчивой, слишком длинные формулы загромождают ее и делают бесполезной. Избежать этой альтернативы удастся только при помощи непрерывного компромисса, принцип которого заключается в том, чтобы сокращать факты, устраняя все, что не строго необходимо, для того, чтобы их себе представить, и вовремя воздерживаться от сокращения, лишь только

последнее грозит отнять у факта его отличительную особенность.

Этот трудный сам по себе процесс осложняется еще состоянием фактов, которые требуется формулировать. Согласно характеру документов, откуда берутся исторические факты, они обладают всеми различными степенями определенности, начиная с подробного рассказа мельчайших эпизодов (битва при Ватерлоо) до упоминания одним словом (победа австралийцев¹ при Тестри). Мы имеем множество бесконечно друг от друга отличающихся подробностей о фактах одного и того же свойства, смотря по тому, дают ли нам документы полное описание событий или ограничиваются одним упоминанием о них. Как соединить в одно целое знания, точность которых до такой степени различна? Факты, переданные одним только общим и неясным словом, трудно передать в менее общих и более определенных выражениях; если же, не зная подробностей, добавлять их по догадке, то получится исторический роман. Таким образом и поступал Эюстен Тьерри в своих „Рассказах из времен Меровингов“. Подробно переданные факты всегда легко сообщить в более общих выражениях, отбросив при передаче отличительные детали; так поступают авторы сокращенных историй. Но в результате вся история обратилась бы в массу неясных общих мест, одинаковых для всех времен, исключая собственных имен и чисел. Чтобы свести все факты к одной степени общности, их пришлось бы обратить в состояние наименее известных фактов, что привело бы к очень вредной симметрии. Необходимо, следовательно, чтобы описательные формулы сохраняли всегда отличительные черты фактов в тех случаях, когда документы сообщают подробности.

Для построения этих формул нужно вернуться к ряду вопросов, выработанных для группировки фактов, ответить на каждый из них, затем сопоставить ответы. После этого факты можно будет резюмировать в несколько возможно сжатую и определенную формулу, тщательно стараясь при-

¹ Одна из составных частей государства франков называлась Австралия. Прим. ред. [1899].

давать каждому слову точный смысл. Это вполне естественно, — скажут нам, и тем не менее здесь это не только способ изложения, необходимый для того, чтобы быть понятным читателям, а предосторожность, которую автор должен принимать ради самого себя. Чтобы справиться с такими трудно уловимыми фактами, как социальные, необходим ясный, точный язык: без хорошего языка не может быть совершенного историка.

Самое удобное употреблять как можно более описательные и конкретные выражения: их смысл всегда ясен. Естественно было бы не обозначать коллективных групп иначе, как коллективными именами, а не отвлеченными существительными (королевство, государство, демократия, реформация, революция) и избегать олицетворения отвлеченных понятий. Поступая так, думают, что употребляют только метафору, и увлекаются силой слов. Отвлеченные термины, конечно, представляют большой соблазн: они придают предложению научный вид. Но это только одна внешность, под которой живо может проскользнуть схоластик; слово, не имеющее конкретного смысла, представляет собою простое сочетание звуков (таковы, например, словотворная сила, о которой говорит Мольер). До тех пор, пока понятия об общественных явлениях не будут переложены в действительно научные формулы, будет более научным выражать их общепринятыми терминами.

Чтобы построить формулу, нужно заранее знать, какие элементы должны в нее входить. Тут следует различать общие факты (привычки и эволюции) и единичные (события).

III. Общие факты состоят из часто повторяющихся действий, свойственных многим людям. Нужно определить их свойства, распространенность и продолжительность.

Чтобы формулировать свойства, собирают все черты, определяющие известный факт (привычку, учреждение) и отличающие его от другого. В ту же самую формулу включают все очень сходные отдельные случаи, оставляя в стороне частные изменения.

Такая концентрация производится без всякого условия.

Когда дело касается таких внешних привычек, как язык, письмо и все интеллектуальные навыки. Практиковавшие их люди формулировали уже эти привычки, и историк достаточно собрать эти формулы. То же самое можно сказать и о всех учреждениях, осязаемых точно формулированными законами (регламенты, законы, частные статуты). Благодаря этому специальные истории первые обогатились методическими формулами. Зато их формулы обнимают только поверхностные, условные факты, но не действительные действия или действительные модели в языке — писанные слова, а не действительное произношение; в религии — догматы и обряды, но не действительные верования массы общества; в морали — признанные правила, но не действительные понятия; в учреждениях — официальные постановления, но не действительное их применение. Во всех этих отраслях исторического изучения знание условных формул должно со временем дополниться изучением действительных привычек.

Гораздо труднее охватить в формуле привычку, сложившуюся из реальных действий, как это мы видим в экономической, частной и политической жизни; здесь необходимо, изучая разнообразные действия, отыскать общие признаки, составляющие привычку; или, если эта работа выполнена уже в документах и резюмирована в формуле (что обыкновенно и бывает), то нужно произвести критику этой формулы, чтобы удостовериться, действительно ли она обнимает собою однородную привычку.

Такая же трудность представляет построение формулы какой-либо группы; необходимо описать признаки, общие всем членам группы, и найти точно обозначающее ее коллективное наименование. В документах нет недостатка в наименованиях групп; но так как эти наименования порождены обычаем, то многие из них плохо соответствуют действительным группам; необходимо подвергать их критике, определять с точностью, а часто и исправлять их смысл.

Эта первая работа должна дать формулы, выражающие условные и действительные признаки всех привычек различных групп.

Для определения распространенности привычки

нужно отыскать самые отдаленные пункты, где она проходила (мы получим, таким образом, площадь ее распространения), и район, где она встречается всего чаще (центр). При этой работе приходится иногда прибегать к составлению карты (например, карты французских курганов (tumuli) и дольменов). Следует также обозначать, какие группы лиц придерживались той или другой привычки, и подгруппы, в которых она отличалась наибольшей интенсивностью.

Формула должна также обозначать продолжительность существования привычки. Необходимо отыскивать крайние случаи, когда появляется впервые и исчезает совсем форма, доктрина, обычай, учреждение, группа. Но недостаточно указать только два изолированных случая, самый древний и самый новейший; нужно определить также период, когда данная привычка играла наиболее деятельную роль.

Формула эволюции должна показывать последовательные изменения привычки, определяя с точностью пределы распространенности и продолжительности каждого из изменений. Затем, сравнивая совокупность изменений, можно будет построить формулу общего хода эволюции; эта формула покажет, где и когда началась и кончилась эволюция и в каком направлении она совершалась. Все эволюции совершаются при наличии некоторых общих условий, позволяющих проследить их последовательность. Всякая привычка (обычай или учреждение) вначале бывает самопроизвольным действием нескольких индивидуумов; когда другие люди начинают подражать этим действиям, они становятся обычаями. Точно также общественные дела ведутся вначале персоналом, берущим их на себя добровольно, затем заведование ими принимают на себя другие лица и становятся официальным персоналом. Это первая фаза: личная инициатива, подражание и добровольное принятие массой. Добровольно принятый обычай, ставший традиционным, превращается в обязательное правило; добровольный персонал, ведающий общественные дела, став постоянным, преобразуется в персонал, облеченный властью употреблять нравственное или материальное принуждение. Это фаза традиции и власти; она

очень часто бывает последней и длится до разрушения общества. Но вот обычай ослабевает, законы нарушены, правящему персоналу отказано в повиновении; это фаза возмущения и разложения. Наконец, в некоторых цивилизованных обществах наступит время, когда закон подвергается критике, правящий персонал порицанию, часть населения предписывает рациональное преобразование и надзор за правящим персоналом; это фаза реформы и контроля.

IV. Что касается единичных фактов, то одна формула не может охватить нескольких фактов такого рода, потому что каждый из них происходит только раз. Тем не менее, необходимость побуждает прибегать к сокращению: невозможно передавать в истории всех действий всех членов какого-либо собрания или всех должностных лиц государства. Приходится жертвовать многими лицами и многими фактами.

Как же производить выбор? Личные вкусы или патриотизм могут побудить отдавать предпочтение симпатичным личностям и местным событиям; но один только руководящий принцип для выбора может быть общим для всех историков: это — роль, сыгранная событием или лицом в эволюции человечества. Необходимо давать место в истории лицам и событиям, оказавшим явное воздействие на ход эволюции. Отличительным признаком таких лиц и событий служит то, что нельзя изобразить эволюции, не говоря о них. К таким людям относятся лица, изменившие состояние общества, либо как творцы или инициаторы какой-нибудь привычки (художники, ученые, изобретатели, основатели, апостолы), либо как руководители движения, главы государств, партий, армий. К таким событиям принадлежат факты, произведшие изменения в привычках или состоянии общества.

Для построения описательной формулы исторической личности нужно выбирать черты в ее биографии и привычках. Из биографии личности нужно заимствовать факты, определившие ее карьеру, образовавшие ее привычки и приведшие к поступкам, при помощи которых она оказала воздействие на общество. Такими фактами служат физиологические условия (сложение, темперамент, состояние здоро-

вья)¹, воспитательные влияния, которым подвергалась личность, и общественные условия. История литературы приучила нас к такого рода изысканиям.

При изучении привычек человека нужно выделять его основные понятия в области тех фактов, на которые он оказывал воздействие, его взгляд на жизнь, его знания, его преобладающие вкусы, его обычные занятия и способы поведения. Из этих, до бесконечности разнообразных деталей, образуется впечатление „характера“, и собрание таких отличительных черт составляет „портрет“ или, как любят в настоящее время выражаться, „психологию“ личности. Такая работа, пользующаяся почетом еще и теперь, ведет свое начало с того времени, когда история была одним из видов изящной литературы; сомнительно, чтобы она могла стать научным приемом. Нет вполне верного метода резюмировать характер даже живого человека, а тем более это трудно, когда его приходится изучать косвенным путем по документам. Споры относительно истолкования поведения Александра² служат хорошим примером этой неизвестности.

Если, тем не менее, кто-либо отважится отыскивать формулу характера, то должен будет остерегаться двух естественных соблазнов: 1) Не следует строить характер на основании заявлений самой изучаемой личности. 2) Изучение вообразимых персонажей (драмы и романа) приучило нас искать логической связи между различными чувствами и различными действиями человека; в литературе характер создается логически. При изучении действительных людей не следует стараться отыскивать цельности характера. Мы меньше рискуем этим в отношении людей, наблюдаемых нами в современной жизни, потому что видим много черт, которые не вместились бы в связную формулу. Но отсутствие документов, при изучении исторических личностей, скрывая от нас те черты, которые могли бы нас стеснять, побуждает уста-

¹ Мишле (Michelet I.) дискредитировал исследование физиологических влияний благодаря чрезмерному злоупотреблению ими в последней части своей *Histoire de France*; тем не менее, оно необходимо для понимания жизни личности.

² Александра Великого. *Прим. ред.* [1899].

навливать, в известном порядке, по образцу театральных характеров, то небольшое количество черт, какое имеется в нашем распоряжении. Благодаря этому великие люди древности кажутся нам более логичными, чем наши современники.

Как построить формулу события? Непреодолимая потребность упрощения побуждает нас соединять под одним наименованием громадную массу мелких фактов, замеченных разом, между которыми мы смутно чувствуем связь (битва, война, реформа). Соединяются, таким образом, обыкновенно все действия, способствовавшие одному и тому же результату. Так образуется обыкновенное понятие о событии, и у нас нет более научного. Нужно, следовательно, группировать факты согласно их результату; факты, не оставившие по себе видимых результатов, исчезают, остальные сливаются между собою, смотря по одинаковым результатам, и составляют события.

Для того, чтобы описать событие, нужно определить с точностью 1) его характер, 2) его протяжение.

1) Характер события — это черты, отличающие его от всякого другого события, причем здесь должны приниматься во внимание не только внешние условия времени и места, но также и то, каким образом совершалось событие и его непосредственные причины. Вот указания, какие должна содержать формула. Один или несколько человек при наличии такого-то душевного настроения (их взгляды и мотивы действия), действуя в таких-то материальных условиях (местность, орудие), совершили такие-то поступки, имевшие последствием такое-то изменение. Для определения мотивов поступков не существует другого приема, кроме сопоставления поступков, с одной стороны, с заявлениями лиц, их совершивших, с другой, с истолкованием этих поступков людьми, побуждавшими их совершить. Часто возникает сомнение, именно когда дело происходит на почве полемики между партиями: каждый объясняет поступки своей партии благородными побуждениями, а поступки противной партии низкими мотивами. Но поступки, описанные без указания мотивов, были бы непонятными.

2) Протяжение события должно определяться в пространстве (местность, где оно совершилось, а также местность, затронутая его прямыми следствиями) и во времени (момент, когда событие началось, и момент, когда был достигнут результат).

V. Описательные формулы признаков, будучи только качественными, дают одно отвлеченное представление о фактах; количество необходимо, чтобы представить себе, какое место эти факты занимали в действительности. Не безразлично, практиковался ли известный обычай сотнями или миллионами людей.

Для формулирования количества имеется в наличии несколько приемов, один несовершеннее другого, достигающих цели все с меньшей и меньшей точностью. Вот эти приемы в порядке убывающей точности:

1) Мера (la mesure) — прием вполне научный, потому что равные цифры обозначают строго точные величины. Но для этого необходимы общие единицы меры, а таковые имеются только для времени и для вещественных фактов (длины, поверхностей, тяжести). Указание цифр производства и денежных сумм составляет существенную часть экономических и финансовых фактов. Но психические факты остаются вне всякой меры.

2) Исчисление (le dénombrement), представляющее собою статистический прием¹, применяется ко всем фактам, имеющим обща определенный признак, которым пользуются для их подсчета. Соединенные, таким образом, в одной цифре факты не однородны; они могут иметь только один общий признак, отвлеченный (преступление, тяжесть) или условный (рабочий, квартира); цифра подсчета подсказывает только, в скольких случаях встречался данный признак; но она не обозначает однородного целого. Человек склонен смещивать число и размер и воображать, что он знает факты с научной точностью, потому что можно было применить к ним цифры; следует остерегаться такой иллюзии и не при-

¹ Относительно статистики, представляющей собою вполне сложившийся метод, хорошее резюме и библиографию см.: *Handwörterbuch der Sozialwissenschaften*. Jena, 1890—1894.

нимать цифру переписи населения или армии за меру их значения¹. Исчисление дает, тем не менее, необходимое указание для построения формулы известной группы. Но оно ограничено случаями, когда можно знать все однородные единицы в данных границах, потому что сначала их надо отметить, а затем подсчитать. Прежде, чем предпринять ретроспективное исчисление, следует удостовериться, что документы достаточно полны для того, чтобы дать все единицы, которые требуется подсчитать. Что же касается цифр, представляемых документами, то к ним следует относиться с недоверием.

3) Приблизительное исчисление или оценка (Révaluation), производимое в ограниченной части поля исследования, в том предположении, что и в остальном поле соотношения будут одни и те же. В истории приходится часто прибегать к этому способу, когда имеется налицо неравномерное количество документов. Получающийся вывод сомнителен, если нет уверенности в том, что исчисленная часть в точности похожа на другие части.

4) Типическое исчисление (échantillonnage), ограниченное несколькими единицами, взятыми в различных местах поля исследования; вычисляется отношение случаев, где встречается данный признак (положим, 90 на 100) и допускается, что отношение будет одинаковое для всей совокупности случаев; когда есть несколько категорий, вычисляется отношение между этими категориями. Прием этот применим в истории ко всякого рода фактам, либо для установления отношения различных форм или различных обычаев в известный период времени или в данной местности, либо для определения соотношения различного рода чисел в разнородных группах. Он даст приблизительное понятие о повторяемости фактов и об отношении элементов общества; он может также показать, какого рода факты встречаются всего чаще вместе, а следовательно, кажутся имеющими между собою связь. Для правильного применения этого приема

¹ Как Бурдо (Bourdeau, *L'Histoire et les Historiens*, Paris, 1888), предельной свести всю историю к ряду статистических данных.

исходимо, чтобы исследуемые образцы были типичными для целого, а не для одной его части, могущей находиться в исключительных условиях. Их нужно, следовательно, выбирать в очень различных пунктах и условиях так, чтобы исключения уравновешивались. Недостаточно брать образцы для исследования в отдаленных друг от друга пунктах, например, на различных границах страны, потому что самый факт существования образца на границе есть исключительное условие. Для проверки могут служить приемы антропологов, устанавливающих средние данные.

5) Обобщение (*généralisation*) есть не что иное, как инстинктивный способ упрощения. Подметив в предмете известный признак, распространяют его на все другие немного походящие предметы. Благодаря сложности фактов во всех областях человеческих действий и отношений обобщения делаются бессознательно; обыкновенно распространяют на целый народ привычки нескольких индивидуумов или первой попавшейся группы народа, которую удалось узнать; распространяют на целый период привычки, констатированные в какой-нибудь один исторический момент. Это одна из самых главных причин ошибок в истории, она действует повсюду: при изучении обычаев, учреждений, даже при оценке нравственности народа¹. Обобщение покоится на смутном представлении, что все факты, смежные или сходные в каком-нибудь пункте, сходны и во всех остальных пунктах. В сущности это не что иное, как плохо выполненное бессознательное изучение по типам. Его можно, следовательно, сделать правильным, поставив в условия хорошо построенного типического исследования. Нужно исследовать случаи, на основании которых хотят делать обобщения, и задаться вопросом: какое имеют право обобщать, т. е. какое имеется основание предполагать, что констатированный в этих случаях признак будет встречаться в тысячах других случаев, что эти случаи будут равны среднему?

Единственно законным основанием может быть то, что эти случаи типичны для целого. Таким образом, приходится

¹ См. хороший пример у Лакомба (*Lacombe, Op. cit. P. 146*).

возвращаться к методическому приему типического исследования.

Оперировать следует таким образом: 1) Нужно точно определить поле, в котором считают возможным сделать обобщение (т. е. допустить сходство всех случаев), разграничить страну, группу, класс, эпоху, в отношении которых будет делаться обобщение. Следует остерегаться брать слишком большое поле для обобщения, смешивая часть с целым (греческий или германский народ со всей совокупностью греков или германцев). 2) Нужно удостовериться, что факты, содержащиеся в поле исследования, сходны в тех пунктах, на основании которых хотят обобщать; а следовательно, остерегаться неопределенных наименований, прикрывающих очень различные между собою группы (христиане, французы, арийцы, романские народы). 3) Нужно удостовериться, что случаи, на основании которых будет делаться обобщение, типичны. Необходимо также, чтобы они действительно входили в поле исследования, так как случается принимать за образец одной группы людей и факты другой группы. Не следует, чтобы они имели исключительный характер, что можно ожидать от всех случаев, происходящих при исключительных условиях. Авторы документов склонны оказывать в своих повествованиях предпочтение тому, что их изумляет, вследствие чего исключительные случаи занимают в документах место, не соответствующее их действительному количеству; это одна из главных источников ошибки. 4) Число образцов, необходимых для обобщения, должно быть тем более велико, чем меньше причин сходства между всеми случаями, входящими в поле исследования. Оно может быть невелико, когда изучаются такие стороны человеческой природы или отношений, где люди склонны сильно походить друг на друга, либо по подражанию или договору (язык, обычаи, церемонии), либо вследствие обычаев или обязательных постановлений (общественные учреждения, политические учреждения в тех странах, где властям подчиняются беспрекословно). Оно должно быть значительно больше при изучении фактов, где сильнее проявляется личная инициатива (искусство, наука, нравственность); при изучении частных

отношений обобщение обыкновенно даже невозможно.

VI. Описательные формулы ни в одной науке не служат завершением работы. Остается еще распределить факты так, чтобы охватить их во всей совокупности и исследовать отношения между ними, т.е. сделать общие заключения. Истории, по причине несовершенства своих приемов, нуждается еще в одной предварительной операции, имеющей целью выяснить значение достигнутых знаний¹.

Критическая работа дала нам только массу отдельных замечаний относительно ценности знания, достигнутого благодаря историческим документам. Нужно соединить вместе все эти замечания. Для этого берется целая группа фактов, классифицированных в одних и тех же рамках, — род фактов, страна, период, событие — и резюмируются результаты критики отдельных фактов, с целью получить общую формулу. Следует рассматривать: 1) объем, 2) ценность нашего знания.

1) Прежде всего, ставится вопрос, каковы пробелы, оставленные документами? Следя за общим рядом вопросов, выработанных для группировки фактов, не трудно констатировать, о каком роде фактов у нас нет сведений. Относительно эволюции, придерживаясь того же приема, мы легко заметим, каких звеньев недостает в цепи последовательных изменений; относительно событий — каких недостает нам эпизодов, каких групп деятелей, какие побуждения остаются для нас неизвестными, какие факты выступают перед нами как бы без начала и исчезают как бы без конца. Мы должны составить себе, по крайней мере, мысленно картину нашего не-

¹ Нам казалось бесполезным обсуждать здесь, должна ли история, согласно эрастину древности, выполнять еще другую функцию, а именно, должна ли она судить события и людей, т.е. сопровождать описание фактов выражением одобрения или порицания, либо во имя общего или частного нравственного идеала (идеала секты, партии, нации), либо с практической точки зрения, рассматривая, как Полибий, хорошо или плохо были комбинированы исторические действия в видах их успеха. Такое дополнение могло бы делаться во всех описательных изложениях: натуралист мог бы выражать свою симпатию или антипатию к животному, порицать тигра за хищность, хвалить привязанность курицы к своим птенцам. Но очевидно, что истории, как и всякой другой области знания, этот суд должен быть чужд.

вежества, чтобы напомнить себе расстояние, отдаляющее нас от знания совершенного.

2) Ценность нашего знания зависит от ценности наших документов. Критика показала нам ценность документов в отдельности для каждого случая; ее нужно резюмировать в нескольких чертах для всей совокупности фактов. Откуда мы почерпнули наше знание — из непосредственного наблюдения, из писаной или устной передачи? Владеем ли мы несколькими различно освещенными передачами или одной? Владеем ли разнородными документами или однородными? Какие имеются в нашем распоряжении сведения: неопределенные или точные, подробные или краткие, литературные или достоверные, официальные или секретные?

При построении обыкновенно склонны пренебрегать выводами критики документов, забывать о том, что имеется несовершенное и сомнительное в нашем знании. Сильное желание увеличить насколько возможно массу наших сведений и заключений побуждает нас освобождаться от всяких ограничений критики. Благодаря этому риск составить себе, на основании отрывочных и подозрительных сведений, такое представление о совокупности явлений как будто бы мы располагаем полною их картиною — очень велик. Обыкновенно очень легко забывают о существовании фактов, не описанных документами (фактов экономических, положения рабов в древности), и отводится гораздо более важное место хорошо известным фактам (греческому искусству, римским надписям, средневековым монастырям). Инстинктивно оценивается значение фактов по количеству свидетельствующих о них документов. Забывается об особенном характере документов, а если они все одного и того же происхождения, то упускается из виду, что они подвергли факты одинаковому искажению и что общность их происхождения делает контроль невозможным; покорно сохраняется окраска передачи фактов (римская, оргодоксальная, аристократическая).

Чтобы избавиться от этих естественных склонностей, достаточно принять за правило — раньше всякой попытки вывести общее заключение сделать общий обзор фактов и их передачи.

VII. Описательные формулы выражают особое свойство каждой небольшой группы фактов. Чтобы получить общее заключение, нужно соединить все эти отдельные выводы в одну общую формулу. При этом следует сопоставлять не одни только изолированные подробности или второстепенные признаки¹, но группы фактов, сходных между собою по совокупности признаков.

Таким образом, получается связанное целое из однородных фактов (учреждений, человеческих групп, событий), и определяются, согласно указанному выше методу, характерные признаки: распространенность, продолжительность, количество или значение. Образовав все более и более общие группы, на каждой новой ступени обобщения отбрасывают несходные признаки и удерживают признаки, свойственные целому ряду явлений. Такая работа продолжается до тех пор, пока дойдут до признаков, общих всему человечеству.

В выводе получается формула, выражающая общий характер известного разряда фактов, языка, религии, искусства, экономической организации, общества, правительства, сложного события (каковы, например, вторжение варваров или Реформация).

Пока эти общие формулы будут оставаться изолированными, заключение не является полным, а так как больше невозможно уже их сопоставлять и сливать вместе, то чувствуется потребность сличить их и сделать попытку классифицировать. Пытаться классифицировать формулы можно двумя способами:

1) Можно сравнивать сходные категории специальных фактов, языка, религии, искусства, правительства, беря их во всем человечестве, сравнивая между собою и классифицируя в одно целое наиболее похожие друг на друга категории. Таким путем получаются семьи языков, религий, правительств, которые можно затем попытаться классифицировать в свою очередь. Это будет отвлеченная классификация, изолиро-

¹ Сравнение между двумя частными фактами, принадлежащими к очень различным группам (Абд-аль-Кадир с Югуртой, Натальея со Сфорцей), является быоним в глаза приемом изложения, но не средством прихода к научному выводу.

вая один род фактов из всех остальных родов, отказываясь добираться до их причины. Она имеет то преимущество, что может быть выполнена быстро и дать в результате краткий технический сборник, который может быть удобен для указания фактов.

2) Можно сравнивать действительные группы действительных индивидуумов, брать исторические данные общества и классифицировать их на основании их сходств. Это будет конкретная классификация, аналогичная зоологическим классификациям, где классифицируются не отдельные функции, а животные, взятые в их целом. Правда, группы будут менее разграничены, чем в зоологии; ведь не существует еще и соглашения относительно признаков, на основании которых должно устанавливаться сходство. Будет ли это экономическая или политическая организация, или интеллектуальное развитие? Пока не установлено еще никакого принципа классификации.

История не достигла еще научной классификации целого. Быть может, человеческие группы недостаточно однородны, чтобы давать солидное основание для сравнения, и недостаточно резко разграничены, чтобы давать сравнимые величины.

VIII. Изучение отношений между одновременными фактами заключается в отыскании связующих нитей между всеми разнородными фактами, происходящими в одном и том же обществе. Смутно чувствуется, что различные привычки, мысленно обособленные путем абстракции и классифицированные в отдельные категории (искусство, религия, политические учреждения), в действительности отнюдь не изолированы, имеют общие признаки и настолько связаны между собою, что известное изменение в одном из них влечет за собою изменение и в другом. Такова основная мысль „Духа законов“ Монтескье. Германская школа (Савиньи, Нибуэр) назвала эту связь, именованную иногда consensus, — Zusammenhang. Из этого понятия возникает теория „народного духа“ (Volkgeist), контрафакция которой проникла несколько лет тому назад во Францию под именем „национальной души“ (l'âme nationale). Она же положена в основу

теории „социальной души“ Лампрехта.

Если отбросить все эти мистические концепции истории, то все-таки останется очень смутный, но неоспоримый факт „слиздарности“ между различными привычками одного и того же народа. Чтобы изучить эту связь с точностью, следовало бы ее анализировать, а связь не анализируется. Естественно, стало быть, что эта часть социальных наук осталась убежищем тайны и мрака.

Сравнивая различные общества с тем, чтобы установить, в каких отношениях похожи или отличаются друг от друга те из них, между которыми существует сходство или различие в известном данном отношении (религии, правительства), может быть, можно получить интересные эмпирические выводы. Но чтобы объяснить согласие (consensus), нужно добраться до фактов, порождающих эти сходства или различия, до общих причин различных привычек. Таким образом, является необходимостью отыскивать причины явлений, и исследователь вступает в так называемую философскую историю, потому что она отыскивает то, что некогда называлось философией фактов, т.е. их постоянные отношения.

IX. Существенная потребность всех наук возмущается над простым констатированием фактов и объяснит их собственными причинами и дата, наконец, себя чувствовать и в изучении истории. Отсюда возникли системы философии истории и различные попытки с целью выяснения исторических законов или причин. Мы отказываемся произвести здесь критический обзор этих столь многочисленных в XIX столетия попыток, но постараемся, по крайней мере, указать, какими путями подходили к решению задачи и что помешало достижению ее научного решения.

Самый естественный способ объяснения исторических явлений состоит в признании, что высшая, сверхчувственная причина, Провидение, направляет все исторические знания к предначертанной Богом цели¹. Такое объяснение является

¹ Этой системы придерживаются еще многие современные авторы. Как например, белгийский юрист Лоран (Laurent) в своих *Études sur l'histoire de l'humanité*, немец Рохольц и даже английский специалист по философии истории Флинт.

высшим, как метафизическим завершением научного построения, так как свойство науки заниматься только изучением побудительных причин. Историка, так же как химика или естествоведцу, нет надобности отыскивать первопричину или конечные цели существующего. В настоящее время, на самом деле, и не занимаются больше обсуждением теории Провидения в истории, в ее теологической форме.

Но стремление объяснять исторические факты сверхъестественными причинами (causes transcendantes) продолжает существовать в новейших теориях, где метафизика скрывается под научными формами. Историки XIX в. испытали на себе такое сильное влияние философского образования, что большинство из них, иногда даже помимо желания, вводит в историческое построение метафизические формулы. Достаточно перечислить эти системы и показать их метафизический характер, чтобы серьезные историки стали к ним относиться с осторожностью.

Теория разумного характера истории покоится на идее, что всякий реальный исторический факт в то же самое время разумен (raisonnel), т.е. согласен с разумным планом всего существующего; обыкновенно признается, как нечто подразумеваемое, что всякий социальный факт имеет свое разумное основание (raison d'être) в развитии общества, т.е. что в конце концов все совершается к выгоде общества; это приводит к объяснению причины всякого учреждения общественной потребностью, которой оно должно было отвечать при своем возникновении¹. Такова основная идея гегельянства, если не у самого Гегеля, то, по крайней мере, у его учеников-историков (Ранке, Моммзена, Дройзена, Тэн и Мишле). Идея эта есть не что иное, как форма теории конечных причин. Это утешительное, но не научное априорное положение, так как наблюдение исторических фактов не доказывает ни того, что все всегда происходит наиболее выгодным для человечества или рациональным образом, ни того, что учреж-

¹ Так именно объясняет Тэн (Taine) в своем соч. *Les origines de la France contemporaine* образование привилегий старого режима услугами, оказанными некогда привилегированными классами.

дения имеют иную причину, помимо интересов тех, кто их устанавливает; наблюдение скорее доказало бы обратное.

Из того же метафизического источника вытекает также гегельянская теория идей, осуществляющихся последовательно в истории через посредство сменяющихся друг друга народов. Теория эта, популяризовавшая во Франции Кузеном и Мишле, отжила свой век даже и в Германии, но отголосок ее существует еще, особенно в Германии, в форме исторической миссии (*Beauf*), приписываемой народам или отдельным личностям. Достаточно указать, что самые метафоры „идея“ и „миссия“, содержа в себе трансцендентальную, антропоморфическую причину.

Из того же оптимистического понятия о разумном управлении миром вытекает и теория непрерывного и необходимого прогресса человечества. Теория эта, хотя и принята позитивистами, тем не менее, представляет собою метафизическую гипотезу. В обыкновенном смысле „прогресс“ есть не что иное, как субъективное выражение для обозначения перемен, совершающихся в желательном для нас смысле. Но, даже беря это слово в объективном смысле, приданном ему Спенсером (увеличение разнообразия и координации общественных явлений), изучение исторических фактов не указывает на непрерывный, единый прогресс человечества, оно обнаруживает только перемежающиеся частичные успехи и не дает никакого основания приписывать их постоянной причине, присущей всему человечеству, а не ряду местных случайностей¹.

Более научные попытки объяснения исторического процесса возникли в специальных историях (языков, религий, права). Изучая в отдельности последовательность однородных фактов, специалисты пришли к констатированию правильного возобновления одной и той же последовательности фактов и выразили это в формулах, называющихся иногда законами (например, закон тоического ударения); законы

¹ Хорошую критику теории прогресса можно найти и цитировать у Раболе П. Лакomba (Lacombe P.).

эти — чисто эмпирические, они указывают только последовательность фактов, не объясняя ее, потому что не открывают ее побудительной причины. Пораженные правильной последовательностью фактов, специалисты, естественно, стали рассматривать эволюцию обычаев (слова, обряда, догмата, постановления права) как органическое развитие, аналогичное росту растения; говорили о „жизни слов“, о „вымирании догматов“, о „росте мифов“. Затем, забыв, что все это чистые абстракции, признали, не высказывая этого определенно, силу, присущую слову, обряду, закону, производящую якобы эволюцию. Это теория развития (*Entwicklung*) обычаев и учреждений, пушшая в ход в Германии „исторической школой“, она получила господство во всех специальных историях. Пока одной только истории языка удалось уже почти от нее освободиться¹. Подобно тому, как ассимилировали обычаи с существами, одаренными собственной жизнью, олицетворяли также ряд индивидуумов, составляющих общественные корпорации (сенат, парламент), приписывая ей непрерывную волю, которую рассматривали как действительную силу. Таким образом, позади исторических фактов создавался мир мнимых существ. Чтобы оградить себя от этой обманчивой мифологии, достаточно одного правила: не отыскивать причин исторических фактов, не представляв себе этих фактов конкретным образом, в форме действующих или думающих индивидуумов. Если же думают пользоваться отвлеченными существительными, то нужно избегать всякой метафоры, навязывающей им действия живых существ.

Сравнивая эволюции различного рода фактов в одном и том же обществе, „историческая школа“ была вынуждена констатировать их взаимную связь (*Zusammenhang*). Но прежде, чем начать отыскивать ее причины путем анализа, предположили общую, постоянную причину, которая должна была заключаться в самом обществе. Привыкнув олицетворять общество, стали приписывать ему специальный темпе-

¹ См. очень ясные заявления одного из главных представителей языковедения во Франции В. Апри (Henry V.) *Antinomies linguistiques*, Paris, 1866.

рамент, особый гений нации или расы, проявляющийся в различных областях общественной деятельности и объяснявший их взаимную связь¹. Это было не что иное, как гипотеза, вынужденная животным миром, где каждый род имеет постоянные признаки. Она оказалась недостаточной, потому что, когда пошадобилось объяснить, каким образом одно и то же общество меняло характер в различные эпохи (греки между VII и IV столетиями до н.э., англичане между XV и XIX веками), то потребовалось вмешательство внешних причин. Гипотеза эта бессильна и потому, что все исторические общества являются группами людей, не имеющими антропологического единства и общих наследственных признаков.

Рядом с этими метафизическими и метафорическими объяснениями исторического процесса были сделаны попытки применить к изысканию причин в истории классический прием естественных наук: сравнение параллельных рядов последовательных фактов для выяснения того, какие из них встречаются всегда вместе. „Сравнительный метод“ применялся различными способами. Избирали предмет изучения какое-нибудь частное явление общественной жизни (обычай, учреждение, верование, закон), взятое абстрактно: сравнивали последовательное развитие его в различных обществах так, чтобы определить общую эволюцию, которую можно было бы отнести к одной общей причине. Таким путем сложились сравнительное языковедение, мифология и право. Предполагалось также (в Англии) сделать сравнение более точным, воспользовавшись „статистическим“ методом; дело шло о систематическом сравнении всех известных обществ и подведении статистики всем случаям, где два обычая встречаются вместе. Это принцип таблиц сходства (*tables de*

¹ Лампрехт (*Lamprecht*). *Op. cit.* (S. 213), сопоставив художественную, религиозную, экономическую эволюцию Германии в средние века в констатировав, что эволюция во всех этих областях можно разделить на периоды одинаковой продолжительности, объясняет одновременные преобразования различных обычаев и учреждений в одном и том же обществе „преобразованием коллективной социальной души“. Это только другая форма одной и той же гипотезы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. История есть не что иное, как употребление в дело документов. Сохранение же или утрата документов зависит исключительно от случая. Отсюда господствующая роль случая в составлении истории. Количество существующих документов известно; время, вопреки всем предосторожностям, принимаемым нами, беспрерывно его уменьшает; оно никогда не увеличится. История располагает ограниченным запасом документов; этим самым ограничены и усилия исторической науки. Когда все документы будут известны и подвергнутся операциям, дающим возможность их утилизировать, дело внешней критики исторических документов (*étudition*) будет закончено. В отношении некоторых периодов древней истории, свидетельства о которых очень редки, теперь уже можно предвидеть, что самое большое через одно или два поколения, придется остановиться. Историки будут тогда вынуждены все больше и больше сосредоточиваться на новейших периодах. История не осуществит, следовательно, мечты, заставлявшей в XIX в. романтиков относиться с таким энтузиазмом к ее изучению; она не проникнет в тайну зарождения обществ и, за недостатком документов, начало эволюции человечества останется навсегда закрытым мраком.

Историк не сам путем наблюдения собирает материалы, необходимые для истории, как это делается в других науках: он работает над фактами, переданными ранее жившими наблюдателями. Знание достигается в истории не прямым путем, как в других науках, а косвенным. История не есть, как иногда говорили, наука, основанная на наблюдениях, но наука, основанная на рассуждении (*science de raisonnement*). Для того, чтобы использовать факты, наблюдавшиеся в неизвестных условиях, их следует подвергать критике, и критика состоит из ряда рассуждений по аналогии. Факты, выясненные критикой, бывают изолированы и разрознены; чтобы сделать из них построение, нужно представить их себе и группировать сообразно их сходству с фактами настоящего; этот процесс совершается также при помощи рассуждений по анало-

пать в некоторых отношениях от научной точности и возвращаться к подвергшимся осуждению привычкам прежней историографии. Эти ученые, столь добросовестные и крепотливые, когда дело касается выяснения подробностей, при изложении общих вопросов поддаются своим естественным склоностям, как и самые обыкновенные смертные. Они становятся на сторону одних, порицают, прославляют, прикрашивают и позволяют себе высказывать личные, патристические, нравственные или метафизические соображения. И, сверх всего этого, они стараются, с присущим им талантом, создать художественное произведение. При такой попытке те, у кого нет таланта, смешны, а талант тех, кто его имеет, теряет свою силу вследствие заботы об эффекте.

Само собою разумеется, мы не хотим сказать, что в историческом сочинении „форма“ не имеет значения, или что историк вправе писать несправильным, вульгарным, вялым и тягучим языком, лишь бы быть понятным. Презрение к риторике, поддельным бриллиантам и бумажным цветам не включает требования ясного, точного, красивого стиля. Фюстель де Куланж был писателем, хотя он, в течение всей своей жизни, и сам преследовал метафоры и рекомендовал это другим. Напротив, мы настаиваем, что историк, ввиду крайней сложности явлений, которые он пытается передать, не имеет права плохо писать; он должен всегда хорошо писать и никогда не щеголять стилем (*s'endimancher*).

¹ См. выше С. 245

составление общедоступных книг, подвержены сильному искушению изучить поверхностно несколько новейших монографий, скомбинировать из них наскоро извлечения и для большей привлекательности украсить, насколько возможно, эту смесь „общими идеями“ и красивой внешностью. Искусство это тем более сильно, что большинство специалистов остаются безучастными к составлению общедоступных книг, что они вообще очень прибыльны и что большая публика не в состоянии ясно различать честно выполненный популярный труд от поверхностного. Короче, есть люди, которые не колеблются, как это ни нелепо, излагать сокращенно для других то, чего не потрудились изучить сами, и обучать тому, чего не знают. Поэтому в большинстве общедоступных исторических работ неизбежны всевозможного рода недостатки, всегда с удовольствием подмечаемые образованными людьми со специальной подготовкой, но с удовольствием, смешанным отчасти с горечью, потому что недостатки эти часто видят только они одни. К таким недостаткам принадлежат: заимствования без указания источников, неточные ссылки, искаженные имена и тексты, цитаты из вторых рук, не имеющие никакого значения гипотезы, поверхностные сопоставления, неблагоприятные утверждения, ребяческие обобщения и самые ложные и спорные мнения, высказываемые спокойно авторитетным тоном¹. С другой стороны, люди, эрудиция которых не оставляет желать ничего лучшего, а монографии для специалистов заслуживают всяких похвал, оказываются способными, когда пишут для публики, на серьезные отступления от научного метода. В особенности это в обычае у немцев: взгляните на Моммзена, Дройзена, Курциуса, Лампрехта. Обращаясь к публике, эти авторы всегда высказывают намерение оказать на нее воздействие. Желание произвести сильное впечатление побуждает их отсту-

¹ Трудно вообразить себе, во что могут обратиться под пером небрежных и недобросовестных популяризаторов самые интересные и наиболее обоснованные выводы новейшей критики. Это лучше, тем кто бы то ни было, знает те, кому приходится читать импровизированные „сочинения“ кандидатов на экзаменах по истории: обычные недостатки плохой популяризации бываюи там часто доведены до абсурда.

В. Теоретически нет никакого основания, чтобы исторические сочинения, предназначенные, главным образом, для публики, составлялись в ином духе, чем сочинения, предназначенные для специалистов, и писались иначе, чем последние, под условием упрощений и сокращений, которые называются сами собой. И действительно, существуют ясные, содержательные, прекрасные краткие изложения, где ничего не утверждается такого, что не опиралось бы на солидные ссылки, где вопросы, разработанные наукой, ясно выделены, умеренно иллюстрированы, выяснены и оценены по значению. Французы, благодаря их природным качествам, такту, ловкости и ясности ума, вообще отличаются в такого рода работах.

Некоторые журнальные статьи, популярные книги, печатающиеся во Франции и представляющие собой искусный след результатов массы оригинальных работ, вызывают удивление самих специалистов, способствовавших таким работам своими тяжеловесными монографиями. Тем не менее, ничего не может быть опаснее распространения в публике выводов науки. В действительности, большинство общедоступных книг не согласуется с новейшим идеалом исторического изложения; там часто еще наблюдаются остатки прежнего идеала, древности, эпохи Возрождения и романтиков.

Причина такого явления объясняется очень легко. Недостатки исторических работ, предназначенных для некомпетентной публики, являются следствием неудовлетворительной подготовки или плохого литературного воспитания лиц, берущихся за них; иногда недостатки эти бывали настолько громадны, что дискредитировали в глазах многих умных людей самый род „общедоступных работ“.

Лица, берущиеся за популярные сочинения, избавлены от оригинальных исследований; но они должны знать все, что печаталось важного по их предмету, т. е. быть, как говорят, в курсе (au courant) и самолично продумать выводы специалистов. Если они не занимались лично специальным исследованием предмета, о котором берутся трактовать, необходимо, чтобы они собрали о нем справки, а это требует большой траты времени. Лица, избравшие себе профессией

исчезает.

Истории, которые должны содержать повествование о событиях, происшедших один только раз, и общих фактах, господствующих над совокупностью специальных эволюций, не утратили своего смысла даже и после того, как увеличилось число методических руководств. Но туда, так же как в монографии и руководства, проникли научные приемы изложения. Реформа состояла в отказе от литературных украшений и бездоказательных утверждений. Образец такого рода „истории“ создал впервые Грот (Grote). В то же самое время некоторые планы исторического построения, бывшие прежде в ходу, вышли из употребления; такой участи подверглись „всемирные истории“, представлявшие собой сплошной пересказ исторических событий, очень нравившиеся, по различным побуждениям, в средние века и в XVIII столетии; последними образцами таких историй в XIX веке служат труды Шлоссера (Schlosser) и Вебера (Weber) в Германии и Канту (Cantù) в Италии. Такой план был оставлен по историческим соображениям, потому что перестали рассматривать человечество как одно целое, связанное единой эволюцией, и по соображениям чисто практическим, потому что было признано невозможным соединять в одном сочинении такую подавляющую массу фактов. Выходящие в настоящее время, при совместном сотрудничестве, всемирные истории (самым почтенным образцом которых служит сборник Онкена (Oncken) распадаются, как и большие руководства, на самостоятельные отделы, принадлежащие различным авторам; это комбинация, удобная для книгоиздательства. Историки нашего времени вынуждены принять деление истории по государствам (истории национальные) и по эпохам¹.

¹ Привычка добавлять к „историям“, т. е. к повествованию о политических событиях, перечень выводов, добытых специалистами — историками искусства, литературы и т. д., продолжает существовать. Полагают, что „история Франции“ не была бы полной, если бы в ней не было глав, посвященных истории искусства, литературы и нравов во Франции. Однако, это не краткое изложение специальных эволюций по специальным трудам, сделанное из вторых рук — место которого в научной „истории“; это изучение общих фактов, которые господствуют над совокупностью специальных эволюций.

Германии сто лет тому назад и состоящих из одних оглавлений с указанием документов и книг, которые могут служить пособиями при изучении. Изложение и разбор фактов там тоже кратки и сжаты, но они обладают достаточной полнотой для того, чтобы образованные читатели могли применить к ним и даже оказывать им предпочтение. Они отбивают охоту к другим книгам, как очень хорошо замечает Гастон Пари (Paris G.)¹: „Отведавши таких содержательных, насыщенных фактами страниц, которые, при всей кажущейся безличности, содержат однако и, главным образом, возбуждают столько мыслей, трудно бывает читать даже выдающаяся книги, где содержание, выкроенное симметрично, по известной системе, и окрашенное фантазией, подносится нам, так сказать, в преобразованном виде и где автор беспрестанно прерывает... зрелище, стараясь нам его объяснить и не дает нам его рассмотреть...“ — Большие исторические руководства, соответствующие трактатам и руководствам по другим наукам (но с запутанными доказательствами), должны непрерывно подвергаться, и действительно подвергаются, улучшениям, проверке, исправлениям, чтобы слезть на уровень науки, потому что это научные работы, а не произведения искусства.

Первые научные каталоги и руководства составлялись отдельными лицами; но скоро убедились, что одному человеку не по силам разбираться в громадной массе фактов и редактировать их сборники; сочли нужным поделить труд. В наше время сборники составляются путем сотрудничества многих лиц (живущих иногда в разных странах и пишущих на разных языках). Большие руководства (И.Ф.Мюллера, Гробера, Г. Пауля и др.) состоят из ряда специальных трактатов, написанных специалистами. Принцип сотрудничества превосходен, но с условием: 1) чтобы коллективное произведение могло, по своему своему характеру, распалось на ряд больших самостоятельных, хотя и тесно связанных между собою монографий; 2) чтобы отдел, порученный каждому сотруднику, имел определенный объем; если число сотрудников очень велико и часть каждого из них очень ограничена, то их свобода и ответственность уменьшается или совсем

¹ *Revue critique*. 1874. I. P. 327.

общей оценки и соображений. Если дело касается фактов, плохо датированных или одновременных, которые не могут быть подобраны в один ряд, то следует придерживаться алфавитного порядка: таким способом составлены некоторые каталоги: каталоги учреждений, биографические словари, исторические энциклопедии, как например, „Реальная энциклопедия“ (Reale Encyclopädie) Паули-Виссовы (Pauly-Wissowa). Эти алфавитные каталоги являются, по принципу, тем же, что и „Ежегодники“, — собраниями доказанных фактов; если, на практике, доказательства там менее строги, и подбор текстов в подтверждение сведений менее полон, то такое различие не может быть ничем оправдано¹. — Научные руководства (manuels scientifiques) представляют собою, говоря по правде, также каталоги, потому что это не что иное, как сборники, где установленные факты расположены в методическом порядке и изложены в объективной форме, с должными доказательствами, без всяких литературных прикрас. Авторы этих „руководств“ (manuels), самые многочисленные и совершенные образцы которых составлены в наше время в германских университетах, имели лишь намерение составить тщательным образом инвентарь приобретенных знаний, чтобы дать возможность научным работникам легче и быстрее усваивать результаты критики и указать точку отправления для новых изысканий. В настоящее время существуют такого рода руководства для большинства специальных отраслей истории цивилизации (языков, литературы, религии, права, древностей (Alterthümer) и т.д.), для истории учреждений и для различных частей церковной истории. Достаточно назвать имена Шемана (Schömann), Марквардта и Моммзена (Marquard et Mommsen), Гильберта (Gilbert), Крумбахера (Krumbacher), Гарнака (Harnack), Мюллера (Müller). Эти работы не отличаются сухостью, как большинство первоначальных „руководств“, изданных в

¹ Этот недостаток понемногу устраняется. Новейшие алфавитные сборники исторических фактов (Reale Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft Pauly-Wissowa, Dictionnaire des antiquités Darumberg et Saglio, Dictionary of national biography Leslie Stephen et Sidney Lee) снабжены достаточно полными доказательствами. Обычай не давать доказательства успорно продолжает существовать в биографических словарях; см.: Allgemeine Deutsche Biographie etc.

тельно непристойно¹.

Самые лучшие монографии приводят часто в историю только к констатированию невозможности знания. Следует воздерживаться от желания увенчивать, как это часто случается, субъективными и неясными, но изобличающими большие притязания выводами монографию, в которой им нет места². Правильное заключение хорошей монографии сводится к итогу достигнутых ею результатов и того, что остается невыясненным. Такая монография может устареть, но не может оказаться негодной, и автору никогда не придется за нее краснеть.

2) Работы общего характера пишутся для специалистов или для публики.

А. Общие работы, предназначенные, главным образом, для специалистов, являются в настоящее время в форме „сборников“ (répertoires), „руководств“ (manuels) и „научных историй“ (histoires scientifiques). — В сборниках помещают массу известного рода проверенных фактов, придерживаясь определенного порядка, дающего возможность легко их находить. Если факты точно датированы, то самым удобным порядком считается, конечно, хронологический: в таком роде было предпринято составление „летописей“ (Annales) истории Германии, где очень краткое упоминание о событиях, подобранных по датам, сопровождается повествованиями о них текстами с точными ссылками на источники и критические работы; „коллекция“ „Ежегодник немецкой истории“ (Jahrbücher der deutschen Geschichte) имеет целью насколько возможно подробнее выяснить факты германской истории, все, что может быть предметом обсуждений и научных доказательств, оставляя в стороне все, что относится к области

¹ Почти все начинающие имеют прискорбную склонность вдаваться в отступление от предмета и нагромождать рассуждения и суждения, не имеющие никакого отношения к их главному вопросу; если они думают, что поймут, что причинами такой склонности служат плохой вкус, своего рода мнимое невежество, а иногда путаница в голове (désordre d'esprit).

² Иногда говорят: „Я долго искал в документах этого времени и этого рода. Я вынес впечатление, что такие-то заключения, которых я не могу доказать, верны“. Одно из двух: или автор может указать мотивы своего вывода, и их оценят, или он не может их указать, и нужно предполагать, что они не имеют значения.

монографии должен, насколько возможно, придерживаться хронологического порядка, так как несомненно, что факты происходили именно в этом порядке и, соблюдая его, легче доискиваться причины и следствий; 3) необходимо, чтобы заглавие монографии точно определяло ее предмет, — следует самым энергичным образом протестовать против неточных или фантастических заглавий, бесполезно осложняющих библиографические справки. Ставилось еще четвертое правило; говорили: „Монография полезна только тогда, когда она исчерпывает вопрос“; но отчего же нельзя делать предварительную работу по имеющимся в распоряжении документам, даже в том случае, если есть основания думать, что существуют еще и другие документы, с тем только условием, что автор обязан предупредить, на основании каких документов выполнена работа. К тому же достаточно иметь такт, чтобы чувствовать, что в монографии запас доказательств, если и должен быть полным, то в то же время должен быть ограничен строго необходимым. Умеренность строго необходима; хвастовство эрудицией, сбережение которой могло бы быть осуществлено без урона для исследования, положи-

тверждение его должен быть приведен самый текст документа, дабы читатель имел возможность проверить истолкование (prises justificatives); в противном случае, в примечании, анализ, или по крайней мере, название документа, с номером или точным указанием места, где он был опубликован. Основное правило — давать возможность читателю точно знать, на каких основаниях сделаны те или иные заключения по каждому пункту анализа.

Люди начинающие, уподобляясь в данном случае древним шиторам, не соблюдают, естественно, всех этих правил. Очень часто случается, что они, вместо того, чтобы цитировать текст или название документа, указывают на номер или делают общую ссылку на сборник, в котором напечатаны документы, что не дает никакого понятия читателю о свойствах текстов, приводимых в доказательство. Кроме того, очень часто наблюдается один из самых грубых признаков: начинающие или люди неопытные не всегда понимают, почему возник обычай печатать примечания внизу страниц текста; они видят внизу страниц тех книг, которые попадают им в руки, какому из примечаний и считают своим долгом делать то же самое внизу страниц написанной ими книги; но их примечания бывают неуместными и служат только украшением; они не воспроизводят доказательства и не позволяют читателю проверить их утверждений. Все эти приемы недопустимы и должны строго предостерегаться.

рошо выполнены¹. Люди ограниченного ума и недальновидные, которых часто называют „любопытными“ (curieux), охотно затрагивают незначительные вопросы², и это настолько характерно, что, читая список заглавий монографий, написанных³ каким-нибудь историком, можно уже составить себе первое понятие о глубине его ума. Дар намечать важные проблемы и охота разрешать их, так же как и способность их разрешать, во всех науках создают перворазрядных людей. Но предположим, что сюжет монографии выбран рационально. Всякая монография, чтобы быть полезной, т.е. такой, которой вполне можно воспользоваться, должна подчиняться трем правилам: 1) всякий исторический факт, заимствованный из документов, может быть использован в монографии не иначе, как с указанием, из каких именно документов он почерпнут и какова ценность этих документов⁴. 2) автор мо-

¹ Профессиональные историки напрасно старались злоупотреблять этим: в прошлом не все интересно. „Бувар сидел в кресле. Пекуши рассказывал взад-вперед по музыке. Ему попался на глаза горшок для масла и он остановился как вкопанный.“

— А что, если нам написать биографию герцога Ангулемского?

— Так он же болван!

— Мало ли что! Второстепенные лица играют подчас огромную роль, а этот герцог, кажется, заправлял всеми делами“. [Флобер Г. *Бувар и Печенье* // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1984. С. 194. Ред. 2004].

² Так как люди ограниченного ума оказывают предпочтение незначительным вопросам, то в этом отношении наблюдается деятельная конкуренция. Часто можно заметить одновременное появление нескольких монографий по одному и тому же вопросу, нередко при этом самый вопрос не имеет никакого значения.

³ Не обо всех интересных вопросах можно трактовать в монографиях; из них есть такие, которых нельзя касаться ввиду состояния относящихся к ним источников. Ввиду этого нетщательные, даже очень способные, исследователи впадают в затруднения при выборе вопросов для своих первых монографий; если им не благоприятствует случай или если они не руководятся хорошими советами, то часто оказываются в безвыходном положении. Было бы очень жестоко и слишком несправедливо судить о ком-нибудь по списку тем его первых монографий.

⁴ На практике нужно давать в начале список источников, послуживших материалом для всей монографии (с надписанными библиографическими указаниями для печатных источников, указанием характера документов и их номеров для рукописей); сверх того, каждое отдельное положение должно сопровождаться доказательством: если возможно, в под-

стену Тьерри, Маколею, Карлейлю и Мишле, и книги крупных писателей, писавших на те или иные исторические темы, перепечатываются в своем первоначальном виде спустя пятьдесят лет со смерти авторов, хотя, очевидно, они не стоят уже более на уровне добытых наукой знаний. Ясно, что в истории для многих людей форма берет верх над содержанием и что историческое сочинение, если не исключительно, то главным образом является для них произведением искусства¹.

II. Только пятьдесят лет тому назад выделились и сложились научные формы исторического изложения, в соответствии с общим взглядом, что история не должна ставить себе целью нравиться или давать практические наставления относительно поведения, но только познавать.

Мы рассмотрим сначала: 1) монографии, 2) работы общего характера.

Монографию пишут, когда задаются целью выяснить специальный вопрос, какой-нибудь факт или ограниченную совокупность фактов, например, часть жизни или всю жизнь отдельной личности, событие или род событий, происшедших в далеком друг от друга времени и т.д. Трудно было бы перечислить образцы возможных сюжетов монографий, потому что исторический материал может бесконечно подразделяться одинаково основательно и, что бы там ни говорили, в истории, как и в других науках, есть целевые сюжеты для монографий и монографии, представляющие собою бесполезно потраченный труд, несмотря на то, что они хо-

¹ Это общее место; но заблуждение также утверждать, в противоположном смысле, что работы „эрудитов“ живут, между тем как работы историков стареют, так что „эрудиты“ приобрели себе более прочную известность, чем историки; заблуждение говорить „никто не читает больше Данте“, но всегда читают Ансельма“. Работы „эрудитов“ также стареют, и тот факт, что не все части работы Ансельма заменены другими трудами (потому-то им и пользуются еще), не должна вводить в заблуждение: громадное большинство работ „эрудитов“, как и работ ученых в собственном смысле этого слова, имеют временное значение и осуждены на забвение.

отдельного камешка и „верей“, зато цвет всей мозаики должен. При помощи этой присма написаны: „Рим в век Августа“ (Rome au siècle d'Auguste) Дезобри (Dezobry), „Рассказы из времен Меровингов“ (Récits mérovingiens) Огюстена Тьерри и другие „картины“, набросанные в ту же эпоху, страдающие всеми недостатками исторических романов в собственном смысле слова¹.

В заключение можно сказать, что почти до 1850 г. история оставалась и для историков, и для публики одним из видов литературы. Блестящим доказательством служит то, что у историков было тогда в обычае переиздавать свои сочинения по истечении многих лет, ничего в них не изменяя, и публика терпела такой образ действий. Между тем всякое научное сочинение должно постоянно исправляться, пересматриваться, приводиться в соответствие с успехами, сделанными наукой. Люди науки, в собственном смысле этого слова, не имеют притязания давать своим трудам неизменяемую форму (le *varié*) и рассчитывать на то, что их будет читать потомство; они не претендуют на личное бессмертие; для них достаточно, если результаты их изысканий, исправленные или даже преобразованные позднейшими изысканиями, будут включены в совокупность знаний, составляющих научное достояние человечества. Никто не читает Ньютона или Лавуазье; для славы Ньютона и Лавуазье достаточно, что их научные открытия послужили точкою отправления для огромной массы других работ, сменивших их собственные, которые, рано или поздно, в свою очередь, уступят свое место дальнейшим трудам. Только произведения искусства останутся вечно юными. И публика прекрасно это понимает: никому не пришло бы на ум изучать естественную историю по Бюффону, каковы бы ни были достоинства этого стилиста, но та же публика охотно изучает историю по Огю-

¹ Само собою разумеется, что романтические приемы, имевшие целью сохранить местный колорит и „воскресить“ прошлое, оказывавшиеся часто ребяческими в руках искусных писателей, являются совершенно истерляемыми, когда их употребляют люди не талантливые. См. хороший пример (христиан г. Моно (Monod) критику г. Мурена (Mourin) в *Revue critique*. 1874. II. P. 163 et seq.

формами.

Соперничество, сначала робкое и скрытое, обновило историческую литературу, так как начало XIX в. ознаменовалось литературным возрождением. Под влиянием романтизма историки не удовлетворялись приемами изложения своих предшественников и старались найти более живые формы, способные поражать и „трогать“ читателей и давать им поэтическое представление об исчезнувшем прошлом.

Одни тратили старания на то, чтобы сохранить окраску оригинальных документов, и прилаживались к ним: „Очарованный повествованиями современников, — говорит Барант, — я старался составить связный рассказ, заимствующий у них оживляющую их занимательность“. Другие думали, что необходимо передать факты прошлого с волнением зрителя. „У Тьерри, — говорит Мишле, восхваляя его, — когда он рассказывает нам о Хлодвиге, видно влечение, тревога незадолго перед тем подвергшейся нашествию Франции“... Мишле „видел задачу истории в воскрешении жизни во всей ее совокупности, со всеми ее внутренними, глубокими процессами“. При выборе предмета, плана, доказательства, стиля все историки-романтики заботились главным образом о том, чтобы произвести впечатление на читателей; это была, конечно, забота литературная, но не научная. Некоторые из историков-романтиков, все более и более подчиняясь подобной склонности, спустились до писания „исторического романа“. Всем известно, в чем состоит этот род литературы, который процветал, начиная с аббата Бартеlemi и Шатобриана до Мерме и Эберса, и который в настоящее время тщетно пытаются обновить. Его цель — воскресить самые укромные уголки прошедшего и представить перед читателем в виде драматических картин, артистически выполненных в живых, ярких красках, со всеми мельчайшими подробностями, характеризующими жизнь предков. Очевидный недостаток этого приема в том, что читателю не дают возможности отличать, что в таких произведениях заимствовано из документов и что является плодом вымысла, не говоря уже о том, что, в большинстве случаев использованные документы бывают различного происхождения, так что, если цвет каждого

изучать события для событий. Это побудило их интересоваться не только фактами политического характера, но и эволюцией наук, искусств, промышленности и нравов. Носителями таких стремлений были Монтескье и Вольтер. Первой попыткой осуществления такого взгляда на историю, представляющей собою в некоторых отношениях образцовое произведение, служит „Опыт о нравах и духе народов“ Вольтера. Существенным содержанием истории по-прежнему продолжали считать подробное повествование о политических и военных событиях, но усвоили привычку прибавлять к этим повествованиям, всего чаще в форме добавлений и приложений, очерк „успехов человеческого духа“. Выражение „история цивилизации“ появилось перед концом XVIII столетия.

Одновременно с этим университетские профессора в Германии, главным образом в Геттингене, создали для нужд преподавания новую форму „руководства“ (*manuel*) по истории — методический сборник старательно доказанных фактов, без всяких литературных и иных притязаний. Уже в древности существовали сборники исторических фактов, составленные с целью толкования литературных текстов или ради простого интереса к древности; но сборники Афиней¹ и Авла Геллия², а также более обширные и лучше составленные средневековые компиляции и сборники эпохи Возрождения нельзя ни в каком случае сравнивать с „научными руководствами“, образцы которых были даны германскими профессорами. Сверх того, эти профессора содействовали выяснению общего смутного представления философов XVIII в. о „цивилизации“, потому что они положили начало специальному изучению истории языков, литератур, искусств, религий, права, экономической жизни и т. п.

Таким образом, пределы истории значительно расширились, и научное, т. е. простое, объективное изложение начало соперничать с заимствованными у древности витиеватыми или поучительными, патристическими или философскими

¹ Афиней — греческий ритор и грамматик, живший в конце II и в начале III в. н. э. *Прим. ред.* [1899].

² Авл Геллий — римский писатель II в. н. э. *Прим. ред.* [1899].

диктов, украшая их подробностями, и иногда даже (под предлогом точности) цифрами, речами, размышлениями и разными прикрасами. Их приемы можно сразу понять, если сравнить греческих и римских историков, например, Эфора и Тита Ливия с их источниками.

Писатели эпохи Возрождения являются непосредственными подражателями древних. Для них история была также родом литературы со стремлениями к аналогии и поучению, а в Италии очень часто средством оскисать милость государей и темой для декламаций. Так продолжалось очень долго. Мезерэ, живший в XVII в., был еще историком в духе своих собратьев классической древности.

Тем не менее в исторической литературе эпохи Возрождения заслуживают внимания два нововведения, в которых бесспорно сказывается средневековое влияние. С одной стороны, видно постоянное предпочтение плану, созданному католическими историками конца Римской империи (Орозием и Евсевием) и очень любимому в средние века, плану, который не ограничивался одной только историей единичной личности, семьи или народа, а обнимал всемирную историю и не был знаком древности. С другой стороны, был введен новый прием изложения, весьма распространенный в средневековых школах (глоссы) и приведший к последствиям первостепенной важности. С тех пор вопло в обычай прибавлять к тексту печатных исторических книг особые примечания¹, позволявшие различать историческое повествование от подкреплявших его документов, отсылавшие читателя к источникам и дававшие возможность устранять из текста позднейшие прибавления и выяснять его смысл. Прежде всего начали снабжать примечаниями сборники документов и критические диссертации, а затем тот же прием проник мало-помалу и в другие исторические работы. Второй период начинается в XVIII веке. „Философы“ стали смотреть на историю как на изучение жизни человечества и отказывались

¹ Интересно было бы выяснить, какие из печатных старинных книг были раньше всего снабжены примечаниями по новейшему образцу. Спросить нами библиофилы не знают этого: этот вопрос никогда не останавливал на себе их внимания.

так как история „приемов“ этих не обработана еще хорошо¹, то мы ограничимся лишь очень общими указаниями относительно периодов, предшествовавших второй половине XIX столетия, указаниями, строго необходимыми для понимания современного положения вещей.

I. История понималась вначале, как повествование о достопамятных событиях. Во времена Фукидида и Тита Ливия целью истории было сохранить воспоминание и распространить знание фактов, замечательных или важных для одного человека, семьи или народа. Параллельно с этим, история с раннего времени рассматривалась как собрание примеров (прецедентов), а знание истории — как практическая подготовка к жизни, в особенности к жизни политической (военной и гражданской). Полибий и Плутарх писали ради поучения; они имели притязание давать рецепты для деятельности.

Таким образом, предметом истории в классической древности были, главным образом, политические события, войны и революции. Обычной рамкой исторического изложения (где факты располагались в хронологическом порядке) была жизнь какого-нибудь лица, вся совокупность или отдельный период жизни народа; что же касается общей истории, то в древности ограничили лишь несколькими попытками в этом отношении. Так как историки ставили себе целью править или поучать, или править и поучать одновременно, то история была одним из видов литературы, а потому историки не были очень добросовестны насчет доказательств; те из них, которые работали по документам, принимали часто за текст подлинника свой собственный вымысел; они воспроизводили повествования своих предшествен-

¹ Для древних эпох см. хорошие истории греческой, римской и средневековой литературы, в которых есть главы, посвященные „историкам“. Для нового времени см.: *Vведение* г. Моно (Monod G.) и т. *Revue historique*; работа Ф. Вегеле (Wegele F.X. von) *Geschichte der deutschen Historiographie* (1885) ограничена Германией и очень посредственна. *Notes sur l'histoire en France au XIX siècle* были напечатаны К. Жюлианом (Julian C.), в виде введения к его *Extraits des historiens français du XIX siècle*. (Paris, 1897). История новейшей историографии пока еще не существует. Частичный опыт см. у Берггейма. Op. cit. S. 13 et seq.

крайней мере отчасти, в зависимости от увеличения, уменьшения или перемещения этих групп? Что касается крайних случаев, — черной, белой и желтой рас, то различие их способности развиваться кажется очевидным; ни один черный народ не цивилизовался. Вероятно, что малейшие наследственные различия должны были влиять на события. Историческая эволюция обуславливалась, быть может, отчасти физиологическими и антропологическими причинами. Но история не дает никакого верного способа для определения действия наследственных различий среди людей: она выясняет лишь условия их существования. Последний вопрос в истории неразрешим при помощи исторических приемов.

Глава V. Изложение

Нам остается рассмотреть вопрос, представляющий очевидный практический интерес. В какой форме являются исторические сочинения? Формы эти очень многочисленны; между ними есть очень устарелые и далеко не все законные; лучшие страдают недостатками. Нужно, следовательно, задаться не только вопросом о том, в каких формах являются исторические сочинения, но и о том, какие из существующих форм представляют собою действительно рациональные типы изложения.

Мы понимаем здесь под „историческими сочинениями“ все сочинения, имеющие целью излагать результаты работы исторического построения, каковы бы ни были их величина и значение. Критические работы над документами, имеющие чисто подготовительный характер (о которых говорилось во II книге), естественно, отсюда исключаются.

Историки могут различаться и различались до настоящего времени во многих существенных пунктах. Они не всегда понимали (да и теперь не понимают) все одинаково цель исторического сочинения, а следовательно, и свойства избираемых ими фактов, способ разделения предмета, т.е. приведения в известный порядок фактов и приемы их изображения и их доказательства. Здесь было бы уместным отметить, как последовательно развивались „приемы писания истории“. Но

в областях умственной деятельности (искусствах, науках), где личная инициатива проявляется свободнее¹. Документы упоминают разом о большинстве привычек (верованиях, обычаях, учреждениях), не различая индивидуумов, а между тем в одном и том же обществе привычки сильно разнятся в зависимости от человека. Необходимо распознавать эти различия из опасения впасть в ошибку и объяснять поступки художников и ученых верованиями и привычками их государя или их поставщиков.

2) Чтобы добраться до причин эволюции, необходимо обратиться к единственным существам, которые могут последовательно развиваться, а именно к людям. Причиной всякой эволюции служит перемена в материальных условиях существования или привычках некоторых людей. Наблюдение показывает нам двоякого рода изменение: или люди остаются такими же, как были раньше, но меняют свой образ действий или мыслей, либо добровольно, из подражания, либо по принуждению; или же люди, державшиеся старого обычая, сходят со сцены и заменяются другими людьми, не придерживающимися больше старого обычая, или чужестранцами, или потомками прежних людей, но иначе воспитанными. Такая смена поколений кажется в наше время наиболее деятельной причиной эволюции. Существует тенденция думать, что то же было и в прошлом: эволюция совершалась тем медленнее, чем больше молодые поколения придерживались привычек своих предшественников.

Следовало бы поставить еще один вопрос: всегда ли люди отличаются друг от друга только по условиям жизни (воспитанию, средствам существования) и не совершалась ли эволюция только путем изменения этих условий? Или, быть может, существуют группы людей, отличающихся друг от друга в силу наследственности, (*héréditairement différents*), которые рождаются с наклонностями к различного рода деятельности и способностями различным образом развиваться, так что и эволюция происходит, может быть, по

¹ Историк литературы, который с самого начала ставил отыскивать связь между искусством и остальными сторонами общественной жизни, тем самым прежде всего поставил на очередь этот самый трудный вопрос.

очевидным и бесспорным сцеплением частных случаев, из которых каждый служит побудительной причиной другого. Причиной смерти короля Генриха II был удар копья графа Монтомгери; смерть короля была причиной захвата власти Гизами, послужившего, в свою очередь, причиной восстания протестантов.

Наблюдение причин авторами документов ограничено сцеплением случайных наблюдавшихся ими фактов; да, в действительности, это причины наиболее достоверно известные. История, в противоположность другим наукам, лучше знает причины частных случаев, нежели причины общих преобразований, потому что в первом случае она находит в документах уже выполненную работу.

Для изыскания причин общих фактов историческое построение может пользоваться только аналогией между прошлым и настоящим. Если у него и есть шансы найти причины, объясняющие эволюцию ранее существовавших обществ, то только при помощи непосредственного наблюдения преобразований современных обществ.

Метод такого изучения еще не вполне определен, а потому здесь можно только указать его принципы.

1) Чтобы добраться до причин взаимодействия между различными привычками в одном и том же обществе, нужно оставить в стороне отвлеченную и условную форму, которую факты принимают на языке документов (догма, закон, обряд, учреждение) и добраться до реальных конкретных центров, которыми всегда служат думающие и действующие люди. Там только соединяются различные роды деятельности, разделяемые путем абстракции в языке. Их взаимодействие должно, следовательно, объясняться какой-нибудь господствующей чертой человеческой природы или положения этих людей, отражающейся во всех различных проявлениях человеческой деятельности. Взаимодействие не может быть одинаково между всеми родами деятельности; оно будет сильнее между теми родами деятельности, где индивидуум находится в тесной зависимости от действий массы (экономическая, социальная и политическая жизнь), более слабо

concordance) Бэкона; но есть опасение, что он не даст больших результатов. Недостаток всех этих приемов заключается в том, что оперируют с отвлеченными понятиями, отчасти произвольными, и иногда даже пользуясь сопоставлениями слов, не зная совокупности условий, при которых совершались факты.

Можно было бы изобрести более конкретный метод и сравнивать не отдельные ряды однородных фактов, а целые общества со всеми совершающимися в них процессами, беря либо одно и то же общество в два различные момента его эволюции (Англия XVI и XIX веков), либо эволюции нескольких обществ, современных одно другому (Англия и Франция) или различных эпох (Рим и Англия). Метод этот может приносить пользу в отрицательном смысле, для подтверждения того, что один факт не служит непосредственным следствием другого, потому что они не всегда встречаются в связи один с другим (например, эмансипация женщин и христианство). Но от него совсем нельзя ожидать положительных результатов, потому что существование двух фактов в нескольких рядах не указывает еще, служат ли они причиной один другого или являются только следствием одной и той же причины.

Методическое исследование причин известного факта требует анализа условий, при котором факт совершался, чтобы выделить, таким образом, неизменное условие, служащее его причиной; оно предполагает, следовательно, совершенное знание этих условий. В истории именно этого-то и недостает, вследствие чего приходится отказаться от выяснения причин при помощи прямого метода (*méthode directe*), как это делается в других науках.

Тем не менее, историки на деле часто пользуются понятием причинности, необходимым, как указано выше, для формулирования событий и построения периодов. Это объясняется тем, что они узнают причины фактов либо от авторов документов, наблюдавших факты, либо по аналогии с причинами, действующими в настоящее время и наблюдающимися каждым из нас. Всякая история событий является

такой. Такая необходимость предписывает историку исключительный метод. Для построения своих рассуждений по аналогии ей приходится комбинировать частное знание условий, сопровождавших факты прошлого, и общее понимание условий, при которых совершаются человеческие факты. Она оперирует, составляя отдельные списки (*répertoires*) фактов прошлого и применяя к ним ряд общих вопросов (*questions*), основанных на изучении настоящего.

Чтобы придти от рассмотрения документов к знанию фактов и эволюций прошлого, следует выполнить очень большое число операций. Отсюда необходимость разделения и организации труда в истории. Нужно, чтобы работники-специалисты, занимающиеся отысканием, восстановлением и предварительной классификацией документов, приводили свои усилия в соответствие, дабы предварительная работа по изучению исторического материала была окончена возможно скорее и при условиях, всего лучше обеспечивающих добросовестность ее выполнения и экономию усилий и времени. С другой стороны, необходимо, чтобы авторы частных синтезов (монографий), предназначенных служить материалом для более общих синтезов, согласились работать по одному и тому же методу так, чтобы выводы каждого могли быть использованы другими без предварительных исследований. Наконец, опытные работники должны, отказавшись от личных изысканий, посвятить все свое время изучению частных синтезов, дабы комбинировать их научным образом в общие построения. Если бы из этих работ с очевидностью следовали заключения о свойстве и причинах эволюции общества, то сложилась бы вполне научная „философия истории“, которую историки могли бы признать за законное увенчание здания исторической науки.

Можно думать, что настанет день, когда благодаря организации труда все документы будут открыты, исправлены и приведены в порядок, и все факты, следы которых не изгладились, установлены. С этого дня истории будет составлена, но не будет окончательно установлена: она будет продолжать изменяться по мере того, как непосредственное изучение существующих обществ, ставши более научным, будет

давать возможность лучше понимать общественные явления и их эволюцию, потому что новые понятия, которые будут, без сомнения, приобретены о природе, причинах и относительном значении общественных фактов, будут изменять и сложившийся образ общества и событий прошлого¹.

II. Думать, что история дает практические наставления (*Historia magistra vitae*), уроки, которыми могут немедленно воспользоваться в жизни отдельные личности и народы — это не более, как устаревшая иллюзия; дело в том, что условия человеческих действий редко бывают достаточно сходными в различные моменты для того, чтобы „уроки истории“ могли непосредственно применяться. Ошибка утверждать также и обратное, что „особое свойство истории заключается в том, что она не служит ни к чему“². Она имеет косвенную полезность.

История дает возможность понимать настоящее, по-

¹ Раньше поднимался вопрос о роли субъективизма, который невозможно совершенно устранить из исторического построения и который слишком злоупотребляли, давая возможность оспаривать научность истории: эта доля субъективизма печально в фаулеровского персонажа Немоссе, и героя романа А. Франса „Преступление Симвастра Бонлара“, и заставляла Фауста говорить:

Die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln.
Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigner Geist
In dem die Zeiten sich bespiegeln...

[Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
Так что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени — уям! — не что иное,
Как отражение века временное
В лице писателя: ет о лишь дух и взгляд.

[См. И.В. (Пер. Н.А. Холодковского). *Фауст*. СПб., 2001. С. 28. *Ред. 2004*].

² Слова, приписанные „одному профессору Сорбонны“ г. Бланшерам (*Blanchers de la Revue critique*. 1895. I. P. 176. Другие распространялись на ту тему, что историческое знание вредно и действует на волю парализующим образом. См.: Ницше Ф. *О пользе и вреде истории для жизни* [3 оригинале дана ссылка на немецкое издание 1874 г. Лучший русский перевод: Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1990. *Ред. 2004*].

скольку она объясняет происхождение настоящего положения вещей. В этом отношении, как мы признаем, она не представляет одинакового интереса на всем своем протяжении: есть отдаленные поколения, следы которых в настоящем уже совершенно изгладились; чтобы отдать себе отчет о политическом устройстве современной Англии, изучение, например, уитангемотства (*witangemot*) у англо-саксов не имеет никакого значения, изучение же событий XVIII и XIX вв. представляет, наоборот, капитальную важность. Эволюция цивилизованных обществ до такой степени ускорила за последние сто лет, что для понимания их настоящего положения история последних ста лет дает несравненно больше, чем история предшествовавших десяти столетий. Как объяснение настоящего, история сделалась бы почти на изучение современного периода.

История является также необходимым элементом для завершения политических и социальных наук, находящихся в периоде образования; для окончательного образования этих наук недостаточно непосредственного наблюдения социальных явлений (в статистическом состоянии); к нему следует присоединить изучение развития этих явлений во времени, т.е. его историю². Вот почему все науки о человеке (лингвистика, право, наука о религиях, политическая экономия и т.д.) приняли в последнее столетие форму исторических наук.

Но главная заслуга истории заключается в том, что она служит средством для умственного развития, и притом многими способами. Прежде всего, применение исторического метода исследования, принципы которого намечены в настоящей работе, очень полезно для ума, потому что излечивает его от легковерия. Во-вторых, история, показывая

¹ Уитанагемот — собрание знатных людей королевства. *Ред. 2003*.

² История и социальные науки находятся во взаимной зависимости; они прогрессируют параллельно, путем постоянного обмена услуг. Социальные науки дают знание настоящего, необходимое истории для того, чтобы представить себе факты и вести рассуждения по поводу документов. История дает относительно эволюции необходимые сведения для понимания настоящего.

большое число различных обществ, подготавливает к пониманию и признанию разнообразных обычаев; давая возможность видеть, что общества очень часто подвергались преобразованиям, она приучает к изменению социальных форм и излечивает от страха перед преобразованиями. Наконец, знакомство с эволюциями прошлого, давая возможность понять процесс преобразований человека и его учреждений путем изменений привычек и возобновления поколений, предохраняет от искушения объяснять при помощи биологических аналогий (подбора, борьбы за существование, наследственности привычек и т.п.) эволюцию общества, совершающуюся под действием других причин, чем эволюция животной жизни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Преподавание истории в средних учебных заведениях Франции

I. Преподавание истории в средних учебных заведениях представляет собою новинку. Некогда историю преподавали только сыновьям королей и высокопоставленным особ, чтобы научить их искусству управлять, согласно древней традиции; но это была священная наука, приберегавшаяся для будущих правителей государства, наука государей, а не подданных. Средние школы, организованные с XVI столетия, как духовные, так и светские, как католические, так и протестантские, не включали историю в план преподавания или допускали ее как прибавление к изучению древних языков. Во Франции такова была традиция иезуитов; она была возобновлена наполеоновским „Университетом“.

Преподавание истории в средней школе было введено только в XIX веке, под давлением общественного мнения; но хотя история и заняла во Франции в плане преподавания более широкое место, чем в Англии или Германии, тем не менее, она оставалась второстепенным предметом, для которого не отводилось специального класса (как для философии), а иногда не назначалось даже и специального преподавателя, причем на экзаменах история не принималась почти в расчет.

Преподавание истории долго страдало от такого начала. Навязанное по приказанию начальства персоналу, воспитанному исключительно на изучении литературы, оно не могло найти себе места в системе классического образования, основанной на изучении форм и относящейся безразлично к знанию социальных фактов. Истории обучали потому, что это предписывалось программой; но программа была чистой случайностью, зависевшей от того, что предпочитали и чем лично занимались ее составители. История входила в состав светских приличий; существуют, говорили, имена и факты, „которые непозволительно не знать“; но то, чего нельзя не

знать, разнообразилось до бесконечности, начиная от имперовингских королей и сражений Семилетней войны до „Саллической Правды“ и деяний св. Винцента Павла¹.

Импровизированный персонал, который должен был, чтобы не отступать от программы, без приготовления заняться обучением истории, не имел никакого ясного представления ни о смысле этого преподавания, ни о роли истории в общем образовании, ни о технических приемах, необходимых для ее преподавания. Учитель истории, лишенный традиций педагогической подготовки и даже нужных пособий, оказался перенесшим снова во времена, предшествовавшие изобретению печатного станка (когда учитель должен был сам сообщать своим ученикам все факты, составлявшие содержание его преподавания), и усвоил себе те же приемы преподавания, какие употреблялись в средние века. Запасшись тетрадь, где он вписывал ряд фактов для сообщения ученикам, он прочитывал ее в классе, делая иногда вид, что импровизирует; это называлось „уроком“, составлявшим главную часть исторического преподавания. Совокупность „уроков“, определенная программой, составляла „курс“. Ученики должны были слушать и записывать за учителем [что называлось „делать заметки“ (*prendre des notes*), а затем пересказывать письменно то, что слышали (это называлось „*rédaction*“)]. Но так как учеников не учили как следует вести записки, то они ограничивались тем, что старались писать как можно скорее, под диктовку учителя, черновой набросок, а потом переписывали то же самое дома, не стараясь понять ни смысла того, что они слышали, ни того, что переписывали. Наиболее усердные прибавляли к этой механической работе отрывки, списанные из книг и заимствованные обыкновенно не с большим пониманием дела.

Чтобы заставить учеников усвоить факты, считавшиеся существенными, учитель делал из урока краткое изложение („*le sommaire*“ или „*résumé*“), открыто диктовал его и заставлял учить наизусть. Таким образом, два письменных упраж-

¹ Один из самых ревностных подвижников христианского благочестия; жил во Франции (1576—1660). *Прим. ред.* [1899].

нения, занимавшие почти все время класса, сводились к открытому диктанту (резюме) и к „стыдливому“ (*honteuse*) диктанту (письменный пересказ урока).

Для проверки знания учеников их заставляли рассказывать дословно „перечень“ (*sonnaire*) и задавали вопросы по сочинению, т. е. заставляли повторять приблизительно слова учителя. Оба устных упражнения были в сущности произнесением наизусть.

Ученику давалась, впрочем, и книга „краткая история“¹; но краткая история, составленная по одной и той же форме, как курс учителя, не сочеталась с устным преподаванием так, чтобы служить ему пособием, а только дублировала его и делала это обыкновенно плохо, потому что была непонятной для ученика.

Авторы кратких историй², усвоив традиционные приемы кратких изложений („*abrévés*“), старались нанизывать возможно большее число фактов, лишая их всех отличительных подробностей и резюмируя в самых общих, а следовательно, самых неопределенных выражениях. В элементарных книгах оставались, таким образом, конспекты собственных имен и чисел, соединенные однообразными формулами; история являлась рядом войн, трактатов, реформ, революций, отличавшихся друг от друга только по названиям народов, государств, мест сражения и годам.

Таково было преподавание истории во всех светских и духовных учебных заведениях Франции до конца второй империи, за несколькими исключениями, тем более похвальными, что они были редкими, потому что от учителя истории требовалось тогда необычайное количество инициативы и энергии, чтобы избежать рутинного пересказа урока и краткого резюме.

¹ Тот же обычай был принят в германских странах под именем *Leitfaden* (руководящая нить) и в английских странах под именем *textbook*.

² Нужно исключить *Précis de l'histoire moderne* Мишле (*Michelet J.*) и отдать справедливость Дюркуму, что в своих школьных учебниках, даже в самых первых изданиях, он старался, и часто очень успешно, делать повествования интересными и поучительными.

II. За последние годы общее стремление реформировать образование, проявленное Министерством народного просвещения и факультетами, сообщилось, в конце концов, и среднему образованию. Учителя истории освободились от подозрительного надзора, тяготевшего над преподаванием во времена империи, и воспользовались этим, чтобы подвергнуть испытанию новые методы. Возникла историческая педагогика. Она окрепла, с одобрения Министерства народного просвещения, благодаря обсуждениям в Обществе для изучения вопросов среднего образования (*Société pour l'étude des questions d'enseignement secondaire*), в „Журнале среднего образования“ (*Revue de l'enseignement secondaire*) и в „Университетском обозрении“ (*Revue universitaire*). Она получила официальное освящение в инструкциях, приложенных к программе 1890 г.; доклад об истории, составленный Лависсом, стал хартией, защищающей учителей, стоящих за реформу в борьбе с традицией¹.

После этого кризиса обновления преподавание истории будет, без сомнения, организовано, будет иметь рациональную педагогику и технику, как ее старшие собратья: преподавание языков, литературы и философии. Но следует ожидать, что реформа произойдет здесь медленнее, чем в области высшего образования. Персонал, занимающийся обучением в средней школе, гораздо более многочислен и менее способен просвещаться и обновляться; ученики средней школы менее прилежны и менее понятливы; рутинные взгляды родителей противопоставляют новым методам косность, не имеющую места на факультетах; затем бакалаврство, служащее вообще препятствием всяким реформам, особенно вредно отзываясь на преподавание истории, сводя его на тетрадь вопросов и ответов.

III. Однако, теперь уже можно наметить, в каком направлении должно будет развиваться во Франции препода-

¹ Самая полная и, по всей вероятности, самая точная картина преподавания истории в среднеучебных заведениях после реформ, была дана испанцем Р. Алтамира (Altimira R.) *La Enseñanza de la historia*. 2 edit. Madrid, 1895.

вание истории¹, а также те вопросы, которые можно будет разрешить для приобретения рациональной техники. Мы попытаемся формулировать здесь методический список этих вопросов.

1) Общая организация. Какой целью может задаваться преподавание истории? Какие оно может оказать услуги образованию ученика? Какое оно может оказывать действие на его поведение? Какие факты оно должно сделать ему понятными? Какие уместные навыки оно должно ему дать? И, следовательно, какие принципы должны руководить выбором материала и приемов? Должно ли преподавание истории быть растянуто на все время обучения в средней школе или сосредоточено в специальном классе? Должно ли на уроки истории отвести один час или два часа? Должна ли быть разделена история на несколько циклов, как в Германии, так, чтобы ученики неоднократно, в различные периоды своего курса, возвращались к одному и тому же предмету? Или она должна излагаться в одной непрерывной связи с начала изучения, как во Франции? Должен ли учитель проходить полный курс или выбирать только некоторые вопросы, а другие поручать ученикам учить одним? Должен ли он излагать устно факты или заставлять учеников знакомиться с ними сначала по книге так, чтобы заменить курс объяснениями?

2) Выбор материала. В каком размере должны преподаваться отечественная история и история других стран? История древняя и современная? Истории специальные (искусства, религии, обычаев, экономической жизни) и история общая? Какое место следует отводить учреждениям, обычаям и событиям? Эволюция материального быта, истории умственного развития, социальной жизни, политической жизни? Изучению частных случаев, биографий, драматических эпизодов или изучению общих сцеплений и эволюций? Ка-

¹ Мы говорим здесь только о Франции. Но, чтобы рассеять заблуждение французской публики, следует предупредить, что историческая педагогика еще менее подвинулась вперед в английских странах, где приемы преподавания остались механическими, и даже в германских странах, где она затрудняется патристическим взглядом на обучение.

кое место нужно отводить собственным именам и числам? Нужно ли пользоваться случаями, которые представляют легенды, для пробуждения критического духа, или нужно этого избегать?

3) Порядок преподавания. В каком порядке следует излагать исторический материал? Начинать ли с более древних периодов и стран с древнейшей цивилизацией, чтобы следовать хронологическому порядку и порядку эволюции? Или начинать с периодов и стран более близких к нам, чтобы переходить от более известного к менее известному? Какого порядка придерживаться в изложении каждого периода — хронологического, географического или логического? Начинать ли с описания положения вещей или рассказа о событиях?

4) Приемы преподавания. Следует ли давать ученику сначала общие формулы или отдельные картины? Должен ли учитель сам объяснять формулы или заставлять ученика доискиваться их? Нужно ли заставлять учить наизусть формулы? И в каких случаях? Как знакомить с образами исторических фактов? Какое употребление делать из гравюр? Из воспроизведений и восстановлений? Из фантастических сцен? Как пользоваться повествованиями и описаниями? Текстами авторов? Историческими романами? Как заставлять локализовать факты? Как пользоваться хронологическими таблицами, синхроническими таблицами, географическими набросками, статистическими и графическими таблицами? Как заставить понимать характер событий и обычаев, мотивы действий? Условий существования обычая? Как выбирать эпизоды события и примеры обычая? Как заставить понять сцепление фактов и эволюцию? Как можно пользоваться сравнением? Каким языком нужно говорить? В какой мере нужно употреблять конкретные, абстрактные и технические выражения? Как контролировать, что ученик понял термины и усвоил факты? Можно ли организовать практические упражнения, дающие ученику личную работу над фактами? Какие пособия нужно давать ученику? Как нужно составлять школьную книгу, чтобы возможно было делать практические упражнения?

Чтобы изложить и доказать решение всех этих вопросов, пришлось бы написать специальный трактат¹. Здесь же мы укажем только общие принципы, относительно которых во Франции уже теперь, по-видимому, почти пришли к соглашению.

От истории не требуют уже больше ни нравственных поучений, ни прекрасных примеров для поведения, ни драматических или живописных сцен. Теперь понимают, что для всего этого легенда была бы предпочтительнее истории, потому что она изображает сцепление причин и следствий, более согласное с нашим чувством справедливости, лиц более совершенных и более героических, сцены более красивые и более трогательные. Таким образом, отказываются пользоваться историей для возбуждения патриотизма или лояльности, как это делается в Германии; чувствуют, что было бы нелогично извлекать из одной и той же науки противоречивые применения в зависимости от разных стран и партий; это значило бы приглашать каждый народ уродовать, если не исказить, историю в предпочтительном для него смысле. Теперь понимают, что значение всякой науки заключается в выяснении истины, и от истории требуют только истины².

Роль истории в воспитании не представляется еще, быть может, ясно тем, кто занимается ее преподаванием; но все те, кто способен размышлять, согласны в том, что следует смотреть на историю как на средство общественного воспитания. Изучение общественного быта прошлого дает возможность ученику понимать на практических примерах, что такое общество; оно дает ему возможность освоиться с главными общественными явлениями, с различного рода обычаями и учреждениями, которые не было бы удобно показывать ему в

¹ Я пытаюсь выполнить часть этой работы при чтении одного из курсов в Сорбонне (Ш.Сеньобос).

² Укажем, однако, на то, что на вопрос, поставленный в июле 1897 г. кандидатам на степень бакалавра: „Чему служит преподавание истории?“ 80 из 100 кандидатов ответили кратко, либо потому, что они так думали, либо потому, что хотели нравиться: „Для возбуждения патриотизма“ (Ш.-В.Лангле).

существующей действительности; оно дает ему возможность понимать, путем сравнения различных обычаев, свойства этих обычаев, их разнообразие и их сходства. Изучение событий и эволюций приучает их к идее непрерывного преобразования человеческих действий и гарантирует от несомнительной боязни общественных переворотов; оно выясняет им понятие прогресса. Все эти приобретения делают ученика более способным принимать участие в общественной жизни; таким образом, история является неприменным учебным предметом в демократическом обществе.

Историческая педагогика должна, следовательно, принять за правило выбирать предметы и приемы преподавания всего более способные выяснять общественные явления и делать понятной их эволюцию. Прежде чем сообщать ученикам какой-нибудь факт, нужно задаваться вопросом, какое он может иметь воспитательное действие, и потом, есть ли удовлетворительные способы уяснить его ученику. Каждый мало поучительный факт, или очень сложный для понимания или такой, относительно которого неизвестно подробностей, делающих его понятным, должен устраняться из программы преподавания.

IV. Для осуществления рационального преподавания недостаточно выработать теорию исторической педагогики. Нужно облечь пособия и приемы. История непременно требует знания большого количества фактов. Учитель истории, вынужденный ограничиваться своими словами и краткими учебниками, представляющими из себя не что иное, как хронологические таблицы, находится в положении учителя латинского языка без латинских подлинников и словаря. Ученик, обучающийся истории, нуждается в запасе исторических фактов так же, как ученик латинского языка в запасе латинских слов; ему нужны сборники фактов, а школьные конспекты есть не что иное, как сборники слов.

С фактами можно знакомить двумя способами: посредством гравюр и книг. Гравюры показывают материальные вещи и внешний вид, они служат, главным образом, для изучения материальной культуры. В Германии уже давно пытались дать ученику сборник гравюр, составленный для обуче-

ния истории. Для удовлетворения той же потребности возник во Франции „Исторический альбом“ (*Album historique*), выходящий в свет под редакцией г. Лависса (*Lavisse*).

Книга — главное пособие; она должна содержать отличительные черты, необходимые для того, чтобы представлять себе события, побуждения, привычки, учреждения; она должна, главным образом, состоять из повествований и описаний, к которым можно прибавлять некоторые характерные изречения или формулы. Долгое время старались составлять такие книги из избранных отрывков древних авторов и придавали им форму сборника текстов¹. Опыт, по-видимому, указал, что следует отказаться от такого приема научной внешности, он верен, но мало понятен для детей; предпочтительнее писать для учеников на современном языке. В этом духе, согласно „инструкциям“ 1890 г.², были составлены сборники „Исторических чтений“ (*Lectures historiques*); главные из них были изданы Гашеттом (*Hachett*).

Приемы ученических работ страдают еще от запоздалого введения преподавания истории. По большей части в преподавании истории господствуют еще приемы, не требующие от учеников никаких самостоятельных работ, кроме знания курса, краткого пересказа, заучивания, ответов на вопросы, изложения и воспроизведения карт. Это то же самое, как если бы ученик, занимающийся латинским языком, ограничивался рассказом уроков по грамматике или отрывков из авторов, не делая ни переводов, ни задач.

Чтобы обучение имело действительное значение, следует устранить все эти пассивные приемы или, по крайней мере, пополнить их упражнениями, требующими от учеников самостоятельной работы. Некоторые из таких упражнений были уже испытаны на опыте, и многие другие могут быть введены еще³. Можно заставлять учеников анализировать гравюры, повествования, описания для того, чтобы выяснять

¹ Образцом таких книг в Германии служат так называемые *Quellenbücher*.

² Ту же педагогическую теорию читатели найдут в предисловии к моей *Histoire narrative et descriptive des anciens peuples de l'Orient*. Paris, 1890. (Ш.Сеньобос).

³ Я касался уже этого вопроса в *Revue universitaire*. 1896. Т. 1. (Ш.Сеньобос.).

свойства фактов: такое небольшое письменное или устное изложение будет служить гарантией, что ученик видел и понял все ему показанное и прочитанное, и даст случай приучать его употреблять точные выражения. Можно задавать ученикам рисунки, географические чертежи, синхронистические таблицы. Можно давать им составлять сравнительные таблицы, касающиеся различных обществ, и таблицы сцепления фактов. Пужна книга, чтобы дать ученику материал для таких упражнений. Таким образом, изменение приемов обучения связано с улучшением пособий. И то, и другое будет выполнено по мере того, как учителя и публика будут яснее понимать роль преподавания истории в общественном воспитании.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Преподавание истории в высших учебных заведениях Франции

За последние тридцать лет преподавание истории в наших высших учебных заведениях подверглось значительным преобразованиям. Как и подобало, преобразование совершалось медленно, путем последовательных дополнений и исправлений. Но, хотя принятые меры и были рационально связаны одни с другими, тем не менее, большое количество этих мер не переставало, за последнее время, поражать и даже тревожить публику. Общественное мнение было немного удивлено, что его слишком часто тревожат названными реформами, и, быть может, не лишнее будет указать здесь еще раз на общий смысл и скрытую логику движения, при котором мы присутствуем.

I. Перед концом второй империи высшее преподавание исторических наук во Франции было очень разбросано¹.

Кафедры истории находились во многих заведениях различных типов: в Колледж де Франс (Collège de France), в словесных факультетах (Facultés des Lettres) и в таких специ-

¹ Относительно организации высшего преподавания и первых реформ см. превосходную работу Ж. Лиара (Liard) *L'Enseignement supérieur en France*. 2 t. Paris, 1888—1894.

альных школах, как Высшая нормальная школа (L'École normale supérieure) и Школа хартий (École des chartes).

Колледж де Франс представлял собою остаток учреждений старого режима. Основанный в XVI в. в противовес схоластической Сорбонне для того, чтобы служить убежищем новым наукам, он пользовался славной привилегией служить историческим представителем высших спекулятивных занятий, духа свободного исследования и интересов чистой науки. К несчастью, в области исторических наук Колледж де Франс позволил, до некоторой степени, изгладиться своей традицией. Великие люди, преподававшие историю в этом знаменитом учреждении (например, Мишле), не были ни техниками, ни учеными в собственном смысле этого слова. Их красноречие действовало на аудитории, состоявшие не из студентов, посвятивших себя изучению истории.

Словесные факультеты составляли часть системы, введенной наполеоновским законодательством. Создавая эти факультеты, законодатель ничуть не имел в виду поощрять научных изысканий. Он не очень любил науку. Юридический, медицинский факультеты и т.д. должны были быть, по его мысли, профессиональными школами, обязанными доставлять обществу юристов, медиков и т.п., в которых оно нуждалось. Но три факультета из пяти не были в силах, с самого начала, играть предназначенную им роль, выполняющуюся действительным образом медицинским и юридическим факультетами. Факультет католического богословия не выпускал нужных обществу священников, потому что государство согласилось, чтобы священников готовили епархиальные семинарии. Факультеты математических наук и словесные не давали учителей для средней школы, инженеров и т.п., требовавшихся обществу, потому что они встретились на этой почве с победоносной конкуренцией вполне организованных специальных школ: Нормальной и Политехнической. Таким образом, факультетам католического богословия, математических наук и словесности приходилось оправдывать свое существование другими способами деятельности. Кроме того, профессора словесных факультетов отrekliсь от занятия образованием молодых людей, предназна-

чавших себя для преподавания истории в лицах. Лишенные этих специальных слушателей, они оказались в положении очень аналогичном с положением лиц, занимавших кафедры в Колледж де Франс. Они также не были техниками. Они в течение полувека занимались высшей популяризацией перед многочисленными аудиториями праздных людей (которых часто потом злословили), привлекая их силой, изяществом и простотой своего слова.

Обязанность воспитывать будущих учителей средней школы была предоставлена Высшей Нормальной школе. В ту эпоху признавалось, что учителям средней школы следует знать и достаточно знать в совершенстве то, что им поручено преподавать. Несомненно верно, что учителя должны знать сами то, чему будут учить, но одного этого знания недостаточно: кроме школьного багажа, в настоящем смысле этого слова, им не менее необходимы знания иного, высшего порядка. Об этих высших знаниях никогда не поднималось вопроса в Нормальной школе, где, согласно с господствовавшей теорией, довольствовались исключительно указанным выше приготовлением учителей к преподаванию в средних школах. Тем не менее, благодаря постоянному большому притоку учащихся в Нормальную школу, действовавшая там система никогда не мешала тому, чтобы из нее выходили люди выдающиеся не только как учителя, как мыслители, или как писатели, но и как ученые. Но следует признать, что они развивались самостоятельно, вопреки системе, а не благодаря ей; они вырабатывались не во время пребывания в школе, а позднее и, главным образом, если им удавалось, во время пребывания во Французской школе в Афинах (*École française d'Athènes*) приходить в благотворное соприкосновение с историческими документами, которых им не доставало в Ульмской улице. „Неужели не кажется невероятным, — говорили некоторые, — что из Нормальной школы выпустили столько поколений учителей, не способных пользоваться документами?.. В общем, ученики исторического отделения, по выходе из школы, не были готовы ни к преподаванию истории, изучавшейся ими очень поспешно, ни к изысканиям

по трудным вопросам¹.

Что касается Школы хартий, основанной во время реставрации, то это была, с известной точки зрения, специальная школа, предназначенная в теории для образования таких полезных чиновников, как архивисты и библиотекари. Но уже с давнего времени, профессиональное образование было там доведено до минимума, и школа организовалась очень своеобразным образом, в видах рационального и полного обучения молодых людей, намеревавшихся изучать историю Франции в средние века. Ученики Школы хартий не слушали никакого курса средневековой истории, но учили все, что необходимо для работы над решением задач средневековой истории. Там только, вследствие случайной аномалии, систематически преподавались предварительные и вспомогательные знания для исторических изысканий. Выше мы имели случай констатировать результаты такого режима.

Таково было положение вещей, когда, к концу второй империи, обнаружилось сильное стремление к реформе. Французская молодежь посещала Германию; она была поражена превосходством ее университетской организации над наполеоновской системой факультетов и специальных школ. Конечно, Франция, со своей уродливой организацией, дала много людей и много трудов, но здесь пришли, наконец, к сознанию, что „во всякого рода предприятиях приходится давать меньше всего простора случаю“ и что „когда учреждение имеет в виду выпускать учителей истории и историков, то оно должно давать им средства быть тем, чем оно хочет их сделать“.

Министр народного просвещения В. Дюрюи поддерживал сторонников возрождения высшего образования. Но он считал немислимым прикоснуться к какому-либо из существовавших учреждений для того, чтобы организовать его по-новому или слить в одно с другими учреждениями, или совсем уничтожить; Колледж де Франс, словесные факультеты, Высшая нормальная школа, Школа хартий считались священными оказанными ими услугами и личной славой людей,

¹ Lavisse E. *Questions d'enseignement national*. P. 12.

принадлежавших им в прошлом и настоящем. Он ничего не изменил, но прибавил. Он увенчал несколько неуклюжее уже существовавшее здание, создав Практическую школу исторических исследований, учрежденную в Сорбонне (1868).

Смысл существования Практической школы исторических исследований (отделение истории и философии) заключался, по мысли ее основателей, в подготовке молодых людей к оригинальным исследованиям научного характера. Ее не должны были касаться ни заботы о профессиональном образовании, ни популяризации знаний. В нее должны были поступать не для ознакомления с выводами науки, но чтобы привыкнуть, как студент-химик в лаборатории, к техническим приемам, дающим возможность приходиться к новым выводам. Таким образом, дух нового института имел нечто общее с первоначальной традицией Колледж де Франс. Там должны были попытаться сделать для всех частей всемирной истории и филологии то, что делали уже давно в Школе хартий в ограниченной области средневековой истории Франции.

II. Пока словесные факультеты чувствовали себя хорошо в своем положении (т.е. без студентов) и пока их честолюбие не шло дальше их традиционных преимуществ (читать публичные курсы и раздавать ученые степени), организация высшего преподавания исторических наук во Франции оставалась в том положении, как мы только что описали. С того момента, как словесные факультеты потребовали себе другой роли, преобразования стали неизбежными.

Здесь не место объяснять, почему и как словесные факультеты пришли к желанию работать более деятельно или, лучше сказать, не так как прежде, ради прогресса исторических наук. Открывая Практическую школу исторических исследований в Сорбонне, Дюрюи предсказывал, что это молодое живучее растение расхлестит там старые камни, и, без сомнения, зрелище плодотворной деятельности Практической школы исторических исследований немало содействовало тому, что у факультетов заговорила совесть. С другой стороны, щедрость властей, увеличивших персонал факультетов, построивших им здания и снабдивших их в изобилии

пособиями, создали для этих привилегированных учреждений новые обязанности.

Прошло приблизительно двадцать пять лет с тех пор, как начали преобразовываться словесные факультеты, и их прогрессивное преобразование отразилось на всей системе высшего преподавания исторических наук во Франции, которой не в силах была до тех пор поколебать даже остроумная пристройка 1868 года.

III. Первой заботой факультетов было заставить студентами. Но правде, это не представляло большой трудности, потому что Высшая Нормальная школа (куда принималось по двадцать пять учеников в год, выбранных из сотен кандидатов) сделалась неспособной удовлетворять, как было раньше, сильно возросшему спросу на учителей средних учебных заведений. Множество молодых людей, кандидатов (одинаково с учениками Высшей Нормальной школы) на степень, открывающие доступ к педагогической карьере, были предоставлены самим себе.

Таким образом, контингент слушателей для факультетов был обеспечен. Одновременно с этим военные законы, предоставлявшие лицензиатам словесности драгоценные льготы, должны были привлечь на факультеты, раз они брались готовить к лиценциатству, значительную и очень интересную часть молодежи. Наконец, иностранцы (столь многочисленные в Практической школе исторических исследований), приезжающие во Францию пополнять научное образование и удивлявшиеся, что не могли до тех пор делать успехов на факультетах, не замедлили явиться туда тотчас же, как только явилась возможность находить там нечто аналогичное тому, что они привыкли встречать в германских университетах, и такое образование, которое казалось им полезным.

Но прошло много лет, и потребовалось много усилий, прежде чем студенты стали поступать в большом числе на факультеты, и только тогда, когда факультеты имели уже желательное количество учеников, выдвинулись на сцену настоящие задачи.

Громадное большинство студентов словесных факультетов

тов были прежде всего претендентами на ученые степени лиценциатов и кандидатов наук (à la licence et à l'agrégation), являвшимися в заведение с открытым намерением готовиться к экзаменам на эти ученые степени. Факультеты не могли избавиться от обязанности помогать им в этом приготовлении. Но двадцать лет тому назад экзамены должны были отвечать еще старинным требованиям. Лиценциат был свидетельством о хорошем среднем образовании, высшим бакалавриатом; на экзаменах для получения звания кандидатов истории и географии (сделавшимся настоящим licentia docendi) претенденты должны были „дать доказательство, что они очень хорошо знали то, что им могло бы быть поручено преподавать“. Следовательно, существовала несомненная опасность, что приготовительное преподавание факультетов к экзаменам на лиценциат и кандидатство, как и преподавание Высшей Нормальной школы, силою вещей, примет одинаковый характер. Кроме того, между учениками этой школы и учениками факультетов на конкурсных экзаменах должно было поневоле возникнуть соперничество. Если принять во внимание существовавшие программы, то не должно ли было привести, в конце концов, это соревнование все к большему и большему поглощению учеников и учителей соперничавших учреждений чисто школьными упражнениями, лишёнными возвышенности и действительной пользы?

Опасность очень важная. Она тотчас же была замечена дальновидными инициаторами реформы факультетов, А. Дюмоном, Л. Лиаром, Э. Лависсом. Лависс писал в 1884 году: „Претендовать на то, чтобы факультеты ставили себе главной задачей приготовление к экзаменам, значит желать замены научного образования дрессировкой: вот основательное возражение, которое серьезные умы противопоставляют сторонникам нововведений... Сторонники нововведений отвечают, что они, с самого начала, видели недостатки системы, но они убеждены, что изменение экзаменационного режима явится следствием реформы высшего образования; что будет найдено примирение между научной работой и подготовлением к экзаменам и что, таким образом, падет единст-

венное серьезное возражение, противопоставленное им их противниками“. Надо отдать справедливость одному из главных защитников реформы, что он никогда не упускал случая налегать на это большое место и, чтобы убедиться, что экзаменационный вопрос всегда считался за главную часть задачи реорганизации высшего образования во Франции, достаточно пробежать речи и статьи, озаглавленные „Преподавание и экзамены“, „Экзамены и курс учения“ и т. д., напечатанные г. Лависсом в трех томах, печатавшихся с 1885, через каждые пять лет по тому: „[Проблемы национального образования“ (Questions d'enseignement national), „Ученые и ученики“ (Etudes et étudiants), „По поводу наших школ“ (A propos de nos écoles).

Таким образом, был поставлен на очереди вопрос о реформе экзаменов в высших учебных заведениях (на степени лиценциатов, кандидатов и докторов). Он был выдвинут уже в 1884 г. и затем вторично поднят в 1897 г. Но в течение этого перерыва сделаны существенные успехи в верном, по нашему мнению, направлении, и, как кажется, вопрос, наконец, близится к разрешению.

IV. Прежняя экзаменационная система требовала от кандидатов на ученые степени превосходного знания наук, входящих в среднее образование. Так как она принуждала кандидатов, студентов высших учебных заведений, заниматься упражнением в тех же науках, какими они занимались в лицее, то нападать на нее было легко. Защитили ее вяло, и она была разрушена.

Но как ее заменить? Задача была очень сложная. Справедливо ли удивляться тому, что она не была решена сразу? Прежде всего нужно было прийти к соглашению по следующему предварительному вопросу: доказательства какого рода знаний и способностей следует требовать от студентов на экзаменах? Общих ли знаний? Технических ли знаний и способностей к оригинальным исследованиям (как в Школе Хартий и Практической школе исторических исследований)? Педагогических ли способностей? Мало-помалу признали, что, принимая во внимание обширный и разнообразный состав студенчества факультетов, необходимо предъявлять к

ним различные требования.

От кандидатов на лицензиат достаточно требовать доказательства хорошего общего образования, не воспрещая им в то же время, если они пожелают, представить доказательство, что у них есть уже склонность и некоторый навык к самостоятельным исследованиям.

От претендентов на степень кандидатов, сдавших уже экзамен на лицензиат, следует требовать: 1) формального доказательства, что они знают по опыту, что значит изучать какой-либо исторический вопрос, и располагают техническими знаниями, потребными для такого рода изучений; 2) доказательства педагогических способностей, имеющих для них профессиональное значение.

От студентов, не выступающих претендентами ни на какую степень, а желающих просто быть посвященными в тайны науки, — прежние программы не предусматривали возможность существования таких студентов, — требовать лишь доказательства, что они воспользовались сообщенными им знаниями и советами.

Поставив таким образом дело, сделали большой шаг вперед, потому что, как известно, программы господствуют над преподаванием. Теперь, следовательно, по предписанию программ, изучение истории на факультетах будет иметь тройкий характер, чего нельзя ему не пожелать. Общее образование не перестанет быть там в почете; упражнения в критике и исследования займут свое законное место. Наконец, не будет оставлена в пренебрежении и педагогическая сторона (теория и практика).

Затруднение начинается, когда дело заходит об определении испытаний, которые для каждой категории экзаменуемых должны быть лучшими, т. е. наиболее доказывающими знания учеников. В этом отношении взгляды расходятся. Если в настоящее время никто уже не оспаривает принципов новой системы, то испытанные до сих пор или предлагавшиеся способы ее применения на практике вызывают разногласия. Организация испытаний на степень лиценциата изменялась три раза; экзаменационный статус кандидатов истории реформировался или исправлялся пять раз.

И это еще не все. Требуются еще новые упрощения. Но какое может иметь значение такая неустойчивость, — хотя на нее и начинают жаловаться¹, — если доказано, как мы думаем, что прогресс продолжался во время всех этих изменений, без значительного отступления назад. Бесплезно излагать здесь подробно различные временные режимы, бывшие в употреблении. У нас был случай подвергнуть их критике в свое время и в своем месте².

В настоящее время, когда большинство обычаев, казавшихся нам несовершенными, оставлены, зачем тревожить этот пенел? Мы не будем даже говорить о том, что оставляет еще желать, по нашему мнению, ныне действующий режим, так как есть основание надеяться, что он очень в скором времени изменится и в очень желательном смысле. Достаточно знать, что факультеты выдают теперь новый диплом „диплом о высшем образовании“ (*diplôme d'études supérieures*), на искание которого имеют право все студенты, для кандидатов же получение его обязательно. Этот диплом, аналогичный диплому Практической школы исторических исследований и Школы хартий, а также степени доктора философии германских университетов, дается студентам исторического отделения, которые, помимо экзаменов по пройденному курсу, сдают еще специальный экзамен, состоящий из устного испытания по вспомогательным наукам истории, сочинения и защиты самостоятельной диссертации. Теперь всеми признано, что „экзамен для получения диплома высшего образования принесет превосходные плоды, если бдительность и добросовестность экзаменаторов сохранят за ним посылку его значение“³.

V. В общем, приманка приготовления к экзаменам на ученые степени привлекала на факультеты толпу студентов.

¹ *Revue historique*. LXIII. 1897. P. 96.

² См.: *Revue internationale de l'enseignement*. 1893. Févr.; *Revue universitaire*. 1892. Juin; 1894. Oct. et nov.; 1895. Juillet и *Political Science Quarterly*. Sept. 1894.

³ *Revue historique*. Op. cit. P. 98. — Я развиваю эту мысль в другом месте, на что указываю только здесь. См.: *Revue internationale de l'enseignement*. 1897. Nov. (Ш.-В. Жавуа).

Но приготовление к ученым степеням было, при прежней системе экзаменов на лиценциата и кандидата наук, делом, не соответствовавшим той задаче, которую факультеты считали подходящей для себя, полезной для своих учеников и для блага общества. Система экзаменов была, следовательно, настойчиво и не без труда, реформирована сообразно с известным идеалом высшего преподавания истории. В результате факультеты заняли место среди учреждений, содействующих положительным успехам исторических наук. В случае надобности это можно удостоверить перечислением трудов, вышедших за несколько последних лет.

Эта эволюция принесла уже благотворные последствия; если она завершится так же, как началась, то число таких последствий еще больше возрастет. Прежде всего преобразование преподавания истории на факультетах повлекло за собою такое же преобразование в Высшей Нормальной школе. Нормальная школа так же выдает, вот уже два года, диплом высшего образования; оригинальные работы, педагогические упражнения и общее образование там поощряются точно так же, как и на преобразованных факультетах. Она отличается теперь от факультетов только тем, что представляет собою закрытое заведение, выбирающее себе учеников с некоторыми предосторожностями; в сущности, это такой же факультет, как и остальные, с тою только разницею, что число студентов здесь очень ограниченное, но зато избранное. Во-вторых, Практическая школа исторических исследований и Школа хартий — обе сохранили свои особенности (*raison d'être*); преподавание многих специальностей поставлено в Практической школе исторических исследований гораздо лучше, чем на факультетах, и без сомнения, никогда не достигнет такой высоты на последних; что же касается изучения, относящихся к истории средних веков, то совокупность сходящихся в одной точке предметов преподавания в Школе хартий навсегда останется бесподобной. Но прежний антагонизм между Школой хартий и Практической школой исторических исследований, с одной стороны, и факультетами, с другой, в настоящее время исчез. Все эти учреждения, некогда столь несходные, работают отныне в одном направлении.

ради одного общего дела. Каждое из них сохраняет свое имя, свою автономию и свои традиции, но все составляют одно тело: исторический отдел идеального Парижского университета, гораздо более обширного, чем тот, который был освящен законом в 1896 году. В этом более обширном университете, Школа хартий, Практическая школа исторических исследований, Высшая Нормальная школа и совокупность исторических отделений словесного факультета являются в настоящее время только независимыми институтами.

Труд Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „Введение в изучение истории“ и историческая наука. Вступительная статья Ю.И.Семенова.....	3
О втором русском издании книги Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса „Введение в изучение истории“.....	37
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	38
ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ.....	49
КНИГА I. Предварительные сведения.....	49
Глава I. Отыскание документов. (Эвристика).....	49
Глава II. Вспомогательные науки.....	68
КНИГА II. Аналитические процессы.....	82
Глава I. Общие условия исторического знания.....	82
ОТДЕЛ I. Внешняя (подготовительная) критика.....	88
Глава II. Восстановительная критика.....	88
Глава III. Критика происхождения.....	100
Глава IV. Критическая классификация источников.....	112
Глава V. Критика подготовительная и эрудиты.....	120
ОТДЕЛ II. Внутренняя критика.....	144
Глава VI. Критика истолкования (герменевтика).....	144
Глава VII. Отрицательная внутренняя критика достоверности и точности.....	154
Глава VIII. Определение частных фактов.....	182
КНИГА III. Синтетические процессы.....	198
Глава I. Общие условия исторического построения.....	198

Глава II. Группировка фактов.....	213
Глава III. Рассуждение при историческом построении.....	229
Глава IV. Построение общих формул.....	236
Глава V. Изложение.....	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	278
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	283
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Преподавание истории в средних учебных заведениях Франции.....	283
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Преподавание истории в высших учебных заведениях Франции.....	292